НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТРАТЕГИИ
НА ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ**

Под редакцией
В.В. Михеева,
В.Г. Швыдко

Москва
ИМЭМО РАН
2020

УДК 327(51)

ББК 66.4(55)

Националь 354

Рекомендовано НИС Ученого совета ИМЭМО РАН

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Рецензенты:

академик В.Л. Ларин,
кандидат исторических наук И.Я. Кобринская

Ответственные редакторы:

академик В.В. Михеев,
кандидат экономических наук В.Г. Швыдко

Авторский коллектив:

О.Н. Борох, К.Р. Вода, А.Г. Володин, О.В. Давыдов, Е.О. Заклязьминская, С.В. Игнатьев,
Е.А. Канаев, Е.Л. Леонтьева, А.В. Ломанов, С.А. Луконин, А.Н. Федоровский, В.Г. Швыдко.

Националь 354

Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском
пространстве: анализ и прогноз / Под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. – М.:
ИМЭМО РАН, 2020. – 182 с.

ISBN 978-5-9535-0582-6

DOI:10.20542/978-5-9535-0582-6

Монография посвящена анализу интеллектуального фона определения курса внутренней и внешней политики основных стран Индо-Тихоокеанского региона на средне- и долгосрочную перспективу. Наряду с обзором важнейших концепций, лежащих в основе стратегий развития и международного позиционирования этих стран, авторы делают предположения о возможной модификации этих концепций в будущем и появлении новых теоретических положений, определяющих практические шаги государств региона.

National and International Strategies in Indo-Pacific. Analysis and Forecast /

Mikheev V., Shvydko V. ed. – Moscow, IMEMO, 2020. – 182 p.

ISBN 978-5-9535-0582-6

DOI:10.20542/978-5-9535-0582-6

The monograph analyses intellectual background of the long-term internal and foreign policy lines of major countries in the Indo-Pacific region. While presenting an overview of the key concepts underpinning long-term strategies of development and international aligning of these countries, the authors also make assumptions about possible modification of these concepts in the future and the emergence of new theoretical positions defining practical steps to be taken by the regional powers.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0582-6

© ИМЭМО РАН, 2020

Оглавление

Предисловие.....	4
1. Китай: новые идеи для меняющегося мира.....	7
1.1 Изменения в политике, новые цели и новые проблемы.....	7
1.2 Новые аспекты «китайского фактора»	13
1.3 Инициатива «Пояс и Путь»: вызовы, изменения, возможности.....	23
2. Япония: видение будущего.....	38
2.1 Стратегии социально-экономического развития и образ будущего.....	38
2.2 Внешнеполитический курс на тихоокеанском пространстве.....	45
2.3 Стратегия японских корпораций на средне- и долгосрочную перспективу.....	61
3. Корейский полуостров: стратегии управления ситуацией.....	64
3.1 Ракетно-ядерная проблема: стратегии разоружения и пост-ядерного мира.....	68
3.2 Возможность новых вызовов со стороны КНДР: химическое и биологическое оружие.....	75
3.3 Стратегии действий в связи с возможным развитием внутривосточной ситуации в КНДР.....	80
3.4 Перспективы денуклеаризации и пути нормализации государственных отношений на Корейском полуострове.....	83
4. Стратегии объединения Кореи.....	91
4.1 Идея и перспективы воссоединения Кореи.....	91
4.2 Эволюция и факторы политики РК в отношении Севера и перспектив реинтеграции.....	97
5. США в Индо-Тихоокеанском регионе.....	104
5.1 От «перебалансировки» в АТР к задаче более эффективной защиты американских экономических интересов в регионе.....	104
5.2 Идеи расширения тихоокеанского пространства: опорные точки Вашингтон – Канберра – Нью-Дели –Токио.....	112
5.3 Новые взаимоотношения США с КНР: партнерство VS противоборство.....	118
6. Австралия и Индия как элементы новой идентичности региона	125
6.1 Концепция Индо-Тихоокеанского региона: генезис идеи.....	125
6.2 Индо-Тихоокеанский регион в интеллектуальном инжиниринге Австралии.....	135
6.3 Индия в новых региональных форматах международных отношений.....	146
7. АСЕАН в контексте расширенной концепции тихоокеанского регионализма.....	155
7.1 Дискуссии и акценты.....	155
7.2 Индо-Тихоокеанский регион в контексте перспективных задач АСЕАН.....	160
Вместо заключения: субъективный взгляд на грядущие перемены.....	168

Предисловие

Нашу работу мы предлагаем рассматривать как продолжение изучения роли «умной силы» (силы идей) в обеспечении и стимулировании развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Предметом исследования выступают национальные, а также международные стратегии стран индо-тихоокеанского пространства, уже сформулированные их политическими элитами или пока еще только разрабатываемые экспертами. Эти стратегии рассматриваются, во-первых, как реакция стран на наиболее актуальные проблемы развития, а, во-вторых, как средство реализации политических и экономических амбиций правящего класса – претензии на лидерство, развитие многосторонних форматов, разрешение региональных проблем и т.п. Иными словами, авторы пытаются дать прогноз поведения стран региона в среднесрочном будущем.

Основная **цель исследования** видится в том, чтобы получить доступ к инструментам своего рода «стратегического инжиниринга». Имеется в виду работа по оказанию влияния на экспертное, политическое, государственное мышление в странах индо-тихоокеанского пространства в желательном для России направлении посредством «умной силы», «второй и полуторной дорожек (треков)» международного общения и др.

Другой целью авторов является выработка предложений по корректировке российских стратегий на этом пространстве в соответствии с разрабатываемыми и реализующимися стратегиями других государств.

Горизонт прогнозирования составляет 10–15 лет.

Своего рода «сверхзадача», которую сегодня мы скорее лишь обозначаем, нежели решаем, видится в том, чтобы дать прогноз того, с какими, сегодня еще даже не появившимися в головах экспертов и политиков стратегиями развития и международного поведения стран этой части мира Россия может столкнуться в среднесрочной перспективе. Если в будущем нам удастся это сделать, то при использовании вышеупомянутых инструментов «стратегического инжиниринга», мы смогли бы подтолкнуть региональную политическую мысль к новым, более выгодным для нашей страны вариантам стратегий развития и международного поведения стран региона.

Говоря о России, мы попытаемся очертить иерархию зон ее интересов; понять, где стоит, а где пока не стоит торопиться с реакцией на происходящие события, т.е. где выгоднее не спешить с инициативами, но продолжать наблюдать за ситуацией. Постараемся представить соображения относительно рационализации политики России с целью формирования ее восприятия как ответственного игрока на этом пространстве.

В **геополитическом** плане авторы фокусируются на исследовании следующих вопросов:

- стратегии внутривнутриполитического развития Китая и инициатива «Пояс и Путь», в состав которой входят «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века»;
- проблемы ракетно-ядерной программы КНДР и вопросы объединения Корейского полуострова;
- роль и место Японии в текущих и будущих региональных и глобальных процессах;
- региональный профиль и планы АСЕАН;

- политика США в этой части мира (уклонение от развития многосторонних форматов и организаций, политика «America first» и т.д.)
- стратегическое видение своей роли на исследуемом пространстве Австралией и Индией.

Работа выполнена коллективом авторов в составе В.В. Михеева (предисловие, заключение и общая редакция), А.В. Ломанова, О.Н. Борох (части 1.1, 1.2), С.А. Луконина, Е.О. Заклязьминской, С.В. Игнатьева (1.3), В.Г. Швыдко (2.1), К.Р. Вода (2.2), Е.Л. Леонтьевой (2.3), О.В. Давыдова (3.1–3.4; 4.1; 5.1–5.3), А.Н. Федоровского (4.2), Е.А. Канаева (6.1; 6.2; 7.1; 7.2), А.Г. Володина (6.3).

* * *

Данная монография задумывалась, и большая ее часть была выполнена до пандемического кризиса 2020 г. Кризис не мог не внести свои коррективы в стратегическое мышление стран, оказавшихся в фокусе нашего внимания. Однако существующие сегодня оценки мировых и региональных последствий кризиса существенно разнятся. В этой связи кажется необходимым обозначить наше видение данной проблемы – применительно к настоящей работе.

Первое. Мы не согласны с тезисом о том, что «мир уже не будет прежним» и пандемический кризис будет провоцировать разогрев старых и создание новых международных военно-политических конфликтов, в том числе в борьбе за ресурсы, сельскохозяйственные земли и т.п.

Мир меняется постоянно, каждый месяц, год. И в то же время остается тем же. Появляются новые, но и продолжают действовать сложившиеся логики развития событий, поведения стран, их взаимоотношений. Пандемия привносит новые цели и задачи в стратегическое мышление руководства рассматриваемых нами стран. Но не отменяет действующих.

Также свою логику имеют проблемы, существующие в отношениях между государствами региона и региональные противоречия и конфликты. Нынешний «коронавирусный» кризис не оказывает на них прямого и решающего воздействия.

Второе. В нашем понимании кризис вызван двумя важнейшими причинами. Первая – слабость существующих в мире в целом и в рассматриваемых нами странах систем здравоохранения. Вторая – невиданные ранее огромные миграционные потоки – как внутри стран, прежде всего больших и лишь недавно вышедших на определенный уровень богатства населения. Так и между государствами.

Отсюда можно ожидать появления новых элементов стратегического мышления по двум направлениям. Первое – увеличение инвестиций в здравоохранение. Япония уже приняла решение о доведении уровня финансирования этой сферы как минимум до 10% государственного бюджета. В том же направлении движутся КНР и Южная Корея.

Второе – нахождение оптимального сочетания медицинских и немедицинских ограничительно-караательных мер борьбы с пандемией. Между рисками распространения болезни на большее количество людей – по сравнению с нынешним (на конец августа 2020 г.) примерно 1% населения по числу заболевших и 0,01% по числу умерших, с одной стороны. И рисками нарушения фундаментальных прав человека на свободу передвижения и общения и прав бизнеса на свое функционирование.

На фоне стран Европы и Америки рассматриваемые нами государства Азии (Китай, Япония, Южная Корея) имеют наименьшие показатели заболеваемости и наиболее быстрые темпы восстановления экономики после запретительной фазы стратегии по борьбе с пандемией.

Третье. Поскольку пандемический кризис привел к экономическому, в рассматриваемых странах будут разрабатываться новые меры по преодолению социально-экономических последствий пандемии.

При этом страны будут стараться использовать свои преимущества как в борьбе с самим вирусом, так и в восстановлении экономики для упрочения собственных международных позиций.

Академик В.В. Михеев

1. КИТАЙ: НОВЫЕ ИДЕИ ДЛЯ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

1.1 Изменения в политике, новые цели и новые проблемы

Произошедшие в 2010-е годы заметные перемены во внешнеполитической и экономической стратегии Китая связаны с ростом экономической мощи страны, ставшим стимулом для выдвижения более решительного внешнего курса. Сочетание роста дипломатической активности с осуществлением сложного перехода в экономическом развитии стало фоном для разгоревшегося в 2018 г. торгового спора с США и нового раунда внутрикитайских дебатов о стратегии развития страны.

Обновление внешнеполитической стратегии Китая началось вскоре после смены в 2012 г. высшего руководства КПК. В начале 2013 г. Си Цзиньпин призвал уделять больше внимания анализу международной ситуации, «укреплять стратегическое мышление» и «наращивать способность создавать стратегию». Китайская политика начала переход от ситуативного реагирования на внешние вызовы к разработке долгосрочной программы действий. В качестве ограничителей, указывающих на пределы дипломатического маневра, в китайской официальной лексике появилось понятие «сердцевинных интересов», которыми страна не может жертвовать ни при каких обстоятельствах.

Исходя из взаимозависимости развития всех стран в современном мире, Си Цзиньпин заявил о необходимости создать основанные на сотрудничестве и взаимном выигрыше «международные отношения нового типа». США было адресовано предложение построить «отношения нового типа между большими государствами». Они основаны на сотрудничестве и совместном выигрыше, но при этом подчеркивают важность совместной работы по предотвращению двусторонних конфликтов и противостояния на основе взаимного уважения.

Стремление вывести китайско-американские отношения на более высокий уровень развития сопровождалось ростом внимания Пекина к налаживанию связей со странами Азии. Провозглашение осенью 2013 г. инициативы «Пояс и Путь» стало свидетельством разворота китайской внешней политики в сторону соседних государств за счет относительного снижения внимания к американскому направлению.

24 октября 2013 г. на совещании по дипломатической работе с сопредельными странами Си Цзиньпин заявил о необходимости «стремиться к достижениям» (*фэньфа юэзй*) во внешнеполитической сфере. Эти слова стали формальным завершением периода неукоснительного следования сформулированной Дэн Сяопином в начале 1990-х годов стратегии «сокрытия возможностей», сдержанности и нейтрального наблюдения за происходящими в мире событиями. Основной сферой приложения новой активной внешней политики стали сопредельные страны, налаживание сотрудничества с которыми призвано обеспечить Китаю благоприятные условия для собственного развития.

Укрепление связей с соседями должно расширить возможности экономического взаимодействия и сделать Китай менее зависимым от поворотов в политике США. Прежде китайские лидеры исходили из того, что для решения проблем с сопредельными странами нужно сперва договориться с Америкой. Это придавало китайско-американским отношениям особый статус в ряду внешнеполитических приоритетов Пекина. Си Цзиньпин выбрал путь диверсификации партнерств и налаживания прямых связей с соседними странами без оглядки на США.

Отличительной особенностью периода руководства Си Цзиньпина стала «рекитаизация» китайской политики. В ноябре 2014 г. партийно-государственный лидер заявил, что «Китаю нужна дипломатия большого государства с собственной спецификой». Эта формулировка позволяет обосновать проведение независимого внешнеполитического курса ссылками на цивилизационные особенности Китая, его древние традиции и нынешний строй «социализма с китайской спецификой»

В сентябре 2015 г. Си Цзиньпин провозгласил в стенах ООН цель создания «сообщества судьбы человечества». В 2017 г. в докладе ЦК КПК на XIX съезде этот лозунг стал смысловым центром новой китайской внешней политики. Ключевыми характеристиками «сообщества судьбы человечества» выступают «длительный мир», «всеобщая безопасность», «совместное процветание», «открытость и инклюзивность», избавленный от экологических проблем «чистый и прекрасный мир». Тезис о необходимости «продвижения строительства сообщества судьбы человечества» в 2017 г. вписан в устав КПК, а в 2018 г. – в преамбулу конституции КНР, что придало ему непререкаемый нормативный статус.

Стержневой идеей доклада ЦК КПК на XIX съезде стало провозглашение «новой эпохи социализма с китайской спецификой», когда китайская нация совершает «великий скачок» от «вставания на ноги» и «обогащения» к «усилению». Это означает, что страна вошла в третий период развития после эпохи Мао Цзэдуна, в которую Китай поднялся в качестве суверенного государства, а также реформ Дэн Сяопина, открывших путь к экономическому процветанию. Лейтмотивом правления Си Цзиньпина становится укрепление китайской мощи.

На Центральном совещании по внешнеполитической работе в июне 2018 г. Си Цзиньпин выделил десять аспектов «внешнеполитических идей новой эпохи социализма с китайской спецификой», сформировавшихся после состоявшегося в 2012 г. XVIII съезда КПК (в китайских СМИ они получили название «внешнеполитических идей Си Цзиньпина»). Среди них: укрепление единого централизованного партийного руководства внешнеполитической работой, «продвижение дипломатии большого государства с китайской спецификой» в интересах осуществления «великого возрождения китайской нации», строительство «сообщества судьбы человечества» ради защиты мира во всем мире и содействия совместному развитию. Новый акцент появился в трактовке роли Китая в глобальном управлении. Прежде в официальных документах речь шла о необходимости «активно участвовать» в реформировании системы глобального управления. Теперь речь идет о том, что Китай должен, «придерживаясь идеи беспристрастности и справедливости, направлять реформу системы глобального управления». Си Цзиньпин заявил о необходимости «придерживаться стратегической уверенности в себе и сохранять стратегическую решительность», «продвигать инновации в дипломатической теории и практике»¹.

Внешние цели китайской стратегии тесно увязаны с внутренними приоритетами. Еще в 2012 г. Си Цзиньпин провозгласил идею «китайской мечты», практическое осуществление которой связано с достижением «двух столетних целей».

В 2020 г. необходимо завершить «всестороннее строительство общества средней зажиточности (*сяокан*)» к 100-летию основания КПК. Материальным критерием является удвоение к 2020 г. по сравнению с 2010 г. размера ВВП и среднедушевых доходов населения. Для достижения этой цели необходимо поддерживать темп экономического роста на уровне 6,5% в год. К 2020 г. намечено избавить от бедности сельское население и снять ярлык «бедный» со всех уездов,

¹ Жэньминь жибао. 24.06.2018

отставших по уровню материального развития. Вторая, более отдаленная программная цель построения современного государства должна быть достигнута к середине нынешнего века к 100-летию образования КНР.

В преддверии XIX съезда Си Цзиньпин заявил летом 2017 г. о том, что развитие Китая вышло на «новую историческую точку», и настало время выдвинуть «всестороннюю стратегическую перспективную программу действий». На съезде на официальном уровне впервые 2035 год был обозначен промежуточной датой в схеме «двух столетних целей». Это позволило более четко структурировать тридцатилетний период между 2020 и 2050 годами, разделив его на два этапа.

В соответствии с обновленной стратегией развития, в период с 2020 по 2035 годы будет осуществлена «базовая социалистическая модернизация». К этому времени:

- экономическая и научно-техническая мощь Китая значительно возрастут;
- Китай окажется в первых рядах инновационных стран;
- будет достаточным образом обеспечено право народа на равное участие в общественных делах и равноправное развитие;
- в основном завершится создание государства, правительства и общества с правлением на основании закона;
- все институты станут более совершенными, в основном модернизированы система и возможности государственного управления;
- на новую высоту поднимется уровень цивилизованности общества, явным образом укрепится мягкая сила культуры государства, расширится и углубится влияние китайской культуры;
- жизнь народа станет более зажиточной, заметно вырастет доля населения со средним уровнем доходов, очевидным образом сократятся разрывы в уровне развития города и села, различных регионов, в уровне жизни населения;
- в основном будет обеспечен равный доступ к базовым общественным услугам, сделаны уверенные шаги к совместной зажиточности всего народа;
- в основном сформирована современная система общественного управления, общество станет полным жизненных сил, гармоничным и упорядоченным;
- коренным образом улучшится экология, в основном достигнута цель создания «прекрасного Китая»².

На этой основе после 2035 г. до середины столетия намечено построить «богатую сильную демократическую цивилизованную гармоничную красивую социалистическую модернизированную державу». К столетию образования государства:

- всесторонне возрастет уровень материальной, политической, духовной, социальной и экологической цивилизации;
- осуществлена модернизация системы государственного управления и возможности управления;
- Китай станет лидером по совокупной национальной мощи и международному влиянию;

² Си Цзиньпин. Цзюэшэн цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэхуэй доцюй синь шидай чжунго тэсэ шэхуэйчжуи вэйда шэнли – цзай Чжунго гунчаньдан ди шицзю цы цюаньго дайбяо дахуэй шан дэ баогао (2017 нянь 10 юэ 18 жи) [Добиться решительного успеха во всестороннем построении общества сяокан, одержать великую победу социализма с китайской спецификой новой эпохи – доклад на 19-м съезде Коммунистической партии Китая (18 октября 2017 года)]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ. 2017. С. 28–29.

- в основном достигнута совместная зажиточность всего народа;
- народ будет наслаждаться еще более счастливой и благополучной жизнью
- китайская нация с еще более приподнятым настроением будет находиться среди наций мира³.

Несмотря на расплывчатость и отсутствие количественных показателей, ориентиры 2035 г. и середины века играют заметную роль в формулировании целей развития Китая. В частности, необходимо обратить внимание на привязку к схеме трех этапов планов военной модернизации, представленных на XIX съезде КПК:

- к 2020 г. осуществить базовую механизацию, обеспечить устойчивый прогресс в информатизации, значительно повысить стратегический потенциал армии;
- к 2035 г. в основном осуществить модернизацию национальной обороны и армии; вместе с продвижением модернизации страны всесторонне модернизировать военную теорию, военную организацию, систему военных кадров, вооружение и военную технику;
- к середине столетия полностью построить китайскую армию как первоклассные вооруженные силы мирового уровня⁴.

Долгосрочные ориентиры развития страны были обозначены на съезде без привязки к показателям роста ВВП, что освобождает власти от необходимости стремиться к конкретным цифрам. Это изменение указывает на окончательное признание руководством страны вхождения китайской экономики в состояние «новой нормальности», характеризующееся необратимым замедлением темпов роста. Новые планы составляют с учетом необходимости обеспечить устойчивое развитие в условиях снижения количественных показателей. На XIX съезде было сказано о переходе Китая от «высокоскоростного» к «высококачественному» развитию. В области экономической политики этот тезис указывает на необходимость изменения способа и драйверов роста, оптимизацию структуры экономики.

Обновление трактовки основного противоречия развития Китая стало важной идейно-теоретической новацией XIX съезда КПК. Прежде партийное руководство говорило о противоречии «между возрастающими материальными и культурными потребностями народа и отсталым общественным производством». В 2017 г. было заявлено о главенстве противоречия «между растущей потребностью народа в хорошей жизни и неравномерным неполным развитием». В китайской трактовке «неравномерность» указывает на разрыв в доходах между городом и селом, а также между регионами. «Неполнота» означает несоответствие между спросом и предложением. Характеристики увязаны друг с другом, поскольку просьбы местных руководителей об увеличении финансирования для преодоления «неполноты» развития в ряде случаев могут усугубить существующую региональную неравномерность.

На новом этапе развития Китая главная сторона противоречия переместилась в сторону предложения, структура которого не соответствует изменениям структуры спроса. Ключом к решению этих проблем выступает предложенная Си Цзиньпином структурная реформа предложения, которая включает в себя сокращение избыточных производственных мощностей, уменьшение предложения на рынке жилой недвижимости, реструктуризацию долгов, снижение производственных издержек.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 53.

Укрепление партийного руководства, придание нормативного статуса «идеям Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой» и снятие ограничений на занятие поста председателя КНР, позволяющее нынешнему лидеру остаться у власти после 2023 г., не означают отказа от проведения рыночных реформ. Тенденция к централизации и персонализации власти не препятствует признанию решающей роли рынка в размещении ресурсов и ограничению функций правительства в пользу рыночных механизмов.

Китайские исследователи отмечают, что XIX съезд КПК не только подтвердил курс рыночных реформ, но и обозначил новые меры для его реализации. Была подчеркнута решимость властей совершенствовать систему прав собственности, которая включает в себя не только защиту этих прав, но также их определение и передачу, в том числе в области интеллектуальной собственности. Власти выразили намерение продолжать реформу государственного сектора экономики, поставив задачу сделать государственный капитал «сильным, хорошим и большим», избавившись от хронически убыточных госпредприятий через процедуру банкротства.

Стремление вырастить в Китае группу обладающих глобальной конкурентоспособностью первоклассных госпредприятий сопровождается усилением политики поддержки развития предприятий негосударственной собственности. В докладе на съезде было сказано о борьбе с монополизмом и устранении препятствий на пути свободной конкуренции; впервые в партийном документе столь высокого уровня было сказано о поощрении «духа предпринимательства». Все это указывает на стремление властей дать возможность частным и государственным предприятиям проявить свои преимущества, обеспечить условия для их совместного развития.

Важным моментом стал акцент на необходимость усиления базовой роли потребления в экономическом развитии, исправления сложившейся за многие десятилетия структурной диспропорции. Прежде доля потребления в Китае была заниженной, однако в условиях «новой нормальности» именно потребление призвано стать новой точкой для продолжения экономического роста. Еще одной примечательной особенностью стало повышение внимания к углублению финансовой реформы и созданию «двухпорной» системы контроля над банковским сектором, сочетающей монетарную политику и макропруденциальный надзор⁵.

После XIX съезда китайские власти демонстрируют неизменное внимание к проблеме предотвращения финансовых рисков. Ответом на чрезмерные спекулятивные колебания на рынке ценных бумаг стали требования поставить финансовый рынок на службу реальной экономике и увеличить долю прямого финансирования.

Высококачественный рост становится ключевым требованием, которое в перспективе будет влиять на разработку стратегии развития и осуществления политики макроконтроля. Китайские эксперты подчеркивают, что в стране уже нет условий для продолжения развития с высокими темпами экономического роста. Причина в том, что структура спроса изменилась, потребности людей возросли, а численность населения в трудоспособном возрасте снизилась. Финансовые риски, давление фактора ограниченности ресурсов и необходимость защиты окружающей среды привели к тому, что продолжение погони за высокими темпами роста способно породить риски, превышающие выгоды от быстрого роста. В контексте изменения основного противоречия китайского общества прежний тезис об

⁵ Чжан Чжоюань. Синь шидай цзинцзи гайгэ жогань цзюцэ [Некоторые меры экономической реформы новой эпохи] // Цзинцзи яньцзю. 2017. № 11. С. 8–11.

«отсталости общественного производства» уступил место проблеме неполного и неравномерного развития, указывающей на невысокое качество роста. Чтобы после 2020 г. приступить к строительству «социалистической модернизированной державы», уже сегодня надо заниматься проблемами качества, а не количества⁶.

Сущность «новой эпохи» в экономическом развитии Китая состоит в переходе от развития высокими темпами к высокому качеству роста. Замедление темпов экономического роста привело к переосмыслению модели развития экономики и переориентации с доходов от экспорта на расширение внутреннего потребления. Структурный характер дисбалансов означает, что возможности китайской экономики создать эффективное высококачественное предложение недостаточны для удовлетворения постоянно растущего индивидуализированного высококачественного спроса. Более того, они становятся ограничителями спроса.

Основополагающими ориентирами экономической политики китайских властей в 2018 г. стали «продвижение вперед в условиях стабильности», поддержание высокого качества роста, углубление структурной реформы предложения. Появился тезис о проведении «трех ключевых сражений», нацеленных на предотвращение крупных рисков, адресную целенаправленную борьбу с бедностью, противодействие загрязнению окружающей среды. Акцент на развитие реальной экономики и ускорение темпов роста передовых производств призван помочь Китаю занять верхние позиции в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Еще в первой половине 2010-х Китай взял курс на поиск новых двигателей роста, оптимизацию экономической структуры, коррекцию программы экономического развития с учетом экологических издержек (дилемма «дымный смог или голубое небо»), компенсацию сокращения традиционных преимуществ дешевой рабочей силы и ресурсов наращиванием новых преимуществ открытости и инноваций. Предполагается, что курс на создание инновационной экономики позволит избежать стагнации по мере исчерпания традиционных ресурсов роста; усиление скоординированности развития поможет избежать накопления диспропорций, а «зеленое развитие» даст возможность улучшить состояние окружающей среды. Акцент на продолжение и углубление политики открытости становится залогом недопущения отката к замкнутости на фоне ухудшения внешних условий развития китайской экономики. Расширение доступа населения к благам экономики в результате реформ призвано помочь избежать возникновения недовольства и погасить потенциальные очаги социальной нестабильности.

Замедление темпов роста экономики становится стимулом для критического переосмысления фундаментальных оснований прежней версии «китайской модели». Вместе с тем Китай сохраняет мировое лидерство в темпах развития, что способствует поддержанию позитивного интереса к китайскому опыту. На XIX съезде было сказано, что опыт китайского социализма проложил развивающимся странам «путь к модернизации» и предоставил «полностью новый выбор» тем странам и народам, которые хотят быстро развиваться и при этом сохранить собственную независимость. Было заявлено и о том, что Китай «с каждым днем приближается к центру мировой сцены и непрерывно вносит все более значительный вклад в дела человечества».

У экономических воззрений Си Цзиньпина есть не только внутреннее, но и внешнее измерение, связанное с разработкой китайского подхода к глобальному экономическому управлению. В выступлении на Всемирном экономическом форуме в Давосе 17 января 2017 г. Си Цзиньпин заявил, что Китай готов принять участие в обсуждении «сбалансированной и выгодной всем модели развития» для всего мира,

⁶ Сюэси шибao. 05.03.2018

а также расширить допуск иностранцев к плодам собственного развития. Он осудил призывы отказаться от экономической глобализации и поставил в пример Китай, сумевший преодолеть сомнения и принять решение о вступлении в ВТО. Благодаря этому «правильному стратегическому выбору» Китай научился плавать в волнах мирового рынка, подобного бурному океану. Китайское руководство подчеркивает, что драйвером роста замедлившейся мировой экономики должны стать инновации; что следует создавать открытую модель сотрудничества и выступать против протекционизма. Китай также призывает предоставить развивающимся странам более значительное представительство и голос в процессе создания справедливой и рациональной модели глобального управления.

Эти идеи были развиты на Азиатском форуме в Боао в апреле 2018 г., когда угроза торговой войны с США превратилась для Китая в реальность. По словам Си Цзиньпина, история развития человеческого общества свидетельствует, что открытость приносит прогресс, а закрытость неизбежно ведет к отсталости. Китайский лидер указал на необходимость строить «мировую экономику открытого типа», укреплять роль «Большой двадцатки», АТЭС и прочих форматов многостороннего сотрудничества, упрощать ведение торговли и осуществление инвестиций, защищать многосторонние торговые механизмы. Он подчеркнул, что «экономическая глобализация является необратимым течением эпохи», поэтому «двери Китая не закроются, они могут лишь открыться еще шире». Си Цзиньпин обещал упростить процедуры входа на китайский рынок в сфере обслуживания, прежде всего в финансовой отрасли, создать условия для привлечения иностранного капитала, усилить защиту прав интеллектуальной собственности, предоставить стимулы для увеличения импорта.

Однако это выступление не помогло сдержать быстрое ухудшение экономических отношений с США. В 2018 г. две страны встали на путь торговой войны, что поставило китайские власти перед необходимостью коррекции своей внешнеполитической и экономической стратегии.

1.2 Новые аспекты «китайского фактора»

Пятилетие, начавшееся с приходом Си Цзиньпина на руководящие посты в 2012 г., стало периодом выдвижения и структуризации новых стратегий развития. Условным моментом завершения этого периода можно считать момент публикации в декабре 2017 г. Стратегии национальной безопасности США, объявившей Китай наравне с Россией «ревизионистским государством», намеревающимся создавать мир наперекор американским интересам и ценностям.

Заявление США о восприятии Китая как соперника стало весомым стимулом для переосмысления уже выдвинутых китайских планов. Это было связано с ростом осознания того, что действия США направлены на структурное ограничение дальнейшего роста Китая. Введение в 2018 г. администрацией Трампа повышенных пошлин на китайский экспорт многие исследователи в Китае восприняли как практический шаг в направлении осуществления политики «сдерживания».

Ухудшение экономических отношений с США стало косвенным подтверждением обоснованности сделанного Си Цзиньпином выбора в пользу более активного развития взаимодействия с сопредельными странами. Несостоятельными оказались прежние надежды китайской элиты на то, что договоренности с США позволят решить все проблемы в любом уголке мира, в том числе в отношениях с соседями. Рост напряжения в китайско-американских отношениях стал дополнительным стимулом к интенсификации связей со странами региона, прежде

всего в рамках осуществления инициативы «Пояс и путь» («Один пояс, один путь»). Китай добивается того, чтобы как можно меньше сопредельных стран поддерживали американскую политику сдерживания.

На протяжении десятилетий США относились к Китаю как к перспективному партнеру, способному в будущем сделать шаг от развития рыночной экономики к созданию политической демократии. Однако «новая эпоха» Си Цзиньпина характеризуется укреплением контроля со стороны КПК над всеми сторонами деятельности государства, усилением идеологической работы, проведением активной внешней политики. Администрация Трампа подходит к Китаю как к сопернику, стремящемуся бросить вызов США на всех фронтах. В китайском экспертном сообществе утвердилось мнение, что в американской политической элите сложился прочный «антикитайский консенсус», поэтому ожиданий улучшения отношений после смены президента США становится все меньше.

Не оправдались китайские расчеты на то, что две стороны будут решать споры через диалог, постепенно расширяя пространство для взаимодействия. В китайско-американских отношениях с обеих сторон все более заметно стремление воспринимать как «игру с нулевой суммой». Представления сторон о своих национальных интересах расходятся все дальше, поэтому возможности обеспечить «взаимный выигрыш» остается все меньше. В изменившейся ситуации предложенная Китаем американской стороне модель «отношений нового типа между большими государствами» не имеет шансов на практическую реализацию в обозримом будущем. Можно сделать вывод, что эту инициативу постигла та же судьба, что и более раннюю американскую идею превращения Китая в «ответственного акционера» руководимого США миропорядка. Пекин отверг идею создания «большой двойки», решив, что партнерство на условиях США будет противоречить его интересам и приведет к ухудшению отношений с другими странами.

Внешнеполитическая стратегия «стремления к достижениям» с самого начала вызвала неоднозначные отклики внутри китайского экспертного сообщества. Выступивший в ее защиту известный ученый-международник Янь Сюэтун отмечал, что «стремление к достижениям» означает переход Китая от пассивной адаптации к внешнему окружению к попыткам его формирования в желаемом направлении, от стремления к экономическим выгодам к принятию моральных обязательств и бремени лидерства. Стратегия «стремления к достижениям» поставила политическое достоинство выше экономических интересов: Китай озаботился тем, чтобы заводить себе друзей и пользоваться их доверием.

По мнению ученого, в 2012–2013 гг. эта стратегия помогла стабилизировать китайско-американские отношения, которые перешли от поверхностной дружбы к мирному соперничеству, основанному на признании существования структурного конфликта между двумя странами. Отказ от эгоистического стремления к экономической выгоде в рамках парадигмы «сокрытия возможностей» должен помочь Китаю создать образ моральной ответственной державы, готовой брать на себя международные обязательства. Янь Сюэтун указывал, что главный риск активной дипломатической стратегии состоит не в возникновении войны с США, а в военной конфронтации с соседями, в особенности с Японией, способными воспринять поведение «стремящегося к достижениям» и набирающего силу Китая как проявление агрессивности⁷.

⁷ Yan Xuetong. From Keeping a Low Profile to Striving for Achievement // The Chinese Journal of International Politics. Volume 7. Issue 2. June 2014. Pp. 153–184.

Ухудшение экономических отношений с США стало поводом для возобновления в 2018 г. спора о китайской внешнеполитической стратегии. Ситуативной реакцией на рост напряженности стали призывы усилить линию Дэн Сяопина на «сокрытие возможностей» и ослабить провозглашенное Си Цзиньпином «стремление к достижениям». В китайском интернете начали множиться упреки в адрес властей, якобы спровоцировавших Америку на ужесточение курса в отношении Китая чрезмерной напористостью во внешней политике и бахвальством по поводу экономических достижений.

Официальный взгляд на проблему был изложен в августе 2018 г. в редакционной статье газеты «Жэньминь жибао» «В чем сущность инициированной США торговой войны»⁸. Критика была адресована тем, кто в интернете утверждает, что «китайская стратегия была слишком самоуверенной и напыщенной, и это привело к комбинированному американскому удару». Досталось и тем, кто призывает не отвечать Америке встречными мерами, утверждая, что «надо было пораньше пойти на компромисс и уступить, в этом случае торговая война не становилась бы все более ожесточенной». Эти люди полагают, что если Китай проявит мягкость, то США в ответ обязательно «продемонстрируют снисходительность» и торговая война прекратится.

Нормативный подход сводится к тому, что «самоуверенность» либо «неуступчивость» Китая к делу не относятся. Главной причиной торговой войны было названо целенаправленное стремление США к уничтожению сильных соперников, объем экономики которых превышает половину американского ВВП. В «холодной войне» США одержали верх над СССР, навязанное американцами «соглашение Плаза» привело к повышению курса иены и потере двух десятилетий в развитии японской экономики. Теперь самым мощным соперником США стал Китай и стремление к его нейтрализации становится приоритетной целью Вашингтона. «У Китая нет намерения вызвать изменения в США, также нет желания заменить собой США. Америка не может подчинить себе Китай, тем более она не способна затормозить развитие Китая. Если бы не было ветра и дождя, кто бы увидел радугу? Нам нужно глубоко осознать, что великое возрождение китайской нации не может быть осуществлено легко и просто, под звуки гонгов и барабанов. Лишь если воля всех сынов и дочерей Китая станет настоящей крепостью, никто не сможет преградить нам путь вперед», – заявила газета «Жэньминь жибао».

Прогноз нарастания трудностей в осуществлении китайских стратегических планов и упоминание о превращении воли народа в «настоящую крепость» указывают на формирование более трезвого понимания сложности внешнего контекста развития страны. Речь идет об адаптации к реальности, но не о снятии лозунга «великого возрождения китайской нации». После торжественного провозглашения вступления Китая в «эпоху усиления» возвращение к прежнему незаметному поведению на мировой арене в духе заветов Дэн Сяопина становится невозможным. Отказ от активной внешней политики, от заявки на руководящую роль в реформе глобального управления, от планов построить «сообщество судьбы человечества» породит кризис легитимности «идей Си Цзиньпина». Это не отменяет возможности проведения более гибкой практической политики, в рамках которой избирательное подчеркивание отдельных лозунгов и их комбинирование даст возможность обосновывать ситуативные решения.

Существенное осложнение международного контекста дипломатии «стремления к достижениям» совпало с трудностями экономических реформ внутри Китая. Соперничество с Вашингтоном разгорелось до того, как Китай сумел обрести

⁸ Жэньминь жибао. 10.08.2018

желаемый вес в международных институтах и «право слова» при формировании глобальной повестки дня. Китайские эксперты рекомендуют исходить из того, что укрепление международного влияния страны потребует значительных усилий и времени. Поэтому осуществление новой политики не обязательно следует противопоставлять прежним подходам. Их можно соединить вместе, и тогда «сокрытие возможностей» будет рациональным выбором китайской дипломатии, основой и предпосылкой для осуществления внешней политики «стремления к достижениям»⁹.

Даже если США сделали долгосрочный выбор в пользу стратегии сдерживания, заложенные в китайской концепции «отношений нового типа между большими государствами» идеи бесконфликтности и взаимного выигрыша сохранят пропагандистское значение. Пекин будет использовать эту концепцию для обоснования миролюбия китайской дипломатии, выражая неизменность своего стремления создать с США равноправные, конструктивные и выгодные для обеих сторон и для всего мира отношения.

Дальнейшее усиление напряженности в китайско-американских отношениях и увеличение в них элементов конфронтации будет способствовать формированию «антиамериканского консенсуса» в китайской элите как ответа на «антикитайский консенсус» в США. Усиление жесткой риторики с китайской стороны станет не столько проявлением реальной воинственности, сколько отражением расчета на то, что демонстрация решительной бескомпромиссной позиции убедит США не испытывать Китай на прочность и быстрее отказаться от политики давления. Очевидная угроза этой линии поведения состоит в том, что американская сторона в ответ может поднять ставки еще выше, открывая путь для углубления конфликта.

Следует ожидать разрастания китайско-американских противоречий за пределы торгово-экономической сферы. У Китая остается все меньше шансов заручиться американской поддержкой (или хотя бы нейтралитетом) в отношении своих планов реформирования системы глобального управления. Осуществление китайских глобальных инициатив в условиях противодействия с американской стороны превращается в трудное и все более рискованное начинание. Акцент дипломатии КНР на «китайскую специфику» способствует увеличению идеологической напряженности, порождая на Западе опасения по поводу стремления Китая бросить вызов «общепринятым нормам». В период противостояния китайская сторона будет целенаправленно сокращать обсуждение в СМИ стратегических планов развития, способных вызвать на Западе беспокойство и встречное противодействие.

Китай воспринял звучавшие из-за рубежа критические замечания о его недостаточной готовности брать на себя ответственность большой державы. В рамках дипломатии «стремления к достижениям» в «эпоху усиления» Пекин демонстрирует готовность брать на себя подобную ответственность и предоставлять общественные блага в рамках региона и всего мира. Хотя изначально китайская сторона не исключала в этой сфере обмен мнениями и координацию с западными странами, найти общий язык становится все труднее. Китай не откажется от планов, которые были объявлены после прихода к власти Си Цзиньпина, что не исключает возможности их коррекции и детализации с учетом мнений и пожеланий других стран.

⁹ Ли Чжунюань. Чжунго «фэньфа ювэй» вайцзяо дэ гэньюань, синчжи юй тяочжань – цзычжу син вайцзяо лилунь дэ шицзяо [Корни, природа и вызовы «стремящейся к достижениям» дипломатии Китая – с точки зрения теории суверенной дипломатии] // Гоцзи чжаньван. 2018 № 2. С. 90

Примером может служить выступление китайского лидера в августе 2018 г. на семинаре по поводу пятилетия провозглашения инициативы «Пояс и Путь»¹⁰. Важное место заняли попытки успокоить внешний мир по поводу китайских планов. Си Цзиньпин заверил, что Китай не будет создавать геополитические альянсы или военные блоки, не будет пытаться сформировать закрытый маленький «китайский клуб», не станет проводить идеологические границы и заниматься «игрой с нулевой суммой». Его инициативы являются открытыми и инклюзивными, к ним может присоединиться любая желающая страна.

Си Цзиньпин заметил, что за прошедшие несколько лет облик инициативы «Пояс и путь» был обрисован в стиле общего «изображения идеи» (*да сеи*). В будущем необходимо сосредоточиться на ключевых моментах и на частностях, совместными усилиями нарисовать изображение «тонкой кистью» (*гунби*). Следует пояснить, что речь идет о двух основных стилях китайской традиционной живописи. Первый создает экспрессивное выражение замысла размашистыми штрихами, второй представляет изображение с тщательно прорисованными тонкими деталями.

Смысл этой метафоры понятен. Китай хочет убедить партнеров в том, что «Пояс и Путь» не сводится к общим рассуждениям о сотрудничестве и содержит конкретные планы. Си Цзиньпин обещал создать рабочие механизмы по осуществлению своей инициативы, оказать комплексную поддержку ее проектам, уделять больше внимания потребностям других сторон, предоставлять им то, что наиболее необходимо, содействовать повышению уровня народного благосостояния в странах-партнерах.

Можно предполагать, что сходная коррекция коснется других стратегических инициатив. Китаю необходимо на конкретном уровне продемонстрировать свою заботу об интересах других стран, дабы придать убедительности провозглашенному еще в 2013 г. лозунгу «приоритета долга над выгодой» в сотрудничестве с соседями и развивающимися странами. Накопление отдельных убедительных историй успеха зарубежных участников инициированных Китаем проектов поможет преодолеть расплывчатость картины, нарисованной широкими мазками.

Практическую работу по совместному с другими странами строительству «Пояса и Пути» китайское руководство считает подготовительным этапом к созиданию «сообщества судьбы человечества». Следует ожидать, что эта цель сохранит приоритетный характер в течение всего периода пребывания Си Цзиньпина у власти и будет унаследована его преемниками. Китай намерен добиться того, чтобы международное сообщество признало его миролюбивой ответственной державой, обладающей моральным правом на выдвижение и осуществление глобальных проектов.

Однако надежд на достижение этой цели при помощи инструментов «мягкой силы» остается все меньше. По мере усиления противостояния Запад начинает «закрываться» от китайского влияния. В США это уже сказывается на деятельности Институтов Конфуция и программах гуманитарного сотрудничества с китайской стороной. Применительно к Китаю за рубежом стали использовать термин «острая сила» (*sharp power*), предложенный вашингтонским мозговым центром Национальный фонд демократии (*National Endowment for Democracy*). По сравнению с «мягкой силой» и «умной силой» он имеет однозначно негативную окраску, обозначая приемы, с помощью которых «авторитарные режимы манипулируют общественным мнением за рубежом и оказывают на него принуждающее воздействие». Хотя паника по поводу китайского вмешательства во внутренние дела Австралии носила преувеличенный характер, тема получила на Западе широкий

¹⁰ Жэньминь жибао, 28.08.2018

резонанс и попала в декабре 2017 г. на обложку журнала The Economist, изобразившего китайскую «острую силу» в виде оцетинившегося шипами земного шара. Преднамеренные попытки иностранных оппонентов выдать проекцию китайской «мягкой силы» (культурные достижения, экономическое чудо и т.п.) за проявление «острой силы» будут снижать эффективность усилий по созданию позитивного образа Китая за рубежом.

Необходимость своевременного обновления китайской стратегии обусловлена тем, что, вопреки прежним надеждам Пекина, торгово-экономические связи с США быстро утрачивают роль стабилизатора двусторонних отношений. Демонтаж по воле американской стороны сложившейся экономической взаимозависимости повышает риск возникновения конфликтов в военной и политической сферах.

Угрозой для китайско-американских отношений является возникновение конфликта из-за проблемы, связанной с третьей стороной. Это может быть корейская ядерная проблема, территориальный спор Китая с Японией или с соседями в Южно-Китайском море, вопрос сотрудничества с Ираном. Большие опасения в Китае вызывает перспектива использования американской стороной тайваньского фактора как инструмента давления на Пекин. Подобные сценарии угрожают возникновением цепной реакции. Чрезмерные усилия США по военно-политической поддержке Тайваня вместо создания эффекта сдерживания могут побудить Китай к встречной демонстрации пренебрежения к интересам партнера путем расширения сотрудничества с Пхеньяном и Тегераном.

В китайском экспертном сообществе ширится признание того, что в отношениях с США настала эпоха соперничества. Чтобы обеспечить сосуществование двух стран в изменившихся условиях, китайская сторона намерена приложить усилия к тому, чтобы удержать соперничество под контролем, не допуская его перерастания в полномасштабную конфронтацию. Среди китайских аналитиков наблюдается соперничество двух позиций. Одна призывает к демонстрации сдержанности в рамках следования обновленной стратегии «сокрытия возможностей», другая – к показной решительности в ответ на действия администрации Трампа.

Авторитетный эксперт-международник Лю Цзяньфэй указывает на «незаменимое важное место» китайско-американских отношений в дипломатической стратегии Китая¹¹. Он исходит из того, что партнерство с США необходимо для реализации китайских стратегических целей, включая строительство «сообщества судьбы человечества». Нужно договариваться с США для того, чтобы не было конфликтов из-за расширения присутствия Китая в американских сферах влияния в Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Снятие подозрений в том, что Китай стремится заменить США в качестве нового мирового лидера, поможет сгладить трения. Это важно, поскольку без хороших отношений между Китаем и США многие аспекты новой китайской дипломатической стратегии не могут быть успешно реализованы.

Подобные аргументы воспроизводят постулаты старого внешнеполитического курса, который существовал до прихода к власти Си Цзиньпина. Однако прежние подходы быстро устаревают. Лю Цзяньфэй исходил из того, что администрация Трампа настроена прагматично, и это сулит хорошие перспективы развитию китайско-американских отношений. Китайский эксперт полагал, что американский прагматизм будет нацелен на решение конкретных проблем и согласование

¹¹ Лю Цзяньфэй. Синь шидай Чжунго вайцзяо чжаньлюэ чжун дэ Чжун Мэй гуаньси [Китайско-американские отношения в китайской внешнеполитической стратегии новой эпохи] // Мэйго яньцзю. 2018 № 2. С. 9–18.

интересов, он не связан рамками жестко установленных принципов, обеспечивая пространство для координации действий и переговоров между двумя сторонами. Исследователь заявлял, что в течение первого года пребывания Трампа у власти сотрудничество двух стран развивалось успешно, потому что Китай хорошо понял стиль нового американского президента. События 2018 г. показали, что проекция этих ожиданий в будущее оказалась несостоятельной, диалог по экономическим разногласиям прервался.

Национальную стратегию китайские эксперты обсуждают со ссылками на две «ловушки», обозначенные в западной политологии¹². Чаще всего они вспоминают о «ловушке Фукидида». Гарвардский политолог Грэм Аллисон использовал историю конфликта между набирающими силу Афинами и охваченной страхом перед этим усилением Спартой для описания вероятного столкновения между Китаем как растущей большой державой и США как «державой статус-кво», стремящейся сохранить свои ведущие позиции в мире.

В Китае также ссылаются на «ловушку Киндлбергера», которую описал американский политолог Джозеф Най-младший. Интеллектуальный вдохновитель «плана Маршалла» Чарльз Киндлбергер объяснял причины катастрофического развития мировой ситуации в 1930-е годы тем, что США заняли место Великобритании в качестве крупнейшей глобальной державы, но не взяли на себя роль Лондона в обеспечении глобальных общественных благ. История может повториться, если место США займет Китай, который не сможет или не захочет выполнять функции нынешнего гегемона по предоставлению глобальных общественных благ.

В контексте современной китайской политики две «ловушки» вступают в очевидный конфликт. Если Пекин будет проявлять готовность взять на себя функции США по предоставлению глобальных общественных благ, вместо успокоения относительно будущего это скорее всего вызовет панику у «державы статус-кво» и обострит противостояние в рамках «ловушки Фукидида». Наиболее вероятна инерционная стратегия, когда Китай будет проявлять умеренность, избегая бросать открытый вызов США и продолжая попытки найти общие интересы для сотрудничества. Демонстрируя заинтересованность в стратегическом диалоге и экономическом взаимодействии, Китай не будет стремиться к наращиванию присутствия в регионах «ключевых интересов» США, особенно опасаясь спровоцировать военно-политическую конфронтацию в Азии.

Вернуться к прежней модели китайско-американского взаимодействия невозможно без наличия соответствующего желания со стороны Вашингтона. Китайские сторонники жесткой политики утверждают, что структурные противоречия двусторонних отношений проявились в соперничестве за звание мировой экономической державы номер один. Попытками укрепления стратегического взаимодоверия и проявлениями дружбы Китай не сможет изменить общее направление американской политики¹³.

С этой точки зрения, Китаю угрожает «ловушка экономического давления», разрушающая экономический потенциал страны, а вовсе не военно-политическая «ловушка Фукидида». Более того, чрезмерное внимание к «ловушке Фукидида» и

¹² Цай Фан. Чжунго фачжань цзинъянь дэ шицзе ии [Значение для мира опыта развития Китая] // Цзинцзи яньцзю. 2017. № 11. С. 4–6.

¹³ Гао Чэн. Чжун Мэй цзинчжэн шицзяо ся дуй «вэньдин фачжань Чжун Мэй гуаньси» дэ цай шэньни [Заново посмотреть на «стабильное развитие китайско-американских отношений» с точки зрения китайско-американского соперничества] // Чжаньлюэ цзюэцэ яньцзю. 2018 № 2. С. 14–25

рассуждения о будущих угрозах по аналогии с конфликтом нацистской Германии и СССР лишь отвлекают внимание китайской элиты от реальных проблем. Это проясняет истоки заметного роста интереса китайских экспертов к урокам «соглашения Плаза», заключенному Японией на американских условиях и его негативному влиянию на развитие японской экономики.

Исследователи предупреждают, что США намерены использовать стремление Пекина к поддержанию политической стабильности в отношении с Вашингтоном для принуждения КНР к уступкам в экономической сфере. Важность хороших отношений с США для Китая неоспорима, однако все больше приходится думать о том, какую цену за это придется заплатить. Эта цена не была высокой до тех пор, пока США надеялись на вовлечение Китая с помощью экономического сотрудничества и на продвижение демократической трансформации на основе развития рыночной экономики. В изменившейся ситуации адресованные американской стороне просьбы о сохранении стабильных отношений превращают сотрудничество в самоцель и лишают китайскую внешнюю политику инициативы. Когда Китай слишком сильно уповает на восстановление стабильности китайско-американских отношений, противоположная сторона видит в этом сигнал о том, что умеренная напряженность в двусторонних отношениях соответствует потребностям США¹⁴.

Линия жесткого поведения исходит из недопустимости уступок, способных повредить перспективам возвышения Китая. В этом контексте умеренная напряженность в китайско-американских отношениях может оказаться для Китая меньшим злом по сравнению с утратой шансов на собственное развитие. Еще одним последствием «торговой войны» может стать ускоренное формирование новой китайской стратегии международного лидерства. Официальная политика «несоздания союзов» сохраняет силу, однако попытки США создать в регионе настоящий антикитайский блок могут привести к пересмотру этого постулата.

Тема союза с Россией обрела в китайском экспертном сообществе новое дыхание. В одной из публикаций характеристика современного мира с помощью формулы «один гегемон – много сильных» получила конкретизацию в виде «один гегемон – четверо сильных» (США – Китай, Россия, Япония, ЕС)¹⁵. Если США используют Японию против Китая и ЕС против России, тогда для разрушения американской «стратегии окружения» придется укреплять отношения Китая и России. Предполагается, что внутри «четверки» пара ЕС – Япония равна по весу и влиянию паре Китай – Россия. Сделан вывод, что Китаю не следует исключать возможности отказа от принципа невступления в союзы, поскольку создание формального альянса с Россией поможет противодействовать американскому «окружению» одновременно на востоке и на западе.

Для обеспечения успеха китайской стратегии создания «морской державы», которая была провозглашена на партийном съезде в 2012 г. и подтверждена в 2017 г., также требуется Россия. Китайские эксперты отмечают, что сухопутных соседей у Китая много, но лишь Россия обладает реальной способностью угрожать ему. Только крепкое единство с самым сильным сухопутным соседом позволит Китаю избежать в сфере геополитической безопасности самой нежелательной ситуации двойного удара с моря и суши. Союз с Россией позволит Китаю ослабить давление в

¹⁴ Там же. С. 23

¹⁵ Е Сяоди. Бацюань чжаньлюэ чжуди юй Чжунго вайцзяо сюаньцзэ: и ба сы цян лунь дэ шицзяо [Основа стратегии гегемонии и внешнеполитический выбор Китая: взгляд с позиции теории «одного гегемона и четырех сильных»] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчи луньтань. 2018 № 1. С. 23–44

области безопасности, которое США оказывают с морского направления. Эти рассуждения опираются на уверенность в том, что ухудшение отношений с Западом будет стимулировать Россию укреплять стратегическое партнерство с Китаем, тогда как вражда с ним «приведет ослабленную Россию к катастрофическим последствиям». Пока дружба с Россией остается неизменной, Китай избавлен от необходимости принимать предосторожности на суше, он может сосредоточить усилия на создании «морской державы»¹⁶.

«Ловушки среднего уровня доходов» в экономике китайские эксперты опасаются не меньше, чем «ловушки Фукидида». Они напоминают, что лишь немногие развивающиеся страны со средним уровнем доходов смогли за последние десятилетия успешно перейти в ряды стран с высоким уровнем доходов. Китайская стратегия перехода через «ловушку среднего уровня доходов» опирается на сбалансированное развитие регионов внутри страны, перенос трудоемких производств из развитых приморских регионов в более отсталые внутренние районы. Строительство «Пояса и Пути» дает возможность соединить центральную и западную части страны с международной транспортной инфраструктурой, открывая возможности для развития торговли и инвестиций.

Торговая война с США может затормозить развитие китайской экономики. У китайского руководства есть успешный опыт преодоления неблагоприятных внешних воздействий на экономику. Как во время азиатского финансового кризиса в 1998 г., так и во время мирового финансового кризиса 2008 г. главной мерой защиты китайской экономики было расширение внутреннего спроса. Однако в наши дни накопилось много проблем, которые не были столь заметны прежде. Увеличились производственные издержки, исчезает «дивиденд» избыточного населения, растут цены на факторы производства – рабочую силу, земельные участки, энергоносители, увеличивается нагрузка на окружающую среду. Переход производства на более высокий уровень осуществляется медленно, накапливаются избыточные производственные мощности, эффективность предприятий падает.

Если из-за ухудшения торговых связей с США в китайской экономике начнется заметное торможение, сохраняется вероятность возвращения к использованию старых механизмов стимулирования спроса. Это осложнит адаптацию к «новой нормальности» и осуществление провозглашенной Си Цзиньпином «структурной реформы предложения». Можно предположить, что политика стимулирования будет носить адресный характер и концентрироваться на тех секторах экономики, которые более других пострадают от утраты американского рынка. Существенных послаблений в политике предотвращения финансовых рисков ждать не следует. Китайское руководство постоянно подчеркивает первостепенную важность предотвращения финансовых рисков, включая накопление скрытых долгов при недостаточной устойчивости средних и малых финансовых структур к внешним неблагоприятным воздействиям.

Китайское инвестирование в зарубежные проекты «Пояса и Пути» порождает опасения накопления невозвратных кредитов и угрозы потери вложений из-за возникновения геополитических рисков. Однако напряженность в экономических связях с США повышает ценность новых интеграционных проектов. «Пекин явно считает, что он выиграет стратегически и экономически от более интегрированной и развитой Евразии. Такое объединение обеспечило бы Китаю более безопасный сухопутный доступ к большей части энергии, продовольствия и ресурсов,

¹⁶ Чжэн Ивэй. Лу хай фухэсин Чжунго «хайян цянго» чжаньлюэ фэньси [Анализ китайской комплексной сухопутно-морской стратегии «морской державы»] // Дунбэйя луньтань. 2018 № 2. С. 76–90.

необходимых для поддержания собственной экономики, сократив, если не устранив, его уязвимость от перебоев в поставках или от эмбарго. Члены этой возникающей евразийской системы станут потреблять растущую долю экспорта Китая, делая его менее восприимчивым к протекционизму или бойкоту со стороны развитых промышленных стран.... Интегрированная региональная система, подобная той, которую, как представляется, держат в голове китайские плановики, не может представлять собой полномасштабную «крепость Евразия», в которой Пекин мог бы укрыться и продолжать процветать. Но осторожные правители Китая могут рассматривать ее как компромисс между гарантированным обнищанием при возвращении к автаркии и неприемлемыми рисками, связанными со все более глубокой включенностью в подлинную глобальную экономику»¹⁷.

Чтобы выполнить заявленные в 2017 г. на партийном съезде долгосрочные цели развития, китайскому руководству нужно обеспечить устойчивый рост экономики на тридцать лет вперед. Сложившаяся после кризиса 2008 г. ситуация в мировой экономике убедила китайское экспертное сообщество в том, что Запад вступил в период долгосрочного упадка, тогда как Китай сможет продолжить долгое время наслаждаться плодами быстрого роста. Эти оптимистические настроения не были полностью ошибочными. По итогам 2010 г. Китай обошел Японию и стал второй экономикой мира. Однако в конце десятилетия мировая экономика вошла в новый цикл развития. На Западе рост возобновился, а Китай сталкивается с долгосрочным торможением при «новой нормальности». Экономическая политика администрации Трампа делает эти тенденции еще более очевидными за счет ускорения роста в США и дополнительного искусственного замедления китайской экономики из-за введения повышенных пошлин на экспорт из КНР.

В этих условиях у Китая нет возможности уповать на успех прежней стратегии расширения участия в международной торговле и увеличения открытости внешнему миру. Ставки в торговом противостоянии выросли настолько, что нанесение сопернику сопоставимого ущерба перестало быть для Пекина самоцелью. В первую очередь китайским властям нужно продемонстрировать способность выдержать удар, сохранив при этом устойчивость экономики и не допустив снижения темпов экономического роста.

Остается в силе поставленная на партийном съезде задача превращения Китая в державу с передовой обрабатывающей промышленностью на базе углубленной интеграции Интернета, больших данных, искусственного интеллекта и реального сектора экономики. Торговая война с США убедила китайское руководство в насущной необходимости обретения лидерства в научно-технической сфере за счет приоритетного развития собственных технологий и разработок.

Возвращение к стратегии «сокрытия возможностей» может стать временным решением Пекина в период правления Трампа, но не долгосрочной китайской политикой. Вероятность «большой сделки» между Вашингтоном и Пекином остается, однако она может воплотиться в жизнь не ранее чем во второй половине 2020-х годов. Ее будут блокировать максималистские требования администрации Трампа, стремящейся притормозить реализацию научно-технологических амбиций Китая. Даже в случае смены в 2020 г. президента США потребуются много времени на то, чтобы избавиться в китайско-американских отношениях от груза взаимного недоверия в экономике и политике.

¹⁷ Friedberg A. Globalisation and Chinese Grand Strategy // Survival. Vol. 60 No. 1. February–March 2018. P. 34.

1.3 Инициатива «Пояс и Путь»: вызовы, изменения, возможности

Если бы китайской инициативы «Пояс и Путь» (вар. «Один пояс, один путь») не было, то ее следовало бы придумать. При взгляде на историю возникновения и развития этой китайской инициативы и одной из двух ее частей – «экономического пояса Шелкового пути» – невольно возникает мысль, что при первом их упоминании в 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин, вероятно, и не представлял себе возможных масштабов своего предложения. По прошествии шести лет к инициативе присоединились 136 государств и 30 международных организаций,¹⁸ а задачи по ее строительству вошли в обновленный устав Коммунистической партии Китая. Масштаб инициативы проявился в полной мере, возможно, к удивлению тех идеологов, что стояли у ее истоков.

Внутри- и внешнеполитические аспекты

Идея «Пояса и Пути» возникла, скорее всего, как попытка ответа на экономические вызовы начала 2010-х годов. Внутри- и внешнеполитические аспекты учитываются в ней как необходимые факторы успеха экономической составляющей этой инициативы. Вместе с тем «Пояс и Путь» отвечает и на вызовы во внутренней политике Китая.

Во-первых, авторство этой стратегической идеи как составной части общей теории «социализма с китайской спецификой в новую эпоху» было закреплено лично за Си Цзиньпином, что подтвердило его статус «лидера номер три» после Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Это событие сняло большую часть вопросов о достаточности интеллектуального вклада Си в китайскую стратегию развития. Новый статус Си позволяет ему продолжать уже начатые или инициировать новые реформы при меньшем сопротивлении со стороны внутрипартийной оппозиции.

Во-вторых, «Пояс и Путь» – это понятная и перспективная программа развития китайской экономики в целом и, в частности, китайских государственных и частных компаний, которые могут получить финансовую поддержку при реализации проектов в рамках инициативы как внутри Китая, так и за рубежом. В связи с этим снижается потенциальная напряженность, которая может возникнуть из-за обострения борьбы разных групп влияния между собой в условиях снижающихся темпов развития китайской экономики и растущей внешнеэкономической и внешнеполитической неопределенности.

В-третьих, «Пояс и Путь» – эффективный инструмент для наращивания мягкой силы Китая и повышения его статуса на международной арене, амбициозная попытка строительства «сообщества судьбы человечества» с китайским «лицом». Изначально задуманная, как крупномасштабное многовекторное образование с приблизительно очерченными контурами, инициатива уже давно «переросла» свои запланированные, довольно размытые географические рамки, превратившись в глобальный «мегапроект» под руководством Китая. «Поясу и Пути» удалось стать платформой, распространившейся на все части света, и сфера ее влияния продолжает неуклонно расти.

С точки зрения внешней политики, успехи, достигнутые на основе этой концепции, очевидны. В настоящее время практически вся внешняя политика Китая осуществляется в рамках этой инициативы. Любой проект, реализуемый за

¹⁸Туцзе: «И дай – и лу» чанъи люнянь чэнцзе [Инфографика: результаты 6 лет реализации инициативы «Пояс и Путь»] // URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/gnxw/102792.htm> (дата обращения: 18.03.2020).

пределами Китая на основе китайского капитала в форме кредитов или инвестиций, записывается в результаты реализации «Пояса и Пути».

Можно сказать, что во внешней политике эта инициатива отвечает на ряд вызовов глобального характера и, соответственно, позволяет руководству КНР записать себе в актив теоретические и идеологические ответы на эти вызовы.

Во-первых, Си от имени Китая предложил мировому сообществу, особенно развивающимся странам, внятную и более понятную, чем ранее, концепцию сотрудничества. Прежде внешняя политика Китая осуществлялась под лозунгами «гармоничного развития», построения «гармоничного общества» и т.д., которые на практике были бессодержательными и трудными для эффективного использования в пропаганде и дипломатической практике.

Во-вторых, Китай в поддержку своего нового статуса одного из лидеров мирового развития предложил идею развития глобального уровня, которая по масштабу сопоставима, например, с «Целями развития тысячелетия» ООН. Инициатива «Пояс и Путь» может синхронизироваться с программами развития других стран, учитывать и дополнять их¹⁹. Теперь заявка Китая на глобальное лидерство, оказывается подтвержденной интеллектуально и наполненной конкретным содержанием. Китайская инициатива закрепились в глобальной интеллектуальной среде как броская и емкая концепция в ряду таких понятий, как глобализация, рыночное развитие и т.д.

В-третьих, используя «Пояс и Путь», Китай смог наполнить конкретным содержанием программы сотрудничества в рамках некоторых международных форматов, таких как БРИКС, Форум Китай – Центральная и Восточная Европа (16+1), Форум Африка – Китай и др.

Несмотря на то, что по своему содержанию китайская инициатива не предлагает ничего принципиально нового, она воспринимается как реальная альтернатива «западному миропорядку», что, несомненно, повышает статус Китая в глазах развивающегося мира.

Важным фактором в контексте «Пояса и Пути» становится идея стратегической стабильности и безопасности. Здесь инициатива потенциально отвечает на ряд серьезных вызовов.

Так, в среднесрочной и долгосрочной перспективе «Пояс и Путь» потенциально может смягчить вероятный эффект arrogantного поведения Китая по отношению к своим внешним контрагентам. Под этим подразумевается, что Китаю для успешной реализации своей инициативы нужны хорошие отношения со своими соседями. Пока эта функция инициативы задействована слабо, однако в будущем ее значимость увеличится, в особенности с ростом количества международных игроков, принимающих в ней участие.

Реализация «Пояса и Пути» критически важна для Китая, а для этого требуется безопасная, стабильная и предсказуемая среда. Большая часть проектов в рамках инициативы являются трансграничными. Следовательно, для их успешной реализации требуется полноценное сотрудничество с соседними странами.

В основе инициативы «Пояс и Путь» лежат экономические коридоры, включающие в себя нефте- и газопроводы, портовую инфраструктуру, авиа, авто и железнодорожные маршруты, транспортно-логистические схемы, складские комплексы, совместные с другими странами цепочки добавленной стоимости и т.д. Для реализации таких проектов требуются партнерские отношения с соседними странами.

¹⁹ Китайской стороне уже удалось найти точки соприкосновения с такими программами, как ЕАЭС России, «Светлый путь» Казахстана, «Глобальная морская ось» Индонезии, «Открытие на Восток» Венгрии, «Путь развития» Монголии, «Строить! Строить! Строить!» Филиппин и др.

«Пояс и Путь» как ответ на внутренние и внешние экономические вызовы

Важную часть анализируемой китайской инициативы занимает экономическая составляющая, и в этом своем аспекте «Пояс и Путь» может помочь решить ряд стоящих перед КНР хозяйственных задач, в частности следующие.

Во-первых, утилизировать избыточный капитал путем его вывоза за пределы страны. Это связано с тем, что дальнейшие инвестиции в основные фонды внутри страны могут привести к усугублению сложившихся дисбалансов: увеличению избыточных производственных мощностей; ухудшению состояния экологии; росту корпоративного долга; торможению процесса смены модели экономического развития с «инвестиции + экспорт» на «внутреннее потребление» и замедлению перехода на «новую нормальность» китайской экономики с особым вниманием к качеству темпов прироста ВВП взамен их скорости.

Во-вторых, проекты «Пояса и Пути» создают дополнительный спрос на а) продукцию, произведенную с помощью избыточных мощностей, расположенных внутри Китая (металлургическая, цементная, стекольная и др.) и б) на «новую» китайскую высокотехнологичную продукцию, что создает дополнительный стимул к ускорению модернизации экономики. Последнее относится в том числе и к стратегическими отраслям, входящим в государственную программу «Сделано в Китае 2025», в соответствии с которой около 70% ВВП Китая к 2025 г. должно создаваться высокотехнологичной и инновационной промышленностью.

В-третьих, инициатива формирует дополнительный стимул для более крупномасштабного развертывания программы экспансии китайского бизнеса («выход вовне»). Фактически это подготовка территорий к приходу китайских компаний: на первом этапе крупных государственных, на последующих – частных малых и средних предприятий. Происходит создание транснациональных производственных цепей: заказчик (подрядчик) – крупная государственная компания, субподрядчик – частная компания. «Пояс и Путь» также способствует формированию дополнительных зон доминирования китайских технических стандартов (например, в Африке, Латинской Америке, Центральной Азии).

Одновременно инициатива «Пояс и Путь» направлена на решение внутрикитайских экономических дисбалансов. Например, она поддерживает экономическое развитие отсталых западных районов Китая: Синьцзян-Уйгурского автономного района; Нинся-Хуэйского автономного района; провинций Ганьсу, Цинхай и Сычуань, на которые совокупно приходится всего около 3% ВВП страны. Инициатива играет важную роль в реализации китайских региональных программ: развития западных регионов Китая (*сибу да кайфа*); восстановление старых промышленных баз Северо-Восточного Китая; развитие Центрального Китая.

Целью этих программ является выведение экономического развития отсталых регионов страны на уровень богатых приморских районов. В их основе лежит необходимость переноса ресурсоемкого производства из восточных провинций вглубь Китая. Отсюда необходимость создания спроса на планируемую к выпуску продукцию и транспортных путей для ее реализации в соседних странах.

В то же время инициатива позволит построить альтернативные маршруты доставки китайских грузов, снизив зависимость Китая от нестабильной обстановки в Малаккском проливе, через узкое горлышко которого проходят около 80% экспортных и импортных товаров Китая. Хотя новые маршруты пока не могут составить конкуренцию морским перевозкам, они показывают высокие темпы роста. Китай крупномасштабно вкладывает средства в развитие этой транспортной инфраструктуры, а также субсидирует перевозчиков.

Согласно «Плану развития железнодорожных маршрутов Китай – Европа на 2016–2020 гг.» активно развиваются контейнерные перевозки грузов по железной дороге в Европу. По состоянию на июнь 2019 г., количество отправленных поездов составило более 17 тыс.²⁰

Строится паназиатская высокоскоростная железнодорожная трасса, которая свяжет Китай со странами АСЕАН. Уже сейчас стартовая точка маршрута – город Куньмин в провинции Юньнань показывает лидирующие темпы прироста ВРП среди всех провинций Китая. Маршруты Китай – Лаос, Китай – Мьянма планируются к запуску в эксплуатацию уже в 2021 г.

Заработал нефтепровод Мьянма – Китай, который позволит нефтяным танкерам швартоваться на Мьянмарском острове Мадай, минуя Малаккский пролив²¹. Планируется к строительству нефтепровод Гвадар (Пакистан) – Кашгар (СУАР, Китай).

На протяжении ряда лет обсуждается возможность строительства совместного с Таиландом альтернативного канала из Южно-китайского моря в Индийский океан через перешеек Кра, который позволит запустить безопасный, предсказуемый и более дешевый и быстрый маршрут из Восточной в Южную Азию.

Инициатива проникает и в воздушное пространство: с 2017 г. получает дальнейший импульс обсуждение «Воздушного шелкового пути», который свяжет прямыми воздушными коридорами крупнейшие города Китая с городами стран-участниц.

Стремительно приобретает свои очертания «Ледовый шелковый путь». Ключевым партнером проекта станет Россия. Договоренности о сопряжении с российским «Северным морским путем» были достигнуты в 2019 году, уже запущены первые энергетические проекты (в 2018 г. Китай получил первые партии СПГ с «Ямал СПГ»), заключены контракты на модернизацию портовой инфраструктуры в Архангельске, строительство железнодорожных путей.

Складывается антикоррупционная программа инициативы, рисуются дорожные карты взаимодействия со странами-участницами или же с крупными блоками, такими как АСЕАН.

Совершенствуются экономические коридоры: Китай – Монголия – Россия, Китай – Центральная Азия – Западная Азия, Китай – Пакистан, Китай – Индокитай, Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма.

Запланированная в марте 2015 г. дорожная карта инициативы уже значительно устарела, в ее рамках «Поясу и Пути» становится тесно, с 2017 г. инициатива протянулась на страны Латинской Америки, с 2018 г. – на тихоокеанские и африканские государства, в дальнейшем она была заметно расширена по всем направлениям. Выделяют несколько основных маршрутов «Пояса и Пути»:

Северный маршрут 1: Северная Америка (Америка, Канада) – Северная часть Тихого океана – Япония – Республика Корея – Японское море – Владивосток (порт Зарубино, Славянка (Россия) – Хунчунь (Китай) – Яньцзи (Китай) – Цзилинь (Китай) – Чанчунь (Китай) – Монголия – Россия – Европа.

Северный маршрут 2: Пекин (Китай) – Россия – Германия – Северная Европа.

Центральный маршрут: Пекин (Китай) – Чжэньчжоу (Китай) – Сиань (Китай) – Урумчи (Китай) – Афганистан – Казахстан – Венгрия – Париж (Франция).

²⁰ Туцзе: «И дай – и лу» чанъи люнянь чэнцзе [Инфографика: результаты 6 лет реализации инициативы «Пояс и Путь»] // URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/gnxw/102792.htm> (дата обращения: 18.03.2020).

²¹ «И дай – и лу» лючжоунянь да шицзи [«Пояс и Путь»: летопись шести лет] // URL: <http://newslu.sxdaily.com.cn/2019/1008/66634.shtml> (дата обращения: 18.03.2020).

Южный маршрут: Цюаньчжоу (Китай) – Фучжоу (Китай) – Гуанчжоу (Китай) – Хайкоу (Китай) – Бохайский залив – Ханой (Вьетнам) – Куала-Лумпур (Малайзия) – Джакарта (Индонезия) – Коломбо (Шри-ланка) – Калькутта (Индия) – Найроби (Кения) – Афины (Греция) – Венеция (Италия).

Осевой маршрут: Ляньюньган (Китай) – Чжэнчжоу (Китай) – Сиань (Китай) – Ланьчжоу (Китай) – СУАР (Китай) – Центральная Азия – Европа.

Маршруты синхронизированы с основными геополитическими целями и задачами Китая, но до сих пор не обладают четкостью, по-прежнему сохраняя свой инклюзивный и открытый характер. Особым достижением Китая было включение в страны-участницы в марте 2019 года Италии, что стало символом перелома в отношении к инициативе со стороны западного мира, хотя Италия далеко не первая страна ЕС, подключившаяся к инициативе, но первая страна из Большой семерки.

Вызовы и проблемы

Как и любая масштабная инициатива, «Пояс и Путь» сталкивается с определенными проблемами, которые, скорее всего, приведут к изменениям в стратегии ее реализации. Основные обвинения в адрес разработчиков китайской инициативы и тех, кто сегодня занимается ее реализацией, сводятся к тому, что она основана на экспорте китайского оборудования, материалов, менеджмента и рабочей силы.

При реализации проекта на китайские деньги доля участия принимающей страны минимальна – на ее долю приходится слишком мало созданных рабочих мест и связей, устанавливаемых с местными поставщиками. Есть претензии и в отношении предположительно устаревших деловых практик; исключения из числа поставщиков местных производителей, неисполнения обязательств китайскими подрядчиками. Отмечаются случаи несоответствия условий проектов национальному законодательству в части регулирования хозяйственной деятельности, а также поставки низкокачественного или устаревшего оборудования. Кроме того, китайские компании работают на основе связей не с представителями местных сообществ, а с крупными политическими лидерами и, следовательно, не учитывают реальных интересов местного населения и местных правительств. В целом, все претензии можно условно объединить в три группы.

Группа 1. Проблемы при реализации проектов на местном уровне. Например, нарушения национального законодательства принимающей страны в области трудового права и охраны окружающей среды; недостаточное количество создаваемых рабочих мест; недостаточное использование потенциала местных трудовых ресурсов, усиление коррупции на местах. Кроме того, при реализации китайских проектов часто возникают противоречия между центральными и региональными властями принимающей страны. Обычное явление – протесты местного населения, в том числе из-за растущих антикитайских настроений.

Правомерность претензий к китайской инициативе подтверждается отдельными задокументированными случаями нарушения законодательства со стороны китайских подрядчиков. Например, на острове Сайпан (Северные Марианские острова, неинкорпорированная организованная территория, свободно ассоциированная с США) две китайских компании с государственным участием Metallurgical Corporation of China и Gold Mantis, а также одна частная Nanjing Beilida были привлечены для строительства казино и гостиничного комплекса Imperial Pacific. В ходе его реализации была создана почти тысяча рабочих мест, которые заняли китайские рабочие и специалисты. Число работников из числа местного населения составило менее 10 человек. После отказа местных властей в выдаче

гражданам КНР рабочих виз, большая часть из них приехала по туристическим визам. Как отмечается в материалах проверок, китайские компании не соблюдают местное трудовое законодательство, в частности продолжительность рабочего дня и периодичность выплаты заработной платы. Ситуация изменилась лишь после вмешательства местных властей и привлечения управляющих строительством (граждан КНР) к уголовной ответственности.

Аналогичные проблемы отмечаются и при реализации других китайских проектов. Китайская логистическая компания с государственным участием COSCO инвестировала в строительство контейнерного терминала в Греции. Работы в порте Пирей начались в 2008 году. Был реконструирован терминал № 2, планировался к строительству терминал № 3, была построена железнодорожная ветка. Ранее между греческим портом и Союзом портовых работников был подписан коллективный трудовой договор, который регулировал размер заработной платы, продолжительность рабочего дня и отдыха, гарантировал рабочие места для членов семей работников порта, пенсии и т.д. COSCO признала правомерность договора и приняла обязательство предоставить 500 рабочих мест гражданам Греции.

Однако после начала строительных работ китайские подрядчики через китайские же кадровые агентства наняли китайских рабочих и управленцев на основе временных трудовых контрактов. Несмотря на забастовку, которую провели греческие работники, из 1,2 тыс. рабочих мест местные жители заняли менее 300. COSCO обосновала свои действия тем, что наем персонала на основе временных трудовых договоров – обычная и распространенная практика в логистике, которая позволяет обеспечить большую гибкость в случае кризисных ситуаций на рынке грузоперевозок.

Схожая ситуация сложилась и в странах Латинской Америки. Основные претензии у Перу и Эквадора – несоблюдение национального трудового законодательства, несоблюдение техники безопасности и т.д. Особенностью этих латиноамериканских стран является строгий контроль за иностранной рабочей силой (фактически запрет на ее использование внутри страны), так что протестуют в основном местные жители, которых поддерживают местные власти.

Привлечение к строительству китайских рабочих также несет риски всплеск социальной нестабильности из-за возможных массовых акций протеста. Например, при строительстве на Багамах туристического комплекса и казино *Baha Mar* (кредит Экспортно-импортного банка КНР объемом примерно 2,4 млрд долл.) численность китайских рабочих составила почти 4 тыс. чел., которые устроили забастовку из-за низкой оплаты труда.

В Австралии китайские компании умело использовали недостаточно четко прописанные условия соглашения о свободной торговле с этой страной, в соответствии с которыми разрешается импортировать рабочую силу в ситуации, если на местном рынке нет специалистов такого уровня. На практике все китайские рабочие, которые при реализации проекта были оформлены и получили разрешения на въезд и работу как высококвалифицированные специалисты, фактически использовались для выполнения простейших функций, не требующих особой квалификации, низкоквалифицированных операций.

В менее развитых странах, где средняя заработная плата ниже, чем в Китае, ситуация отличается. Там китайские компании охотно нанимают местных жителей, но не повышают заработную плату и не дают свободно действовать и развиваться профсоюзным организациям и протестным движениям.

Группа 2. Вызовы в области финансирования проектов, а также вопросы, связанные с последующим владением и управлением созданными объектами. Преимущественная схема финансирования реализации проектов «Пояса и Пути»

подразумевает предоставление кредитов китайскими финансовыми институтами под государственные гарантии с условием перехода прав собственности на проект в случае неисполнения финансовых обязательств принимающей стороной.

При такой схеме финансирования внешний долг принимающей страны быстро увеличивается, из-за чего она может попасть в относительную зависимость от Китая. Кроме того, в случае невыполнения принимающей страной условий выплаты полученного от Китая кредита, право собственности, как правило, переходит к китайской компании. В связи с такой практикой Китай часто обоснованно обвиняют в «неоколониализме». Часто приводимый пример – переход права собственности на шриланкийский порт Хамбантота от властей страны к китайской компании China Merchants Port Holdings за неуплату задолженности по кредиту. По данным МВФ, внешний долг Шри-Ланки на конец 2017 г. составил 48,3 млрд долл., из которых 8 млрд долл. приходилось на Китай.

Стоит отметить высокую коррупционную составляющую китайских инфраструктурных проектов и их завышенную стоимость, в которую заложены все дополнительные нецелевые расходы. Нередки обвинения Китая в том, что, взаимодействуя с коррумпированными режимами, стране удастся быстро заключать необходимые контракты, не дав стране-партнеру взвесить все экономические, экологические, политические и прочие риски.

Один из наиболее резонансных случаев произошел в Малайзии, где китайская сторона оказалась замешана в крупномасштабной коррупционной схеме прежней администрации. Администрацию бывшего премьер-министра Наджиба Разака обвинили в использовании кредитов китайских банков, выделенных на строительство нефте- и газопровода и железной дороги, для латания дыр в малазийском фонде развития 1MDB, который нередко использовался им как «личный банковский счет». После прихода к власти Махатхира Мохамеда началось расследование скандала вокруг долгов фонда, из которого по самым скромным оценкам было незаконно выведено 4,5 млрд долл. на неизвестные цели. В ходе проверок также было выявлено, что в коррупционной схеме была замешана китайская сторона, которая согласилась финансировать инфраструктурные проекты по намеренно завышенным ценам. В результате новая администрация, взвесив все риски, отказалась от проектов «Пояса и Пути», сославшись на их экономическую нецелесообразность, возможно, испугавшись шриланкийского сценария. Потребовалось около 2 лет, пересмотр, сокращение стоимости и отказ от ряда проектов (проекты нефте- и газопровода были отменены, а объемы запланированных инвестиций на железную дорогу уменьшились с 20 до 5 млрд долл.) для того, чтобы продолжение проектов инициативы стало возможным.

Необходимость международной антикоррупционной борьбы декларировалась и на первом, и на втором форумах «Пояса и Пути» в 2017 и 2019 гг., что свидетельствует о том, что Китай осознает размах коррупции. Но он придерживается двоякой позиции: с одной стороны, нулевой терпимости к коррупции на своей территории, с другой стороны – невмешательства в международные дела других стран, поэтому несмотря на то, что Китай говорит и даже вводит меры контроля над уровнем коррупции вдоль «Пояса и Пути», данная мера необходима, на наш взгляд, в первую очередь для успокоения партнеров и мирового сообщества и на практике жесткого сценария борьбы с коррупцией, наподобие того, который проводится внутри страны, не последует. Для мирового сообщества строительство железной дороги Китай – Лаос должно стать образцово-показательным проектом, свободным от коррупции. Специальная двусторонняя комиссия дважды в год проверяет ход строительства с целью выявления подозрительных инцидентов, их расследования и

пресечения. Но механизм пресечения выявленных нарушений не сформирован и на другие проекты в других странах данная инициатива контроля не распространяется.

Группа 3. Вызовы, связанные с недостаточностью средств у Китая для реализации всех потенциальных проектов в рамках «Пояса и Пути». В самом Китае в 2018 г. в очередной раз активизировалась дискуссия о финансировании проектов в рамках этой инициативы. Например, в апреле 2018 г., выступая на конференции в г. Гуанчжоу, бывший председатель Экспортно-импортного банка Китая Ли Жогу отметил, что большинство стран, которые участвуют в китайской инициативе, не в состоянии финансировать реализацию предлагаемых им проектов. Им необходимо привлекать в том числе и частные инвестиции. Однако объем официальной задолженности этих стран достигает 126% ВВП при рекомендуемом показателе 20–100%.

С 2017 г. в целом по Китаю наблюдается существенное сокращение объема инвестиций в зарубежные страны: с 196,1 млрд долл. в 2016 г. до 159,3 млрд долл. в 2017 г. (минус 18,8%) и 129,8 млрд долл. в 2018 г. (минус 18,5%)²². Хотя страны-участницы инициативы и не являются лидерами по объемам китайских зарубежных инвестиций, но сворачивание и приостановка ряда крупных проектов также сказываются на общей динамике. В Китае разворачивается двойной процесс: с одной стороны, страны ЕС, Австралии и США блокируют китайские инвестиции в те отрасли, которые могут принести угрозу национальной безопасности, в то же время китайские партнеры по «Поясу и Пути», увидев негативные сценарии развития реализованных проектов, ставящих в долговую кабалу страны-участницы, начинают проводить более осторожную политику: повторно взвешивают экономическую целесообразность китайских проектов, пересматривают их стоимость и даже вовсе отказываются от них.

На данный момент мы наблюдаем следующую картину:

Проект ГЭС в Непале отменен местными властями за процедурные нарушения и отсутствие хотя бы второго подрядчика. Пакистан отказался от строительства гидроузла, поскольку не хотел иметь крупный инфраструктурный проект под контролем Китая. Таиланд принял решение строить свою ветку ВСЖД Бангкок – Нонгтай без использования китайских инвестиций. Страны-участницы стремятся сократить китайское обременительное финансирование: Мьянма уменьшила объем инвестиций в порт Чаупхью с 7,3 млрд долл. до 1,3 млрд долл., Пакистан планирует сократить объем заимствований из Китая на железнодорожный транспорт с 8,2 до 6,2 млрд долл.

С другой стороны, Китай сам ужесточает правила внешнего инвестирования в целях контроля за «нерациональными» инвестициями. Самому Китаю по-прежнему нужны инвестиции для реализации региональных программ развития. Например, на проекты в рамках «инициативы Цзинцзиньцзы» (*создание суперагломерации, состоящей из городов Пекин, Тяньцзинь и провинции Хэбэй*), дальнейшего развития зоны дельты реки Жемчужная (*суперагломерация, состоящая из городов Гонконг, Макао, Шэньчжэнь, Гуанчжоу и др.*), дальнейшего развития зоны дельты реки Янцзы и др. потребуется около 1 трлн долл. в год.

В июне заместитель директора Центра исследований развития при Госсовете КНР Ван Имин отметил, что несмотря на наличие крупных финансовых организаций, которые осуществляют финансирование проектов в рамках китайской инициативы

²² Рассчитано по: Чжунго дуйвай тоуцзы фачжань баогао [Доклад о развитии китайских зарубежных инвестиций] // URL: <http://images.mofcom.gov.cn/fec/201901/20190128155348158.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).

(Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС, Китайский банк развития, Китайский экспортно-импортный банк, Фонд Шелкового пути), дефицит проектного финансирования составляет примерно 500 млрд долл. в год.

Новый глава Народного банка Китая Чжоу Сяочуань отметил, что для решения проблемы дефицита финансирования китайские власти начали переговоры с международными организациями, крупными кредиторами и финансовыми центрами (Гонконг и Лондон) для диверсификации и привлечения новых источников финансирования проектов в рамках «Пояса и Пути».

Основные проблемы проектов остаются прежними: ограниченное участие частных инвесторов и каналов финансирования проектов, низкая доходность, трудности привлечения частного капитала, связанные со сложностью финансового положения и инвестиционных режимов стран-участниц проектов. Одно из предложений китайских экспертов – создание международной системы привлечения частных инвестиций, системы независимой оценки кредитных рисков каждого проекта, а также национальной системы преференций для инвесторов проектов в каждой из участвующих стран.

В целом, рекомендации экспертов для решения или смягчения существующих вызовов при реализации инициативы «Один пояс, один путь» могут быть сведены к следующему:

- Необходимо реализовывать только те проекты, которые имеют достаточное финансовое, экономическое и политическое обоснование и не влекут за собой опасных экологических и социальных последствий.
- Необходимо повысить эффективность расходования вложенных средств, осуществлять прозрачный контроль, задействовать антикоррупционные ведомства Китая и принимающих стран, противодействовать отмыванию денег. В дальнейшем возможно создание единой антикоррупционной сети вдоль «Пояса и Пути».
- Необходимо привлекать для реализации проектов в рамках китайской инициативы компании из других стран. Это должно продемонстрировать, что выгоду получают не только китайские компании.
- Решение об осуществлении инвестиций должно приниматься совместно с властями и экспертами принимающей страны для реализации принципа взаимной выгоды.
- Китаю необходимо помогать кредитуемым им странам выплачивать их обязательства по полученным кредитам через создание специальных экономических зон и переноса в эти зоны китайских предприятий для увеличения налоговых поступлений в бюджет страны-получателя инвестиций.
- Китайским компаниям необходимо быть более открытыми в отношении местных сообществ, СМИ и т.д.
- Китайские компании должны нанимать больше местного персонала, включая управленцев, а также обеспечивать обучение персонала, уважать местную культуру и обычаи.

Основной вывод экспертов, и их основная рекомендация состоит в том, что китайские проекты должны стать «менее китайскими».

Вероятные изменения инициативы и ее будущее

В будущем можно прогнозировать увеличение проблем при реализации проектов в рамках инициативы «Пояса и Пути», которые приведут к ее существенной модификации.

Это связано, во-первых, с тем, что США и ЕС начали активно противодействовать китайской экономической экспансии. В последнее время появилось много работ, в том числе научных, критикующих политику китайских компаний за непрозрачность механизмов финансирования проектов, несоблюдение национальных и международных норм и стандартов в области экологической и технологической безопасности и безопасности труда, несоблюдение прав работников и т.д. Это, например, доклады американского аналитического центра C4ADS, Пентагона, немецкого Института Меркатора, государственного немецкого агентства торговли и инвестиций Germany Trade and Investment совместно с Немецкой ассоциацией торгово-промышленных палат и др.

Во-вторых, в самом Китае началась активная дискуссия об эффективности и прибыльности проектов в рамках инициативы. Участники дискуссии отмечают, что «Пояс и Путь» – не благотворительный проект; его главная задача – поддержка китайской экономики: загрузка предприятий отраслей с избыточными мощностями (металлургия, цемент, стекло и др.); увеличение выпуска высокотехнологичной продукции и ее доли в общем объеме китайского экспорта; создание и расширение рынков сбыта для китайской высокотехнологической продукции; увеличение роли юаня в мировой финансовой системе. Не случайно кредиты предоставляются в юанях, а в основе «Одного пояса, одного пути» лежит т.н. «высокоскоростная железнодорожная дипломатия», которая предполагает продвижение китайских высокоскоростных железных дорог за пределами страны. Строительство высокоскоростных железных дорог, по мнению китайского руководства, является ресурсоемким и техноемким процессом, который может потянуть за собой развитие большого числа сопутствующих отраслей.

В целом китайские власти конструктивно реагируют на критику и постепенно меняют модель своей инвестиционной политики. Например, в сентябре 2018 г. на Форуме сотрудничества Китая и Африки, проходившем в Пекине, Си заявил, что Китай не будет взимать с ряда беднейших стран континента ссудную задолженность и долги по кредитам.

Случаи нарушения китайскими компаниями национального законодательства принимающих стран также влияют на изменения модели реализации этой инициативы. Например, еще в 2014 г. Министерство торговли КНР опубликовало «Рекомендации по социальной ответственности КНР при осуществлении иностранных инвестиций в добывающий сектор», где рекомендовано строго придерживаться местных норм в области техники безопасности, национального трудового законодательства, а также принципов ООН по ведению бизнеса и соблюдению прав человека.

Сами китайские компании предпочитают изменять свою политику при возникновении каких-либо проблем. Например, после протестов рабочих на шахте, которая управляется китайской компанией Shougang-Hierro в Перу, китайская Chinalco, управляющая шахтой в этой стране, стала тщательнее соблюдать требования техники безопасности.

Таким образом, можно ожидать, что китайская инициатива «Пояс и Путь» будет вынуждена адаптироваться и реагировать на основные вызовы и проблемы. Это будет происходить, в частности, в связи со следующими моментами.

- Проекты «Пояса и Пути» – это жизненная необходимость для дальнейшего развития Китая. Для их успешной реализации Китай будет вынужден учитывать мнение партнеров.

- Нехватка средств для проектов будет способствовать привлечению международного капитала. В результате «Пояс и Путь» станет более открытой

схемой сотрудничества и будет использовать лучшие мировые управленческие практики.

- Политика китайских властей, направленная на повышение эффективности китайских зарубежных инвестиций, также приведет к повышению финансовой и управленческой прозрачности проектов «Пояса и Пути», что повысит их привлекательность для принимающих стран.

- Растущая конкуренция за выгодные проекты со стороны США и, потенциально, стран ЕС будет способствовать улучшению условий китайского финансирования для его получателей.

«Морской Шелковый путь XXI века» как составная часть инициативы «Пояс и Путь».

Одной из нескольких составных частей, а в определенном смысле и ипостасей инициативы «Пояс и Путь» является его морская составляющая, называемая в Китае «Морским Шелковым путем XXI столетия».

Общий анализ китайской и зарубежной литературы позволяет судить о том, что в рамках реализации этой части своей глобальной комплексной инициативы Китай преследует как торгово-экономические цели, так и цели в сфере безопасности (борьба с нетрадиционными угрозами, развитие потенциала военно-морских сил КНР, проецирование силы). При этом можно отметить, что китайская интеллектуальная элита в большей степени сосредоточена на таких вопросах, как совместное экономическое сотрудничество и процветание, в то время как зарубежные авторы важное внимание уделяют изучению геополитического и военно-политического измерений китайской стратегии «Морской Шелковый Путь» (МШП)²³.

После объявления о начале строительства МШП в 2013 году китайское правительство заявляло о том, что новый морской маршрут будет способствовать экономическому развитию Китая и стран Юго-Восточной Азии, от которых ожидали активного участия в стабилизации ситуации в регионе²⁴.

В настоящее время последствия и эффект от реализации этого проекта ощущают на себе все региональные страны, даже те, которые не участвуют в китайском проекте, которых, заметим, ежегодно становится все меньше.

Одним из ключевых вопросов в научной литературе является определение приоритетов «Морского Шелкового пути». Другими словами, что важнее – экономика или политические цели?²⁵

Большой объем научной литературы посвящен исследованию вопросов позитивного влияния «Морского Шелкового пути» на внутреннюю экономику Китая. Так, например, актуальными остаются такие темы, как развитие приморских регионов Китая, увеличение их роли и потенциала в реализации «Морского

²³ См. например: Gopal Suri. China's 21 Century Maritime Silk Road Old String with New Pearls? // Vivekananda International Foundation. 2016 // URL: <https://www.vifindia.org/sites/default/files/china-s-21st-century-maritime-silk-road-old-string-with-new-pearls.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).

²⁴ Wu Jiao, Zhang Yunbi. Xi In Call For Building of New 'Maritime Silk Road' // China Daily. 2013. // URL: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2013-10/04/content_17008940.htm (дата обращения: 20.03.2020).

²⁵ Jean-Marc F. Blanchard Probing China's Twenty-First-Century Maritime Silk Road Initiative (MSRI): An Examination of MSRI Narratives // Geopolitics. 2017. 22:2. Pp. 246-268.

Шелкового пути», а также строительство портовой инфраструктуры – главных опорных пунктов МШП²⁶.

В современной научной литературе очень популярна точка зрения, в соответствии с которой реализация «Морского Шелкового пути» является неотъемлемой частью развития потенциала военно-морских сил КНР и увеличения способности вооруженных сил Китая проецировать силу на дальние расстояния в контексте стратегии "Нити жемчуга". Доказательством этого является то, что за последнее время Китай активно наращивал свое присутствие в Индийском океане за счет приобретения портов для коммерческих целей, а также приобретая военные базы за рубежом, которые играют роль пунктов материально-технического обеспечения для ВМФ КНР²⁷.

На официальном уровне Китай отвергает заявления, что инициатива «Морской Шелковый путь» является военной стратегией, заявляя, что МШП сыграет свою конструктивную роль в процессе превращения КНР в ответственную морскую державу²⁸.

В данном плане весьма показателен ввод в научную литературу термина «военно-морская дипломатия» («naval diplomacy») КНР, основными компонентами которой являются дружеские визиты в порты иностранных стран по их приглашению, совместные военно-морские учения и превентивная дипломатия. Основная цель этого концептуального понятия заключается в том, чтобы продемонстрировать мирное развитие военно-морских сил Китая²⁹.

В поддержку этого звучит еще одна точка зрения, что у Китая в Индийском океане есть только две цели: экономические выгоды и обеспечение безопасности морских маршрутов. Эти две цели достигаются за счет взаимовыгодного торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, а также за счет участия ВМФ Китая в международных военно-морских учениях и операциях, направленных на борьбу с нетрадиционными угрозами безопасности, такими как морской терроризм, пиратство, незаконная контрабанда наркотиков и оружия, действия транснациональных преступных группировок и т.д.³⁰

По мнению китайского руководства, реализация МШП позволит смягчить противоречия между Китаем и странами-участниками территориальных споров в Южно-Китайском море, что приведет к развитию морского сотрудничества и между странами, которые расположены вдоль МШП, а также к укреплению морской безопасности.

В официальных китайских документах развитию «Морского Шелкового пути» уделяется важное внимание. Так, теоретическое оформление МШП содержится в программном документе, разработанном Государственным комитетом по делам

²⁶ Rethinking the Silk Road: China's Belt and Road Initiative and Emerging Eurasian Relations / Edited by M. Mayer // Palgrave Macmillan. 2018. P. 287.

²⁷ Gopal Suri. China's 21 Century Maritime Silk Road Old String with New Pearls? // Vivekananda International Foundation. 2016 // URL: <https://www.vifindia.org/sites/default/files/china-s-21st-century-maritime-silk-road-old-string-with-new-pearls.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).

²⁸ Li Yang. Modern Idea for Linking Nations Rooted in China's History // China Daily, 12 March 2014. // URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2014npcandcppcc/2014-03/12/content_17340499.htm (дата обращения: 20.03.2020).

²⁹ Yen-Chiang Chang. The '21st Century Maritime Silk Road Initiative' and naval diplomacy in China // Ocean and Coastal Management. Vol. 153, March 2018. Pp. 148–156.

³⁰ Zhou Bo. The String of Pearls and the Maritime Silk Road // China-US Focus. 2014. // URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/the-string-of-pearls-and-the-maritime-silk-road> (дата обращения: 21.03.2020).

развития и реформ КНР и Государственным океанологическим управлением КНР и получившим название «Концепция морского сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и Путь».

В соответствии с этим документом, «Морской Шелковый путь XXI века» выступает морской составляющей китайской инициативы «Пояс и Путь» и предусматривает создание трех «голубых экономических коридоров»: «Китай – Индийский океан – Африка – Средиземное море», «Китай – Океания – южная часть Тихого океана» и, в перспективе, коридор, проходящий через Северный Ледовитый океан в Европу³¹. В настоящее время наблюдается тенденция к выделению «Арктического Шелкового пути» в отдельное направление. Это обстоятельство позволяет при анализе МШП концентрироваться на реализации двух остальных «голубых экономических коридоров».

Китайское правительство намерено прилагать усилия для совместного строительства портов, увеличению количества морских маршрутов и авиасообщений, по укреплению сотрудничества в сфере информатизации в морской логистике, а также по созданию безопасных, высокоэффективных и бесперебойных морских маршрутов с ведущей ролью морских портов³².

Морской Шелковый путь, точнее его экономическое строительство, должно, как отмечено в официальных документах, реализовываться параллельно со строительством общей всеобъемлющей устойчивой и основанной на сотрудничестве системы региональной системы безопасности (*Concept of Common, Comprehensive, Cooperative and Sustainable Security System*)³³. В основу такой системы безопасности должно лечь сотрудничество в таких областях, как поиск и спасательные операции на море, предупреждение и предотвращение стихийных бедствий, борьба с пиратством, морским терроризмом, незаконной контрабандой оружия и наркотиков и т.д.³⁴

Анализ официальных китайских документов, посвященных вопросу инициативы «Пояс и Путь», показывает, что с точки зрения безопасности, основным компонентом «Морского Шелкового пути XXI века» является совместное сотрудничество на море. В то же время отмечается, что, принимая во внимание тот факт, что в регионе существуют разнообразные механизмы и платформы обеспечения безопасности, а также учитывая разное историческое развитие политических систем стран региона, в ближайшей перспективе не стоит рассчитывать на формирование всеобъемлющей системы безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе³⁵.

³¹ «И дай – и лу» цзяньшэ хайшан хэцзо шэсян [«Пояс и Путь». Размышления о морском сотрудничестве] // State Council of the People's Republic of China, 2017. // URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-06/20/content_5203985.htm (дата обращения: 21.03.2020).

³² Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road // National Development and Reform Commission. Ministry of Foreign Affairs and Ministry of Commerce of the People's Republic of China. With State Council authorization. 28.05.2015 // URL: http://www.xinhuanet.com/english/china/2015-03/28/c_134105858.htm (дата обращения: 21.03.2020).

³³ Чжунго дэ ятай аньцюань хэцзо чжэнцэ [Азиатско-тихоокеанская политика Китая в области сотрудничества в сфере безопасности] // URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-01/11/c_1120290045.htm (дата обращения: 21.03.2020).

³⁴ «И дай – и лу» цзяньшэ хайшан хэцзо шэсян [«Пояс и Путь». Размышления о морском сотрудничестве] // State Council of the People's Republic of China. 2017. // URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-06/20/content_5203985.htm (дата обращения: 21.03.2020).

³⁵ Чжунго дэ ятай аньцюань хэцзо чжэнцэ [Азиатско-тихоокеанская политика Китая в области сотрудничества в сфере безопасности] // URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-01/11/c_1120290045.htm (дата обращения: 21.03.2020).

Последнее обстоятельство прямо связано с тем, что в последние годы наблюдается тенденция к увеличению роли четырехстороннего стратегического диалога по вопросам безопасности между Австралией, Индией, США и Японией (*Quadrilateral Security Dialogue*), рассматриваемый рядом ученых в качестве противовеса китайскому влиянию в регионе.

Китайская стратегия «Морского Шелкового пути», помимо ее экономического измерения, разрабатывается одновременно с развитием военно-морских сил КНР и укреплением позиций и присутствия ВМФ НОАК в регионе. Все это не может не настораживать Индию и страны Юго-Восточной Азии, которые в свою очередь, склонны рассматривать активную военную деятельность Китая в Индо-Тихоокеанском регионе в качестве стратегии «Нити жемчуга» - строительства военных портов или портов двойного назначения в качестве опорных пунктов материально-технического обеспечения и логистической поддержки ВМФ НОАК.

Инициативы в сфере безопасности в ИТР также исходят от средних стран региона. Так, администрация президента Республики Корея Мун Чжэ Ина предложила идею создания Сообщества в Северо-Восточной Азии (*Northeast Asia Plus Community of Responsibility*), в основе которой лежат планы построения Платформы сотрудничества по вопросам безопасности в СВА (*Northeast Asia Peace and Cooperation Platform*), а также курс на проведение новой «Северной политики» и новой «Южной политики» (*New Northern Policy, New Southern Policy*)³⁶.

Новая «Южная политика» президента Муна направлена на укрепление экономических связей между Республикой Корея и странами АСЕАН в таких сферах как инфраструктурное сотрудничество, энергетика, туризм, а также доведения объемов товарооборота между двумя сторонами до \$200 млн к 2020 г.³⁷ Одновременно с этим существует угроза обострения конкуренции между южнокорейскими, китайскими и японскими компаниями, последние два из которых имеют значительную долю на рынках стран Юго-Восточной Азии³⁸.

Учитывая разнообразие инициатив и проектов в Индо-Тихоокеанском регионе, возникает потенциал как для геополитической конкуренции между китайским «Морским Шелковым путем» и стратегиями региональных держав, так и возможность для поиска точек соприкосновения между ними.

Говоря об аспектах безопасности «Морского Шелкового пути XXI века», можно отметить такие вызовы как нерешенные территориальные споры в Южно-Китайском море и нетрадиционные угрозы: пиратство, морской терроризм и транснациональная преступность.

Вероятные направления дальнейшей эволюции концепции «Морского Шелкового пути»

В ходе претворения в жизнь стратегии МШП в китайской научно-экспертной и аналитической сферах в среднесрочной перспективе вырисовываются контуры следующих новых идей:

³⁶ Lee Sang Hyun. Northeast Asia Plus Community of Responsibility: Platform for Peace and Cooperation. 2017. // URL: [file:///C:/Users/dns123/Downloads/Session2%252CPanel1_LEE%20Sang%20Hyun%2528ENG%2529%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/dns123/Downloads/Session2%252CPanel1_LEE%20Sang%20Hyun%2528ENG%2529%20(2).pdf) (дата обращения: 21.03.2020).

³⁷ Xue Li. Moon's policies could enhance cooperation with B&R // Belt and Road Portal. 2018. // URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/home/rolling/54947.htm> (дата обращения: 21.03.2020).

³⁸ Hillman J. E. South Korea's Emerging Vision // Reconnecting Asia Project at the Center for Strategic and International Studies, 2017. // URL: <https://reconnectingasia.csis.org/analysis/entries/south-korea-emerging-vision> (дата обращения: 21.03.2020).

1. Помимо взаимодействия между Китаем и странами-участниками проекта «Морского Шелкового пути», а также учитывая комплексный характер данного проекта, вероятно появление дискуссии о координации выполняющих инструментальные функции институтов, таких как министерство иностранных дел КНР, министерство финансов КНР, министерство коммерции КНР, командование военно-морскими силами и администрации юго-восточных провинций.

2. Принимая во внимание тот факт, что в реализации проекта МШП участвует несколько десятков стран, в среднесрочной перспективе до минимума сократятся дискуссии о необходимости придания китайскому проекту институциональный характер, что весьма сложно сделать с точки зрения административного строительства.

3. В краткосрочной перспективе Китай будет активно обсуждать варианты совместного продвижения инициативы «Морского Шелкового пути XXI века» и новой «Южной политики». Однако, учитывая возрастающую конкуренцию между китайскими и южнокорейскими компаниями на рынках ЮВА, достичь согласия по поводу конкретных точек состыковки вряд ли возможно. Таким образом, сопряжение двух проектов будет проходить за счет налаживания каналов диалога между соответствующими департаментами экономических министерств обеих стран.

4. Понимая бесперспективность лобового противостояния с США, правительство КНР, опираясь на потенциал китайской научно-экспертной среды, должно инициировать (возможно, не на публичном уровне) дискуссию о том, какими должны быть пределы военной активности Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, и с помощью каких показателей они будут определяться (например, количество военных баз в регионе; число военнослужащих, расквартированных за пределами Китая; уровень военно-технического оснащения ВМФ КНР или др.).

5. В стратегическом плане Китай может выступить с инициативой формирования всеобъемлющей системы индо-тихоокеанской безопасности, в основу которой могут быть положены следующие принципы:

- параллельное развитие экономического потенциала «Морского Шелкового пути» (торговые маршруты, бесперебойные поставки энергоресурсов) и военно-морских сил КНР, которые не будут нести в себе угрозу какой-либо из стран региона;
- МШП – главный экономический драйвер ИТР, следовательно, ВМФ НОАК – главный гарант безопасности торговых маршрутов в регионе;
- концепция МШП может быть использована для совместного продвижения с другими региональными инициативами в области экономики и безопасности;

Китай не может игнорировать политику США и Индии в ИТР, поэтому ему придется подчеркивать ту конструктивную роль, которую обе страны играют в обеспечении безопасности в регионе.

В случае выдвижения инициативы всеобъемлющей системы индо-тихоокеанской безопасности в нее, вероятнее всего, войдут основные положения двух основных внешнеполитических документов КНР – «Концепция морского сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и Путь»» и «Политика Китая по вопросам сотрудничества в области безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона».

2. ЯПОНИЯ: ВИДЕНИЕ БУДУЩЕГО

2.1 Стратегии социально-экономического развития и образ будущего

Стратегия, которой придерживается сегодня доминирующая часть японской политической элиты, включает в себя несколько направлений усилий, каждое из которых призвано решить ту или иную долгосрочную задачу, осознаваемую в качестве фундаментальной. Конкретный набор задач, рассматриваемых в качестве базовых, различается в зависимости от целей, установок, а зачастую и от индивидуальных пристрастий авторов документов, излагающих стратегическое видение будущего экономики страны, но, как правило, все они включают в себя несколько нарративов. В качестве таковых почти всегда можно обнаружить следующие.

- Задача **сохранения динамизма экономики** в форме бесперебойного действия **механизмов количественного роста** основных макроэкономических показателей: занятости, доходов, спроса и стоимостных объемов производства (т.е. задача обеспечения долгосрочного устойчивого роста).

- Задача **недопущения снижения международной конкурентоспособности** экономики страны в широком смысле этого слова, включая технологический уровень и качество управления японских компаний; возможности экспорта из Японии товаров, услуг и капитала; привлекательность внутренних рынков и делового климата в стране для иностранных компаний-лидеров; международная репутация страны и свобода от негативного внешнего давления.

- Задача формирования **заделов для будущего развития** – системы воспроизводства и качественного роста человеческого потенциала, способности к инновациям и структурной адаптации к изменяющимся потребностям.

- Задача **адаптации** экономики, бюджетной системы и социальных институтов страны **к долгосрочному тренду «старения» возрастной структуры населения**.

- Задача сохранения в допустимых пределах социальных и территориальных дисбалансов, создание возможностей для использования потенциала малоиспользуемых человеческих ресурсов и территорий.

В документах стратегического характера, формулирующих долгосрочные цели и ориентиры, все вышеназванные задачи сформулированы на достаточно высоком уровне абстракции – в виде самых общих положений, что обеспечивает восприятие такого рода документов целевой аудиторией как своего рода общественного консенсуса. Формулирование их в качестве общенациональных целей на концептуальном уровне не встречает существенных возражений, если, конечно, не принимать во внимание маргинальные точки зрения и позиции экстремистских течений.

Вместе с тем сами по себе они не определяют ни содержания конкретных шагов на политическом уровне, ни их последовательности или приоритетности. Более того, даже детализация целей, вытекающих из необходимости решения этих общих задач, обнаруживает возможность различных подходов. Простое сопоставление документов, принятых на правительственном уровне с интервалом в пять-шесть лет, уже обнаруживает значительную вариабельность среднесрочных целей и ориентиров, не говоря уже о характеристике мер для решения тех или иных задач и степени их приоритетности. При этом конкретные решения властей в перечисленных выше направлениях, хотя и соотносятся с заявленными

правительством стратегическими целями, на самом деле в значительной степени носят ситуативный характер и определяются непосредственно ощущаемыми вызовами и имеющимися возможностями мобилизации ресурсов в кратко- и среднесрочной перспективе.

Тем не менее анализ постановки общенациональных задач правительством и его структурами представляет несомненный интерес с точки зрения видения японской политической элитой будущего своей страны в средне- и долгосрочной перспективе.

* * *

Главная задача в области экономики и экономической политики, которая японской политической и финансово-экономической элитой рассматривается в качестве стратегической – это преодоление затянувшейся макроэкономической стагнации и вывод хозяйства страны на траекторию количественно значимого устойчивого роста.

С началом в 2013 г. второй каденции руководства правительством и страной японского политического долгожителя и харизматичного лидера Синдзо Абэ эта задача официально была поставлена в центр стратегии кабинета министров и, в широком смысле, японской государственной стратегии. Отчасти это было связано с тем, что С. Абэ, будучи политиком не только консервативного, но и популистского толка, в своей пропагандистской активности опирался, главным образом, на лозунги возрождения традиций и достижений прошлого (по умолчанию достойного и великого). Не случайно первый программный документ возглавляемого им кабинета, принятый в 2013 г., был озаглавлен «Стратегия ревитализации (возрождения) Японии: Япония возвращается». Одним из элементов этого, с точки зрения С. Абэ и его политических соратников, достойного прошлого рассматривался и быстрый экономический рост в его количественном измерении, который дважды в истории страны – в период реформ второй половины XIX в. и в период «быстрых темпов роста» 1955–1973 гг. позволял Японии сделать рывок в мировой иерархии экономической и совокупной силы.

Но дело, конечно, было не только в популистских склонностях премьер-министра. Затянувшаяся на два долгих десятилетия экономическая стагнация – по крайней мере в том, что касается динамики количественного роста ВВП и ряда других основных макроэкономических показателей (производственных инвестиций, расходов на НИОКР, доходов и потребительских расходов населения, котировок акций ведущих японских корпораций и фондовых индексов) – начала восприниматься японской элитой как серьезная политическая проблема.

Судя по тону и содержанию происходивших в стране политических кампаний, во-первых, у финансовой и деловой элиты страны стало возникать стойкое ощущение, что в экономике возникает множество цепочек нежелательных взаимодействий (порочных кругов), когда утрата динамизма одним из параметров экономики вела к стагнации многих других, оказывающих обратное угнетающее воздействие на первый. В такой ситуации стихийный ход событий лишь усугублял проблемную ситуацию, а для ее преодоления явно требовалось активное политическое вмешательство со стороны властей.

Во-вторых, стали возникать серьезные опасения постепенного снижения международной конкурентоспособности Японии. Это ощущение позже было сформулировано в одном из программных правительственных документов следующим образом: «Если реакция на инновации «четвертой промышленной революции» запоздает, а в проведении смелых реформ будет проявлена нерешительность, мы рискуем оказаться в роли субподрядчиков ведущих мировых

корпораций с сопутствующей эрозией среднего класса»³⁹. Другими словами, период снижения количественных показателей роста, долгое время воспринимавшийся как неизбежное следствие структурной перестройки экономики, вышедшей на уровень лидеров глобального хозяйства, стал порождать страхи постепенной утраты достигнутого уровня в этой иерархии и отката если не на периферию, то на вторые роли в мировом хозяйстве.

Катализатором этого ощущения также стало быстрое экономическое возвышение Китая, который в течение первого десятилетия нового столетия догнал и обогнал Японию по объему ВВП и, более того, начал энергично увеличивать свой отрыв от нее. Это порождало (и порождает) в Японии не просто чувство национальной уязвленности, но и серьезную обеспокоенность с точки зрения обеспечения экономической и военной безопасности.

Все это привело к тому, что тон и характер постановки задач преодоления экономической стагнации стали приобретать большую остроту, и к началу 2010-х годов возник серьезный запрос на предложение «прорывных» политических рецептов ускорения роста. То, что было предложено сравнительно молодым (по меркам японской политической высшей лиги) и, несомненно, весьма амбициозным С. Абэ и его администрацией – «Стратегия ревитализации Японии» – в первую очередь ставила в повестку десятилетия с момента провозглашения программы задачу повышения средних темпов прироста ВВП до 2 и более процентов в год (в реальном выражении), подушевых номинальных доходов населения – до 3%, увеличения номинального объема ВВП страны до 600 трлн иен, а валового дохода на душу населения – до 1,5 млн иен⁴⁰.

Несмотря на то, что в течение всех 2010-х годов выйти на обозначенные количественные ориентиры темпов роста не удалось, задача обеспечения энергичного устойчивого роста остается одной из официально провозглашенных стратегических задач⁴¹. Хотя и она перестала быть центральной в стратегии долгосрочного видения будущего страны, с повестки дня она, безусловно, не снята, и продолжает рассматриваться как одно из важнейших условий реализации других провозглашаемых целей и задач.

Вместе с тем в своих последних документах программного характера, в частности принятых в 2017–2018 гг. «Стратегиях инвестиций будущего»⁴², целевые темпы прироста ВВП в кратко- и среднесрочной перспективе, равно как и любые другие ориентиры для традиционных макроиндикаторов экономического роста, не формулируются. Избегает таких ориентиров в своих документах и созданный в 2016 г. Совет по инвестициям будущего (*Мирай тоси кайгэ*) – главный орган стратегического планирования и координации деятельности правительственных

³⁹ Мирай тоси сэнряку 2017—Society 5.0- но дзицугэн-ни мукэта кайкаку [Стратегия инвестиций будущего 2017. Реформы для реализации концепции «общества 5.0»] // URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2017.pdf> (дата обращения: 23.03.2020).

⁴⁰ Нихон сайко сэнряку – JAPAN is BACK [Стратегия ревитализации Японии]. С.2. // URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/saikou_jpn.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

⁴¹ Abenomics. For future growth, for future generations and a future Japan // Government of Japan. Prime Minister's Office. // URL: <https://www.japan.go.jp/abenomics> (дата обращения: 23.03.2020).

⁴² Мирай тоси сэнряку 2017—Society 5.0-но дзицугэн-ни мукэта кайкаку [Стратегия инвестиций будущего 2017. Реформы для реализации концепции «общества 5.0»] // URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2017.pdf> (дата обращения: 23.03.2020); Мирай тоси сэнряку 2018—Society 5.0 Дэта кудогата сякай-э- но хэнкаку [Стратегия инвестиций будущего 2018. Перемены в направлении «общества 5.0» – общества, основанного на использовании данных] // URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2018_zentai.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

ведомств, отвечающих за социальную и экономическую составляющие государственной политики развития, а также законотворческой деятельности в соответствующих областях.

Вместо этого акцент в социально-экономической стратегии смещается на качественные аспекты механизмов развития – эффективное использование человеческих ресурсов страны, совершенствование институтов развития, стимулирование инноваций, использования в целях экономического развития и повышения качества жизни современных технологий, в первую очередь технологий, включаемых в понятие «четвертой промышленной революции»⁴³.

Соответственно, при сохранении ориентации на преодоление экономической стагнации правительственная стратегия в целом в большей степени разворачивается в сторону второй из названных в начале задач – задачи *как минимум сохранения, а в более долгосрочной перспективе – повышения международной конкурентоспособности Японии и улучшения ее позиций в глобальном хозяйстве*. Другими словами, акцент смещается с количественного роста традиционных показателей развития на качественный критерий – место страны и ее экономики в глобальной иерархии совокупной силы и уровень технологического развития.

Ключом к решению этой задачи считается параллельное стимулирование эффективности использования двух основных видов ресурсов страны – человеческих и технологических.

Что касается первых, то, согласно принятой концепции, в условиях неизбежного сокращения населения в трудоспособном возрасте, которое связано с долгосрочными демографическими процессами, альтернативой массовому использованию иностранной рабочей силы является повышение экономической активности сокращающегося собственного населения, с одной стороны, и применение трудосберегающих технологий – с другой. На последний из названных факторов во многом опираются официальные прогнозы о сокращении потребности в живом труде, в том числе в сфере услуг, хотя реальных подтверждений мощного эффекта трудосбережения, связанного с внедрением в Японии современных технологий, пока нет. Несмотря на наличие высокоавтоматизированных и роботизированных производств, ширящееся использование 3D-принтеров и т.д., сфера услуг по-прежнему нуждается в больших количествах живого, в том числе малоквалифицированного труда.

Стимулированию экономической активности населения уделяется значительное политическое внимание, однако связанные с этим ожидания намного скромнее, а взгляд на потенциал мер по повышению его ценности как трудового ресурса – более реалистичен. Тем не менее эта тема неизменно занимает большое место во всех программных документах, равно как и в синкретической конструкции желаемого образа будущего японского общества (концепции «Общества 5.0»)

Правительственная стратегия применительно к этой задаче сводится к тому, чтобы, с одной стороны, повысить экономическую активность населения тех категорий населения, которые сегодня хуже других представлены на рынке труда, в частности женщин среднего возраста и старших возрастных групп, а с другой – повысить адаптивность рабочей силы к изменениям в содержании трудовой деятельности через переобучение и высокую географическую мобильность. При этом за эффектными лозунгами («продление активной полноценной жизни», «пожизненное образование/обучение», «женская экономика», «насыщение высокими

⁴³ Это, главным образом, так называемый «интернет вещей», анализ больших данных, искусственный интеллект, робототехника.

технологиями ухода за престарелыми и утратившими способность к самостоятельному проживанию»), как правило, стоят планы увеличения финансирования ведомственных программ, призванных оптимизировать условия использования имеющихся трудовых ресурсов.

С одной стороны, это меры, облегчающие работодателям условия использования труда женской и пожилой части населения путем легального использования более гибких форм найма, а также стимулирование самозанятости. Сюда же можно отнести меры по постепенному повышению возраста начала пенсионных выплат и ослабление возрастных ограничений на работу в государственном секторе.

С другой стороны, это дополнительные ассигнования для увеличения доступности услуг дошкольных учреждений и облегчения бремени ухода за пожилыми и нетрудоспособными. При этом перспективы технологического насыщения соответствующих сфер и сопровождающий его эффект, как правило, оцениваются произвольно и чрезвычайно оптимистично. Результатом же развития технологий применительно к социальной политике должно стать высвобождение для участия в экономике большой массы женского и пожилого населения, которая сегодня не выходит на рынок труда из-за бытовых проблем и необходимости ухода за нетрудоспособными членами семей.

Характерно также, что в этих документах крайне мало места отводится изложению возможностей и противоречий, о которых можно было бы говорить в случае увеличения масштабов использования иностранной рабочей силы. Если в сфере практической политики данная тема неизменно присутствует в повестке дня и реализуется в виде изменений иммиграционного режима и на законодательном уровне, и на уровне администрирования, то стратегические документы, в основном, избегают ее детализации. Как правило, речь в них идет только об упрощении процедур приглашения для работы в Японии высококвалифицированных специалистов с уникальными навыками или опытом, что, конечно, не решает проблемы нехватки работников для выполнения простых и непрестижных видов деятельности.

Более актуальной (хотя и более приземленной) является тема адаптации бюджетной и пенсионной систем к реалиям «стареющего» общества. Несмотря на то, что и здесь большое место отводится различным футурологическим фантазиям и оптимистическим пропагандистским клише по поводу якобы происходящего беспрецедентного продления активной жизни и востребованности пожилых возрастных групп в экономике и общественной жизни, практические проблемы вынуждают признавать растущее финансовое бремя социального и медицинского обслуживания нетрудоспособного населения и неизбежность частичного переноса этого бремени на частный бизнес. Задачи дальнейшего постепенного повышения пенсионного возраста и принуждения работодателей к тому, чтобы сохранять занятость людей в старших возрастных категориях остается в повестке дня, хотя и «задвигается» на периферию внимания аудитории описанием ожидаемых технологических и медицинских успехов в сохранении трудоспособности этих категорий населения.

Одновременно во всех программных документах содержится тезис о необходимости и возможности повышения качества имеющихся трудовых ресурсов через совершенствование системы образования и профессионального обучения. Вместе с тем пути такого совершенствования обрисованы абстрактно и не облечены в форму масштабных административных планов и инициатив. Наиболее существенные из них – это 1) оказание содействия в разработке новых образовательных программ для общего и профессионального обучения, в том числе

для совмещения его с постоянной занятостью, и 2) поощрение и координация перевода процесса обучения на новые технологические платформы, прежде всего он-лайновые. Ставится задача увеличения финансовых льгот (стипендий и др.) для облегчения получения высшего образования школьниками из малообеспеченных семей.

Что же касается технологических ресурсов как средства повышения национальной конкурентоспособности, то правительство видит свою роль главным образом в выполнении функции координатора с целью разработки и внедрения национальных стандартов, обеспечения совместимости и реплицирования инновационных разработок в различных отраслях и сферах, создании общенациональных баз данных и обеспечения широкого доступа к ним (режим *open data*), а также в надзоре за информационными обменах с целью предотвращения использования информации в преступных целях и защиты секретной или чувствительной информации. По мысли правительственных стратегов, это должно обеспечить субъектам экономики оптимальные условия для инновационной активности и снижения связанных с ней издержек.

Признается необходимым целенаправленными усилиями содействовать взаимопроникновению, взаимодействию и взаимному стимулированию активности в разных отраслях и сферах общественной жизни. Примерами таких усилий документы называют, в частности, обеспечение совместимости и объединение в интегрированные системы применяемого программного и аппаратного обеспечения; формирование объединенных баз данных; облегчение режима использования и доступа к крупным базам данным со стороны агентов экономики, действующих в самых различных сферах; поощрение исследований и инноваций в соответствующих областях, включая облегчение установления контактов и связей между бизнесом и академическим сообществом, а также между бизнесом и независимыми исследовательскими организациями.

Государство намерено содействовать созданию и распространению в Японии сетей мобильной передачи данных пятого поколения (5G), обеспечивая для этого режим максимального административного благоприятствования. Это относится и к вопросам лицензирования, и к пользованию государственными инфраструктурными услугами.

Кроме того, ставится задача финансовой помощи (в форме налоговых льгот и субсидий) малым и средним предприятиям, осуществляющим инвестиции в средства использования современных информационно-коммуникационных технологий, с целью повышения эффективности национальной экономики в целом.

Рассматриваются также идеи помощи венчурному бизнесу (стартапам) в форме освобождения его от обязанности соблюдать налагаемые существующим законодательством ограничения (включая нормы антимонопольного регулирования) в определенных оговоренных рамках (концепция «регуляторных песочниц»).

Характерно, что в документах последнего десятилетия отсутствуют задачи селективной финансовой поддержки отдельных приоритетных отраслей или технологий – задачи, считавшиеся актуальными на протяжении всех последних десятилетий, включая первую половину 2010-х гг. Это связано с общим разворотом стратегической линии от т.наз. «промышленной политики» (которая означала политически мотивированное перемещение ресурсов в целевые сектора и отрасли экономики при помощи административного вмешательства в механизмы распределения и перераспределения ресурсов) к концентрации усилий на «структурных реформах». Под последними понимается главным образом деятельность по облегчению свободного перемещения ресурсов между секторами («повышение мобильности») в соответствии со стихийно возникающими

потребностями в них. Это касается любых видов ресурсов – финансовых, человеческих, технологических и управленческих, причем речь идет не только об устранении административных барьеров, которые уже сейчас невелики, но о сознательном поощрении более активного перемещения между секторами наемных работников, менеджеров и технологий, а также о более активной смене профиля своей деятельности индивидуальными предпринимателями и самозанятыми.

Из правительственных «стратегий» исчезают элементы дирижизма, которые сменяются описанием происходящих технологических изменений и постановкой задач адаптации к ним экономики и общества. Именно в адаптации как субъектов общественно-экономической жизни, так и связей между ними, к меняющимся условиям теперь видится главный элемент стратегии повышения национальной эффективности и конкурентоспособности.

Это же характерно и для стратегии регионального развития. Официально принятая «Комплексная стратегия создания региональной среды, населения и рабочих мест», соотносимая с утвержденным долгосрочным прогнозом («Долгосрочное видение создания региональной среды, населения и рабочих мест»), отражает проступающий сдвиг от попыток повлиять на физические показатели размещения по территории страны нового бизнеса или новых объектов существующих компаний к фронтальной поддержке деловой среды. По замыслу авторов названных документов, задачей правительства при поддержке экономики регионов, не входящих в стихийно сформировавшиеся зоны концентрации деловой активности (столичная и две других агломерации), является создание в них современной инфраструктуры и обеспечение транспортной доступности. Что же касается «точек роста» в виде конкретных субъектов и сфер деятельности, то они должны определиться стихийно в результате частных оценок и действий.

В качестве же главной комплексной задачи выдвигается задача формирования в Японии нового типа общественных отношений – постинформационного, суперинтеллектуального общества («смарт-общества», «общества 5.0»).

Характеристики этого типа общества в официальных документах отличаются высокой степенью абстракции и отсутствием каких-либо количественно заданных критериев. По сути, данная концепция является вариантом неясно очерченной модели общества коллективной гармонии и благоденствия – социальной утопии, возможность реализации которой не вполне понятным образом увязывается с дальнейшей «цифровизацией» всех сфер экономической и социальной жизни, а также повседневного быта и медицинского обслуживания населения.

Роль главного «реализатора» этой утопии отводится искусственному интеллекту с его предположительно безбрежными возможностями и способностью к саморазвитию и самосовершенствованию. В качестве инструментов, с помощью которых будет осуществляться преобразующее воздействие искусственного интеллекта на общество, наряду с «цифровизацией» называются его организация, преодоление имеющихся ограничений в возможностях, «наращивание коннективности», всеобщая «сетевизация» и т.п. С помощью этих и подобных им инструментов искусственный интеллект якобы резко повышает отдачу имеющихся материальных и нематериальных ресурсов, оптимизирует их сопряжение и вскрывает синергию, раздвигает границы возможностей и обеспечивает эффект взаимного стимулирующего воздействия положительной динамики различных показателей развития.

На выходе авторы изображают модель общества, в котором отсутствуют институциональные пределы и ограничения для роста технических и экономических

возможностей, что сделает возможным достижение социальной и экологической гармонии.

Столь амбициозные, хотя и абстрактные цели долгосрочного характера, активно вписываемые в последние годы в любые документы, которым придается стратегический, программный характер, позволяет их авторам если не опустить полностью, то лишить актуальности вопрос о мерах регулирования экономического цикла и, соответственно, уйти от формулирования количественных и временных ориентиров, достижение которых могло бы считаться показателем результативности и обоснованности действий правительства в кратко- и среднесрочном планах.

В результате такие промежуточные цели, присутствовавшие в программных документах 2013–2014 гг., как достижение целевых ориентиров по инфляции, темпам прироста ВВП, сбалансированности бюджета, практически выпали из поля зрения авторов долгосрочных стратегий.

2.2 Внешнеполитический курс на тихоокеанском пространстве

В сложной международно-политической обстановке в Тихоокеанской Азии Япония трансформирует свою внешнеполитическую стратегию, постепенно отказываясь от ставшего привычным пассивного поведения страны на международной арене. Реформы внешней и оборонной политики, проведенные японским правительством в 2000–2010-х гг., расширили возможности страны в этих сферах: были ослаблены ограничения на участие сил самообороны в зарубежной деятельности, легализовано использование права на коллективную самооборону, приняты более весомые обязательства в рамках японо-американского военно-политического альянса, отменен запрет на экспорт вооружений из Японии, повышен статус оборонного ведомства в системе принятия решений, создан совет национальной безопасности при кабинете министров Японии, разработана первая в послевоенный период официальная «Стратегия национальной безопасности», модифицировано оборонное законодательство. Трансформация основ внешней политики связана с внутривнутриполитическими изменениями и новыми задачами для японской дипломатии и направлена прежде всего на адаптацию существующих механизмов принятия и реализации решений к быстро изменяющимся международным условиям.

Конец послевоенной стратегии

Внешнеполитическая стратегия Японии, доминировавшая в послевоенный период, опиралась на такие положения, как запрет на участие сил самообороны в военных действиях за рубежом, возложение на США задач по защите страны от вооруженного нападения, отказ от участия в коллективной обороне, недопустимость обладания ядерным оружием, запрет на передачу вооружений и военных технологий другим странам, запрет на использование космоса в военных целях, сохранение оборонного бюджета на уровне 1% от ВВП⁴⁴. Реализация этой стратегии стала возможной благодаря международному порядку, установившемуся в период холодной войны в Азии. Как пишет японский политолог Х. Танака, роль Японии

⁴⁴ Эта внешнеполитическая стратегия также известна в Японии как «доктрина Ёсида», названная по фамилии премьер-министра Сигэру Ёсида (занимал высший государственный пост дважды: 1946–1947, 1948–1954 гг.), во время нахождения у власти которого был подписан японо-американский договор о сотрудничестве и безопасности (1951 г.).

заклучалась в поддержке усилий Запада по достижению победы в биполярном противостоянии, поэтому в послевоенный период первоочередной задачей Японии было восстановление собственной экономики, а затем открытие ее для других западных стран. Делегирование США ответственности за обеспечение своей безопасности и права выступать от ее лица в мировом балансе сил, по его мнению, позволило стране добиться успехов в экономическом развитии, разработать устойчивые демократические институты, стать надежным и уважаемым членом мирового сообщества⁴⁵.

В литературе можно встретить различные варианты теоретического обоснования послевоенной стратегии Японии в зависимости от принадлежности исследователей к той или иной школе теории международных отношений. Например, с точки зрения представителей школы неореализма добровольная зависимость от США в области безопасности – это рациональный выбор Японии, основанный на понимании ею оптимальной стратегии обеспечения национальных интересов, согласно которому поддержка более могущественного партнера наилучшим образом гарантировала безопасность Японии как «младшего» партнера⁴⁶. Исследователи, придерживающиеся неолиберального подхода, отмечали, что поведение Японии на международной арене как «экономической» или «невоенной» державы, внимание к многосторонним механизмам международной кооперации стали залогом экономического процветания страны⁴⁷. В свою очередь конструктивисты, рассматривавшие послевоенную внешнюю политику Японии в качестве производной от ее национальной идентичности, исторического опыта, а также понимания невоенной природы безопасности, пришли к выводу, что в этот период Япония сделала выбор в пользу ухода от насильственных методов ведения внешней политики, разработав и институционализировав антивоенную культуру и соответствующие нормы⁴⁸.

Вместе с тем в Японии немало и оппонентов избранной в послевоенный период внешнеполитической стратегии. Например, исследователь М. Хонда считает, что «упование на США привело к атрофии внешнеполитической мысли у японских элит и значительному снижению качества принимаемых решений»⁴⁹. Более того, из-за исключительной концентрации на экономическом росте в Японии не получили должного развития политико-стратегические институты, не были разработаны эффективные механизмы управления кризисными ситуациями, не уделялось должного внимания стратегическому планированию. В Японии до середины 2000-х гг. фактически отсутствовало законодательство, позволяющее реагировать на

⁴⁵ Кидзё но хорицурон кара гэндзицу но гайкорон [Теория международных отношений с точки зрения существующего законодательства]. Материалы круглого стола // Гайко форуму. № 250. Май 2009 г. С. 26–35.

⁴⁶ См. McCormack G. Client State: Japan in the American Embrace. London: Verso, 2007. 246 p; Lind J. M. Pacifism or Passing the Buck: Testing Theories of Japanese Security Policy // International Security. 29/1. 2004. Pp. 92–121; Oros A. Normalizing Japan: Politics, Identity, and the Evolution of Security Practice. Stanford: Stanford University Press, 2008. 304 p.

⁴⁷ Rosecrance R. The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World. New York: Basic Books, 1986. 268 p.; Emmott B. The Economic Sources of Japan's Foreign Policy // Survival. 34/2, 1992. Pp. 50–70.

⁴⁸ Berger T.U. Norms, Identity, and National Security in Germany and Japan // The Culture of National Security: Norms and Identities in World Politics. New York: Columbia University Press, 1996. Pp. 317–356; Berger T.U. Cultures of Antimilitarism. Baltimore, Md. and London: John Hopkins University Press, 1998. 256 p.

⁴⁹ Хонда М. Нихон ни коккасэнка ва ару но ка? [Есть ли в Японии государственная стратегия?]. Токио: Асахи сэнсё, 2007. С. 5.

возникновение чрезвычайных ситуаций⁵⁰. По мнению Т. Иногути, в послевоенный период Токио был способен на изменение своего политического курса лишь в случае оказания на него сильного внешнего давления, из-за чего его внешняя политика была пассивной, ситуативной и неэффективной. Зависимость от США стала основой японской внешней политики. Исследователь образно назвал японский способ принятия и реализации внешнеполитических решений «дипломатией караоке»: «США определяют музыку и слова, а японские дипломаты только выбирают манеру исполнения и свой внешний вид»⁵¹.

После окончания холодной войны Япония столкнулась с рядом внутренних и внешних вызовов, потребовавших пересмотра основных положений внешнеполитической стратегии. Наиболее серьезный вызов – «потерянные» десятилетия (1991–2010 гг.) низких темпов экономического роста – значительно сократил возможности финансирования японской дипломатии, подорвав уверенность японцев в том, что именно их страна является наиболее успешной в Азии. В свою очередь, распространение в регионе ракетно-ядерных технологий, череда кризисов на Корейском полуострове, обострение нетрадиционных угроз безопасности в глазах японцев были свидетельством неспособности международных институтов поддерживать стабильность и разрешать кризисные ситуации⁵². Как отмечал упоминавшийся выше Х. Танака, после окончания холодной войны правительство Японии пришло к пониманию, что с одной лишь опорой на американский «ядерный зонтик» обеспечение собственной безопасности в новых условиях невозможно, что заставило его взяться за пересмотр пассивной внешнеполитической модели⁵³.

Было бы неверно игнорировать прогнозы, предсказывавшие быстрое наращивание военной мощи Японии после окончания холодной войны. Однако ожидания того, что внешняя и оборонная политика будут в скором времени приведены в соответствие с экономическими возможностями страны, расходятся с реалиями японского политического процесса, где изменения нередко принимаются под внешним давлением и содержат многочисленные компромиссные положения. Примером этого является эволюция законодательства, позволяющего японским силам самообороны принимать участие в миротворческих операциях за рубежом. Первый Закон о содействии операциям ООН по поддержанию мира был принят в 1992 г., после того как вклад Японии в поддержку операции «Буря в пустыне» в Ираке был признан недостаточным. Закон 1992 г. предоставил ограниченную возможность участия сил самообороны в миротворческих операциях ООН: обязательными условиями для отправки японских военных в зоны конфликтов были наличие перемирия и согласие сторон на японское присутствие. При этом права применения оружия японские военные не имели. Как справедливо замечает О. Добринская, участие Японии в операциях по поддержанию мира выглядело «однобоко»: в то время как иностранные контингенты должны были защищать японских военнослужащих, они не могли рассчитывать на ответную защиту из-за существовавших запретов и ограничений на использование японцами вооружений⁵⁴.

⁵⁰ Pyle K. A Renaissance or a Revolution? Book Review Roundtable // *Asia Policy*. No. 4, 2017. Pp. 174–175.

⁵¹ Inoguchi T., Purnendra J. *Japanese Foreign Policy Today. Beyond Karaoke Diplomacy*. NY.: Palgrave Macmillan, 2000. P. 2–15.

⁵² Glosserman B., Snyder S. *The Japan-South Korea Identity Clash: East Asian Security and the United States*. N.Y.: Columbia University Press, 2015. P. 25.

⁵³ Танака Х. Указ. соч.

⁵⁴ Добринская О.А. Законодательство об обеспечении мира и безопасности: глобальное, региональное и национальное значение // Япония. Ежегодник. 2016. Т. 45. С. 61–78.

Потребовалось более 20 лет для того, чтобы был принят новый закон 2015 г., разрешивший японским военным приходить на помощь подвергшимся нападению миротворческим силам, участвующим в тех же операциях. Тем не менее, до сих пор сохраняется запрет на вовлечение сил самообороны в военные действия, а участие Японии в операциях по поддержанию мира продолжает ограничиваться оказанием содействия невоенного характера. Таким образом, еще преждевременно говорить, что активность Японии в этой области полностью соответствует общим стандартам и практикам.

Внешнеполитические взгляды японской элиты

Исследователями неоднократно предпринимались попытки классифицировать распространенные в японской политической элите и обществе представления о наиболее желательной внешнеполитической стратегии страны⁵⁵. Детальный анализ японских взглядов и концепций последнего времени содержится в работе американских политологов Б. Глоссермана и С. Снайдера. Они выделяют четыре подхода: националистический, пацифистский, пассивный и компромиссный⁵⁶.

Сторонники националистических взглядов выступают за то, что Японии следует отказаться от ограничений, наложенных на государственную систему после окончания Второй мировой войны, а также проводить более активную внешнюю политику. Приверженцы этих представлений в своем большинстве выступают за сохранение союзнических отношений с США, но при этом поддерживают расширение возможностей японских военных контингентов участвовать в зарубежных операциях, а также увеличение обязательств Японии в рамках японо-американского альянса. Они одобряют посещение японскими политиками храма Ясукуни, невзирая на критику со стороны Китая и Южной Кореи. «Националисты» также считают необходимым изменить конституцию, включая антивоенную девятую статью; одобряют принятие законов о почитании государственного флага и гимна; выступают за усиление «патриотического воспитания» в школах. Сторонники наиболее радикальных взглядов в этой группе рассматривают возможность обретения Японией наступательных вооружений и даже ядерного оружия⁵⁷.

На другом конце спектра – взгляды «пацифистов», согласно которым Япония должна следовать послевоенному курсу, сохранить конституцию в неизменном виде, избегать слишком активного вовлечения в международные дела, концентрируясь вместо этого на своем экономическом развитии. Сторонники этой точки зрения придерживаются антимилитаристских позиций и с определенным недоверием относятся к США, поскольку считают, что Вашингтон может вовлечь Японию в вооруженные действия, которые не отвечают ее национальным интересам. Пацифизм сегодня продолжает влиять на стратегическое мышление значительной части политического класса и на настроения в обществе.

В японском политическом дискурсе присутствует и точка зрения, согласно которой изменения внешней и оборонной политики должны быть минимальны. Сторонники этого «пассивного» подхода полагают, что Японии следует признать себя «средней державой» и концентрировать усилия на поиске основанных на

⁵⁵ См. Samuels R. Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. Ithaka: Cornell University Press, 2008. 296 p.; Samuels R. Japan Goldilocks Strategy // The Washington quarterly. No. 4 (29), 2006. Pp. 115–118; Hirata K. Who Shapes the National Security Debate? Divergent Interpretations of Japan's Security Role // Asian Affairs: An American Review. Vol. 35, No.3. 2008. Pp. 123–151.

⁵⁶ Glosserman B., Snyder S. Pp. 23–59.

⁵⁷ Ibid.

сотрудничестве многосторонних подходов к решению международных проблем. Ей не нужно стремиться к роли лидера, но необходимо искать партнеров, которые смогут в большой степени взять на себя или разделить с ней ответственность за обеспечение национальной и региональной безопасности.

Приверженцы четвертой и наиболее распространенной точки зрения считают, что изменения японской политики в области безопасности должны носить эволюционный характер. Этот подход – результат компромисса между полярными течениями японской внешнеполитической мысли; на практике он предполагает постепенное расширение военных возможностей Японии и увеличение ее вклада в решение проблем международной безопасности. Однако это движение должно быть взвешенным, сдержанным и не допускать дестабилизации региональной ситуации⁵⁸.

Этот компромиссный подход к развитию внешнеполитического и оборонного курса Японии был воплощен в тексте первой послевоенной «Стратегии национальной безопасности», принятой в декабре 2013 г.⁵⁹ Этот документ в качестве фундаментального принципа национальной безопасности провозглашал «проактивное содействие миру». Обозначались меры по увеличению обороноспособности в широком толковании этого термина. Эти меры включали в себя строительство боеспособных вооруженных сил, обладающих расширенными возможностями в области сбора разнообразной информации и способных реагировать на широкий спектр ситуаций, угрожающих безопасности, возникающих как в мирное время, так и в случае конфликтов (в т.ч. угрозы нападения с применением баллистических ракет; угрозы в т.н. «серых зонах», которые не попадают под определение вооруженного нападения). Уделялось внимание и наращиванию дипломатической активности на двусторонней и многосторонней основе, поддержке работы международных организаций, участию в миротворческой деятельности ООН, решению глобальных проблем безопасности и развития. Вместе с тем в документе постулировались мирный характер внешнеполитических устремлений Японии и приверженность принципам верховенства права; выражалась готовность возглавить усилия международного сообщества в решении проблем разоружения и нераспространения ОМУ. Таким образом, новый документ, по мнению его составителей, был призван расширить возможности Японии в решении проблем безопасности и повысить статус страны на международной арене, сохранив при этом приверженность принципам мирной внешней политики и разрешения споров без применения силы.

Для понимания направлений будущих модификаций внешнеполитической стратегии Японии следует уделить внимание анализу внешнеполитических взглядов представителей ведущих японских политических сил. В Либерально-демократической партии Японии (ЛДП, *Дзюминсюто*), занимающей доминирующее положение на японской политической сцене⁶⁰, преобладают националистические взгляды. Политики из ЛДП поддерживают пересмотр конституции Японии, включая ее девятую статью. Члены ЛДП выступают за наращивание оборонного потенциала Японии, за увеличение возможностей сил самообороны, за снятие формального запрета на их участие в совместных с вооруженными силами союзников военных

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Outline of the National Security Strategy. Defense of Japan. 2015. // URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2015/DOJ2015_2-2-1_web.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

⁶⁰ ЛДП последовательно побеждала на всех парламентских выборах и формировала правительство единолично или в составе коалиций в 1955–1993 гг., 1994–2009 гг. и с 2012 г. В это время председатель ЛДП неизменно становился премьер-министром Японии. Число членов ЛДП в настоящее время составляет около 1 млн чел.

операциях и в миротворческих операциях ООН. В области внешней политики представители ЛДП являются сторонниками сохранения союза с США. В то же время в составе ЛДП есть группы, ориентированные на развитие отношений с Китаем, Тайванем, Республикой Корея. Особенностью ЛДП является существование в ее составе различных фракций, что обеспечивает плюрализм во мнениях, в том числе и по внешнеполитическим вопросам (табл. 1).

Табл. 1. Фракции в ЛДП и их внешнеполитические взгляды

Название	Лидер	Численность	Характеристика внешнеполитических взглядов
<i>Сэйва сэйсаку кэнкюкай</i> («фракция Хосода»)	Хироюки Хосода	96	За укрепление союза с США. За расширение военных возможностей.
<i>Сикокай</i> («фракция Асо»)	Таро Асо	59	За развитие сотрудничества с Тайванем.
<i>Хэйсэй кэнкюкай</i> («фракция Нукага»)	Фукусиро Нукага	55	За развитие сотрудничества с Китаем и Республикой Корея.
<i>Сисуйкай</i> («фракция Никаи»)	Тосихиро Никаи	44	Резко консервативные, националистические взгляды. За более тесный союз с США. За изменение конституции. За усиление давления на КНДР.
<i>Котикай</i> («фракция Кисида»)	Фумио Кисида	44	Умеренная позиция по внешнеполитическим вопросам. За укрепление японо-американского альянса. За развитие сотрудничества с КНР и Республикой Корея.
<i>Суйгэцукай</i> («фракция Исиба»)	Сигэру Исиба	20	За наращивание военных возможностей. За укрепление союза с США.
<i>Кинмирайсэйдзи кэнкюкай</i> («фракция Исихара»)	Нобутэру Исихара	14	Националистические взгляды. За пересмотр конституции.

Источник: составлено автором.

Правительственную коалицию с ЛДП с 1999 г. формирует партия *Комэйто* («Партия чистой политики»), созданная в 1964 г. в качестве политической организации массового буддийского религиозного общества *Сока гаккай* («Общество созидания ценностей»). *Комэйто* известна своими пацифистскими взглядами – партия выступает против пересмотра конституции Японии и ее девятой статьи, с осторожностью относится к курсу на наращивание военных возможностей страны. Несмотря на то что представители *Комэйто* занимают лишь небольшое число парламентских кресел, присутствие этой партии в составе правительственной коалиции сдерживает националистические амбиции ряда японских политиков и побуждает их к поиску компромисса по вопросам внешней и оборонной политики.

Примером этого стало принятие в 2014 г. новой интерпретации конституции, разрешившей применение силами самообороны права на коллективную самооборону, но при выполнении трех условий: 1) совершено нападение на Японию или ее близкого союзника; 2) отсутствует другая возможность отразить нападение и

защитить государство и население; 3) использование военной силы минимально⁶¹. Что касается вопроса о пересмотре конституции Японии, то предложение премьер-министра Абэ от 2017 г. модифицировать девятую статью без ее существенной редакции путем добавления параграфа, разъясняющего статус сил самообороны, также было сформулировано под давлением пацифистски настроенной части японского правящего класса. Этот вариант заметно отличается от опубликованного ЛДП в 2012 г. проекта конституции, который утверждал право на самооборону и не содержал положений о «необладании вооруженной силой» и «отказе от права вести войну», закрепленных в девятой статье. Пацифистский имидж партии *Комэйто* также нередко используется правительством Японии для решения внешнеполитических задач. Например, в 2013 г. в период ухудшения отношений с Китаем члены этой партии были направлены в Пекин с миссией по улучшению климата двусторонних отношений.

Анализ взглядов оппозиционных партий – задача более сложная, поскольку эти партии нередко объединяют политиков с различными внешнеполитическими пристрастиями. Демократическая партия Японии (ДПЯ, *Минсюто*, *Минсинто*), которой удалось прийти к власти и формировать правительство в 2009–2012 гг., в своем предвыборном манифесте 2009 г. призывала дистанцироваться от военно-политической активности США и укреплять отношения со странами Азии. Подобных взглядов придерживался первый премьер-министр от ДПЯ Ю. Хатояма. Однако ухудшение японо-американских отношений в первые месяцы пребывания ДПЯ у власти побудили руководителей партии отказаться от предвыборной риторики и вернуться к курсу на поддержание союзнических отношений с США. После роспуска фракции ДПЯ в нижней палате парламента перед выборами 2017 г. ее бывшие члены разделились на две новые партии по идеологическому принципу: политики с консервативными взглядами присоединились к «Партии надежды», а сторонники прогрессистских взглядов – к Конституционно-демократической партии. «Партия надежды» (*Кибо но то*), созданная в 2017 г. по инициативе губернатора Токио Ю. Коикэ, по вопросам внешней политики и безопасности выступала за наращивание военных возможностей Японии, укрепление японо-американского военно-политического альянса, пересмотр конституции, включая девятую статью. Конституционно-демократическая партия (*Риккэнминсюто*), учрежденная в том же 2017 г. под руководством одного из бывших руководителей ДПЯ Ю. Эдано, выступала против изменения оборонного законодательства, что, по мнению партии, противоречило бы конституции. Коммунистическая партия Японии (КПЯ, *Нихон кёсанто*) придерживается пацифистских взглядов. Ее линия заключается в непризнании сил самообороны и японо-американского альянса. КПЯ выступает решительно против пересмотра конституции Японии. Однако в настоящее время эта старейшая политическая партия страны не оказывает большого влияния на принятие политических решений в национальном масштабе.

Следует также дать краткую характеристику политическим взглядам премьер-министра Синдзо Абэ, во многом благодаря длительному пребыванию у власти и активной дипломатической деятельности которого в 2010-е гг. произошла перестройка устоявшихся концепций и традиций внешней политики страны. С. Абэ является приверженцем националистических взглядов. Он – член таких националистических организаций, как Ассоциация членов парламента для проведения совместных молитв в храме Ясукуни и «Японская конференция» (*Ниппон кайги*). В декабре 2013 г. Абэ посетил храм Ясукуни, однако на фоне

⁶¹ Cabinet Decision on Development of Seamless Security Legislation to Ensure Japan's Survival and Protect its People. July 1, 2014. URL: // http://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page23e_000273.html (дата обращения: 23.03.2020).

негативной реакции не только со стороны азиатских соседей, но и со стороны США в дальнейшем отказался от этих визитов, продолжая делать по праздникам ритуальные подношения храму.

С. Абэ неоднократно высказывал несогласие с принятыми трактовками действий Японии во Второй мировой войне, из-за чего его характеризуют как «исторического ревизиониста», и выражал негативное отношение к принесению извинений за содеянное японским государством в тот период. По словам А. Панова, Абэ является одним из наиболее решительных и последовательных приверженцев философии «правового консерватизма», согласно которому Япония должна сохранять преданность союзу с США, но настойчиво избавляться от «комплекса поражения во Второй мировой войне», «подвести черту под политикой военного времени» и начать возрождение Японии «в качестве одной из ведущих держав мира»⁶². Абэ выступает за пересмотр конституции, поскольку нынешняя конституция, по его мнению, во-первых, была написана американским оккупационным командованием и не может считаться «японской», а во-вторых, многие ее положения устарели и требуют пересмотра с точки зрения новых внутривнутриполитических и международных реалий⁶³. Абэ неоднократно заявлял о намерении осуществить во время своего пребывания у власти реформу конституции, хотя противодействие пацифистски настроенных сил в политической элите и в обществе делает эту задачу труднореализуемой.

Основные направления внешней политики Японии: анализ стратегий и прогноз

Отношения с Китаем

Главным стратегическим вызовом военно-политическим интересам Японии считается рост экономической, военной и политической мощи Китая. Экономический подъем КНР наряду с возможностями для международной кооперации усиливает соперничество за лидерство в Тихоокеанской Азии, в котором японские корпорации по ряду направлений уступают позиции китайским конкурентам⁶⁴. В то же время рост возможностей КНР в военно-морской сфере, с японской точки зрения, изменяет баланс сил и бросает вызов американо-японскому морскому доминированию в этом регионе. При этом поведение Китая в глазах японцев становится все более напористым, о чем свидетельствует оспаривание им принадлежности территорий и акваторий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, заявление 2013 г. об установлении опознавательной зоны противовоздушной обороны в Восточно-Китайском море и жесткие действия в отношении кораблей ВМФ США в Южно-Китайском море в 2009 г. и 2013 г. Действия Китая в районе спорных территорий и акваторий в Восточно-Китайском море возле островов Сэнкаку/Дяоюйдао, включая неоднократный захват китайских кораблей в прилегающие к островам акватории, Япония истолковывает как вызов собственной безопасности⁶⁵.

⁶² Панов А.Н. Внешнеполитические приоритеты премьер-министра Японии Абэ Синдзо // Япония. Ежегодник. 2016. Т. 45. С. 7–42.

⁶³ Takahashi T. Abe's campaign to revise Japan's constitution // East Asia Forum. 15.06.2013 // URL: <http://www.eastasiaforum.org/2013/06/15/abes-campaign-to-revise-japans-constitution> (дата обращения: 23.03.2020).

⁶⁴ Chinese-Japanese Competition and the East Asian Security Complex: Vying for Influence. Edited by Jeffrey Reeves, Jeffrey Hornung, Kerry Lynn Nankivell. Oxon: Routledge, 2017. 228 p.

⁶⁵ Белая книга по обороне Японии. 2019 г. // Министерство обороны Японии // URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2019/DOJ2019_Digest_RU.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

Токио стремится ответить на подъем Китая, сочетая меры различного характера – внутреннего (укрепление обороноспособности) и внешнего (создание партнерств с государствами, разделяющими японский взгляд на угрозы безопасности). Внутренний аспект политики противодействия предполагает, в частности, наращивание военного потенциала в районе островов Нансэй, расположенных на юго-востоке Японии, для противодействия возможным наступательным операциям со стороны КНР. Для обороны находящихся в зонах риска участков японского архипелага были созданы новые оперативные соединения. Например, в 2016 г. сформирована новая эскадрилья (9-е авиакрыло) в истребительной авиации на базе военно-воздушных сил самообороны Наха на о. Окинава, береговой наблюдательный отряд на о. Ёнагуни, в 2017 г. сформировано юго-западное воздушное направление, в 2018 г. создана новая амфибийная бригада быстрого развертывания, в 2019 г. размещены дополнительные подразделения береговой охраны и др. На вооружение сил самообороны поступают новые виды военной техники японского и американского производства: патрульные самолеты P-1, вертолеты SH-60K, транспортные самолеты C-2, конвертопланы «Оспрей» (V-22), беспилотные летательные аппараты, новые радарные системы и др. Согласно Основной программе национальной обороны на период с 2018 г., задачами сил самообороны в этом районе названы непрерывный сбор информации, патрулирование и наблюдение в мирное время, а также достижение превосходства на морском и в воздушном пространстве в условиях конфликтов⁶⁶.

Внешний аспект противодействия включает активизацию дипломатических усилий на глобальном и региональном направлениях, где внимание будет сосредоточено на взаимодействии со странами, испытывающими опасения в связи с ростом военно-политической мощи Китая. В Юго-Восточной Азии Япония в 2010-х гг. активизировала политическое и оборонное сотрудничество с Вьетнамом и Филиппинами, вовлеченными в споры с Китаем из-за территорий и акваторий в Южно-Китайском море, а также с Индонезией. По линии японской официальной помощи развитию (ОПР) этим странам предоставляются средства на покупку и строительство кораблей береговой охраны. Также Япония оказывает техническое содействие службам стран ЮВА, участвующим в обеспечении морской безопасности, включая проведение тренингов и стажировок на территории Японии. В 2015 г. между Японией и Филиппинами был подписан Меморандум о сотрудничестве в оборонной сфере, провозгласивший намерение сторон увеличить военные обмены, проводить совместные учения и наладить обмен военными технологиями. В 2017 г. Япония и Вьетнам приняли Совместное заявление об углублении стратегического партнерства, в котором выразили желание расширить сотрудничество в области обороны и безопасности, активизировать взаимодействие в обеспечении морской безопасности, в поисково-спасательной работе и борьбе с пиратством. Японские силы самообороны принимают участие в двусторонних и многосторонних учениях, а также совершают заходы в порты стран ЮВА, что может расцениваться как сигнал Китаю, что Япония намерена расширять свое присутствие в этой части земного шара⁶⁷.

Еще одним элементом японской стратегии уравнивания растущей силы Китая является развитие взаимодействия в четырехстороннем формате – между

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См. Вода К.Р. Содействие международному развитию и интересы безопасности в политике Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2016. №4. С.54–62. Добринская О.А. Ситуация в Южно-Китайском море и интересы Японии // Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики? (Мировое развитие. Выпуск 17) / Отв. ред.: К.Р. Вода, А.А. Невская, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 5–17.

Японией, США, Индией и Австралией. Именно японский премьер-министр С. Абэ еще во время своего первого срока на этом посту в 2006–2007 гг. был инициатором сближения стран «четверки». В 2012 г. Абэ выступил с концепцией «ромба безопасности», согласно которой указанные страны призваны играть ведущую роль в обеспечении безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе и создавать противовес растущему влиянию Китая⁶⁸. В 2017 г. возобновились встречи представителей МИД «четверки»⁶⁹, на которых в центр дискуссии были поставлены такие вопросы, как: поддержание основанного на правилах международного порядка в Азии, свобода судоходства и пролетов, наращивание взаимосвязанности, обеспечение региональной безопасности, включая меры по борьбе с терроризмом, нераспространение оружия массового уничтожения, обеспечение безопасности на море. В качестве идеологической основы объединения была заявлена идея «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», которую дополнили заверения в приверженности сторон общим ценностям и лозунги о необходимости «поддержания основанного на действующих правилах порядка мореплавания». Особый интерес представляют попытки «четверки» дополнить сотрудничество в оборонной сфере совместными проектами в области экономического и инфраструктурного развития, призванными стать альтернативой китайской инициативе «Пояс и Путь». Япония планирует подключиться к реализации инфраструктурных проектов, на финансирование которых будут направлены средства по линии японской ОПР.

Вместе с тем в японской экспертной среде имеется мнение, согласно которому, наряду с мерами сдерживания, Япония должна разработать эффективную стратегию «вовлечения» Китая. Для снижения риска столкновений и эскалации напряженности Токио необходимо выстроить отношения доверия с Пекином, добиваясь реализации существующих японо-китайских договоренностей о взаимодействии в области морской безопасности и о механизмах коммуникации в кризисных ситуациях. Также Япония должна стремиться к укреплению доверия с Китаем в военно-морской сфере посредством проведения многосторонних учений, совместных операций по борьбе с пиратством, мер по ликвидации последствий стихийных бедствий и оказанием гуманитарной помощи. Однако, как отмечается, Китай сознательно не идет на расширение взаимодействия с Японией в области управления кризисными ситуациями, поскольку требует, чтобы между странами сначала был достигнут определенный уровень доверия, и призывает Японию пойти на уступки по таким острым проблемам двусторонних отношений, как спор вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море и проблемы исторической памяти⁷⁰.

Следует признать, что глубокое взаимное недоверие, присутствующее в массовом сознании и в представлении элит Японии и Китая, останется в среднесрочной перспективе мощным разъединяющим фактором. Споры по территориальным и историческим вопросам являются следствием стратегических

⁶⁸ Abe S. Asia's Democratic and Security Diamond // Project Syndicate. 27.12.2012 // URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe#paragraphId=aaedc10346f86fe80c05d330> (дата обращения: 23.03.2020).

⁶⁹ Первая встреча представителей МИД США, Японии, Австралии и Индии состоялась в 2007 г. Тогда же прошли масштабные военные учения в Бенгальском заливе с участием кораблей ВМС четырех стран, а также Сингапура. Однако четырехсторонний диалог был приостановлен в 2008 г. по причине выхода из него Австралии.

⁷⁰ Kotani T. U.S.-Japan Allied Maritime Strategy: Balancing the Rise of Maritime China // Strategic Japan: New Approaches to Foreign Policy and the U.S. – Japan Alliance. Editors: Michael J. Green, Zack Cooper. CSIS. Rowman & Littlefield, 2014. Pp. 58-64.

противоречий и «дилеммы безопасности» в японо-китайских отношениях, когда наращивание военных возможностей одной стороной воспринимается другой стороной как угроза собственной безопасности. При этом обе стороны продолжают считать другую сторону потенциально агрессивной, а свои действия – исключительно оборонительными. В этих условиях можно ожидать, что балансирование в будущем будет основным подходом Токио к развитию отношений с Пекином⁷¹.

Отношения с США

В восприятии большей части японской политической элиты японо-американский альянс по-прежнему является фундаментальной основой внешней политики Японии, гарантирующей национальную безопасность. В 2000–2010-е гг. Япония и США подписали ряд соглашений, призванных адаптировать альянс к новой международно-политической обстановке, уточнить его задачи и направления деятельности, а также роли и обязанности, которые его участники возлагают на себя в новых условиях⁷². В первую очередь, произошло географическое расширение сфер совместной деятельности. В задачи Вашингтона и Токио наряду с обороной Японских островов вошло поддержание региональной и глобальной безопасности. Параллельно расширился спектр областей действия альянса. Наряду с обеспечением пребывания в стране американских вооруженных контингентов, Токио включился в сотрудничество с Вашингтоном в таких сферах, как противоракетная оборона, меры по противодействию терроризму, миротворческие операции, оказание гуманитарной помощи, совместное проведение спасательных работ и пр. В результате, роль Японии в рамках альянса постепенно повышается. Признание за Японией права на коллективную самооборону позволяет ей оказывать содействие вооруженным силам США за пределами Японских островов, а также по ряду задач, непосредственно не связанных с защитой страны от нападения.

Вместе с тем достигнутый сегодня уровень военно-политического взаимодействия в рамках альянса не приводит к устранению дисбалансов в отношениях союзников. Между США и Японией сохраняются различия, связанные как с трактовкой угроз безопасности, требующих американского военного участия, так и с допустимыми границами использования японских сил самообороны в совместной деятельности. Наибольшие опасения в Токио вызывает возможность частичного отказа США от своих союзнических обязательств в результате договоренности или «сделки» с Китаем. Вне зависимости от того, какова объективная вероятность реализации данного сценария, в Японии считают его вполне реалистичным. Опасения быть оставленной один на один с Китаем играют роль стимула для сближения Японии с США, где данное обстоятельство, в свою очередь, служит основанием необходимости оказать поддержку Японии и учитывать ее позицию в ходе диалога с Китаем.

Приход к власти в США в конце 2016 г. администрации президента Дональда Трампа, который во время предвыборной кампании не раз делал критические замечания в адрес Японии, вызвал у японской политической элиты и общественности опасения по поводу будущего двусторонних отношений. Во-первых,

⁷¹ Вода К.Р. Японо-китайские отношения: на пороге холодной войны? // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №10. С. 84–92.

⁷² К важнейшим двусторонним соглашениям этого периода относятся: «Японо-американский альянс: трансформация и перемещение ради будущего» (U.S.–Japan Alliance: Transformation and Realignment for the Future), 29 октября 2005 г.; «Руководящие принципы японо-американского оборонного сотрудничества» (The Guidelines for U.S.–Japan Defense Cooperation), 27 апреля 2015 г.

высказывалось мнение, что отсутствие у Трампа опыта ведения внешней политики и недостаток понимания важности союзов в Тихоокеанской Азии вкупе с идеологической установкой «Америка – превыше всего» могут повлечь за собой снижение вовлеченности США в региональные дела. Это, как следствие, приведет к потере Японией своих позиций в Тихоокеанской Азии и негативным образом скажется на состоянии ее безопасности, прежде всего перед лицом вызовов со стороны Китая и Северной Кореи.

Во-вторых, предсказывалось, что изоляционистские тенденции в политике Трампа, в частности его отказ от участия в соглашении о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), приведут к экономическим потерям Японии. Создание ТТП наряду с экономической составляющей имело для Японии большое стратегическое значение, поскольку гарантировало ей участие в согласовании правил и норм торгово-экономической деятельности в регионе. Неслучайно Япония первой из стран, подписавших соглашение о ТТП, ратифицировала его в 2016 г. Однако выход США из ТТП перечеркнул усилия японского правительства, которому для заключения соглашения пришлось преодолеть мощное противодействие сельскохозяйственного лобби внутри страны.

Однако после победы Трампа премьер-министр Абэ продемонстрировал готовность работать с новой американской администрацией. Уже 17 ноября 2016 г., то есть через неделю после президентских выборов, Абэ первым из мировых лидеров провел с Трампом личные переговоры. В экономике японский премьер попытался «вписать» свою страну в повестку, обозначенную Трампом в ходе предвыборной кампании. Было объявлено о готовности Японии инвестировать и принять техническое и технологическое участие в развитии объектов инфраструктуры в США, сотрудничать в сфере высоких технологий. Япония стремится продвинуть в США отрасли, в которых она имеет преимущество, например строительство высокоскоростных железных дорог, экспорт высокотехнологичной продукции и т.п. Для решения торгово-экономических вопросов в японо-американских отношениях был запущен формат экономического диалога между вице-президентом США М. Пенсом и вице-премьером и министром финансов Японии Т. Асо. Торговые переговоры вступили в активную фазу в апреле 2019 г. и продолжались всего шесть месяцев до заключения первого соглашения.

Администрация Трампа добивалась снижения барьеров для доступа американской продукции на японские рынки: газовый, сельскохозяйственный, промышленной продукции и высокотехнологичных товаров. Япония, в свою очередь, стремилась не допустить ухудшения условий работы своих компаний в США. Наибольшую тревогу вызывали угрозы президента США поднять до 25% тарифы на ввоз японских автомобилей – важнейшую статью японского экспорта, объемом около 50 млрд долл. в год. Угроза повышения пошлин ощущалась японским правительством достаточно остро, поскольку в 2018 г. Японии не удалось предотвратить повышение тарифов на ввоз стали и алюминия, которые США ввели «по соображениям национальной безопасности» на основании 232 статьи закона «О расширении торговли» 1962 г.

Первый этап японо-американских торговых переговоров завершился 25 сентября 2019 г. подписанием соглашения, по условиям которого Япония пошла на снижение тарифов на более 90% сельскохозяйственной продукции, ввозимой в Японию из США, общим объемом около 7,2 млрд долл. в год. Значительному сокращению подверглись тарифы на американскую говядину (с 38,5 до 9% к 2033 г.), свинину (с 20% до 0% к 2025 г.), а также на вино (с 15 до 7,1% с апреля 2020 г.), и

другую продукцию (пшеницу, ячмень, кукурузу, орехи, ягоды, сыр и др.)⁷³. США, в свою очередь, объявили о снижении пошлин на 42 категории японских сельскохозяйственных и продовольственных товаров объемом около 40 млн долл., таких как цветы, зеленый чай, соевый соус и др., а также на промышленную продукцию: станки, крепеж, паровые турбины, велосипеды, музыкальные инструменты. Вместе с тем США сохранили тариф в 2,5% на ввоз японских автомобилей. На требования Японии дать гарантии того, что тарифы на автомобили не будут подняты до 25%, американская сторона ответила вербальным согласием⁷⁴.

Кроме того, Япония и США подписали отдельное соглашение в области цифровой торговли, направленное на обеспечение свободы передачи данных и предотвращение введения пошлин на цифровые продукты, такие как видео, музыка и электронные книги, объем торговли которыми составляет примерно 38 млрд долл. в год. Двойное налогообложение в этой сфере было также отменено.

Правительству Абэ также пришлось сделать ряд шагов для сокращения профицита в торговле, который в 2018 г. составил около 70 млрд долл. В военной сфере Япония объявила о расширении закупки американских вооружений и военной техники. К 2023 г. планируется установка двух систем противоракетной обороны *Aegis Ashore* американского производства стоимостью 5,4 млрд долл. Также в 2018 г. было объявлено о закупке в США девяти самолетов дальнего радиолокационного обнаружения *E-2 Hawkeye* на 3,14 млрд долл. Япония планирует приобрести у США 6 самолетов F35-A (800 млн долл.), ракеты-перехватчики баллистических ракет SM-3 (800 млн долл.), а также потратить около 230 млн долл. на системы космической ситуационной осведомленности⁷⁵. В области сельского хозяйства Абэ пообещал закупить излишки американской кукурузы объемом 2,5 млн тонн.

Хотя по ряду товарных позиций США не добились облегчения доступа на японский рынок, и действующие тарифы сохраняются, например, на ввоз сжиженного газа, самолетов, оборудования для производства полупроводников, рис, масло и виски, Япония на переговорах пошла на более значительные уступки. Прежде всего, Япония вступила в переговоры на невыгодных условиях, под угрозой повышения пошлин до 25% на ввоз наиболее чувствительного экспортного товара – автомобилей. Кроме того, зависимость от США в сфере безопасности не позволила занять Японии более жесткую позицию в торговом споре. В японских политических и экспертных кругах сохраняются опасения того, что Д. Трамп может вернуться к предвыборной риторике и потребовать повысить объем финансирования американского военного присутствия на японской территории. Токио и Вашингтон пообещали продолжить торговые переговоры до заключения всеобъемлющего соглашения. Несмотря на заверение не вводить новые пошлины на автомобили, угроза повышения тарифов «по соображениям национальной безопасности» будет сохраняться пока Д. Трамп занимает пост президента США.

Вместе с тем Япония сохраняет заинтересованность в формировании многосторонних торгово-экономических платформ и режимов в Тихоокеанской Азии, о чем свидетельствует ратификация в 2018 г. соглашения о Транстихоокеанском

⁷³ Fact Sheet on Agriculture-Related Provisions of the U.S.–Japan Trade Agreement. U.S. Trade Representative // URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2019/october/agriculture%E2%80%90related-provisions-of-us-japan-trade-agreement> (дата обращения: 24.03.2020).

⁷⁴ Mulgan A. The Trump Factor in the US–Japan deal // East Asia Forum. 13.10.2019 // URL: https://www.eastasiaforum.org/?p=209709?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter2019-10-13 (дата обращения: 23.03.2020).

⁷⁵ Defense Related Budget Request for FY2019. Japan Ministry of Defense. 09.2018 // URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/pdf/300914.pdf

партнерстве одиннадцатью странами (без США) и продолжение переговоров о создании Всестороннего регионального экономического партнерства. Однако на этом направлении позиции Японии, пошатнувшиеся в результате выхода Трампа из ТТП, пока не восстановлены.

В военно-политической сфере по итогам японо-американских переговоров 2017–2019 гг. стороны подчеркнули важность сохранения союзнических отношений, а Япония получила желаемые заверения по чувствительным для себя вопросам безопасности. Д. Трамп подтвердил, что рассматривает острова Сэнкаку как территорию, на которую распространяется действие японо-американского договора безопасности. Впервые это столь важное для Японии заверение было зафиксировано в письменном виде в совместном заявлении по итогам японо-американского саммита 10 февраля 2017 г. Кроме того, были названы моменты, которые, по обоюдному мнению, являются источниками угроз и вызовов безопасности в тихоокеанском регионе. Это ракетно-ядерная программа Северной Кореи и утверждение Китая своего военного присутствия в акваториях в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, в том числе при помощи шагов, которые США и Япония назвали незаконными и неприемлемыми⁷⁶.

Можно прогнозировать дальнейшее наращивание военно-политического взаимодействия между Японией и США, включая закупку Японией новых американских вооружений и совместную разработку новых систем вооружения и военной техники, в том числе компонентов систем противоракетной обороны. Будут реализованы планы взаимодействия в сферах противодействия терроризму, проведения международных миротворческих операций и спасательных работ, оказания гуманитарной помощи. Также можно ожидать усиление координации действий вооруженных сил США и Японии, обмена информацией и разведданными через созданный в 2015 г. постоянно действующий координационный механизм. Внимание будет также уделяться совместному реагированию на новые угрозы и вызовы в киберпространстве и в космосе. В то же время взаимодействие Японии и США в военной сфере будет ограничено задачами, связанными с обороной Японии. Его основу будут по-прежнему составлять различные виды логистической и оперативной поддержки вооруженных сил США Силами самообороны Японии в пределах, разрешенных японским законодательством.

Что касается регионального направления японо-американского взаимодействия, то при администрации президента Б. Обамы Япония приветствовала наращивание американского присутствия США в Тихоокеанской Азии и поддерживала шаги США в области морской безопасности. Япония открыто высказывает опасения по поводу наступательной китайской политики в военно-морской сфере. На встречах в верхах стороны обсуждали концепцию «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона», в рамках которой Токио и Вашингтон выражали намерение сохранить «порядок, основанный на правилах», совместно обеспечивать мир и безопасность, свободу судоходства, вместе работать «для достижения экономического процветания в регионе». Можно ожидать, что Япония будет стремиться более активно взаимодействовать с США на этом направлении, продолжая политику «сдерживания» Китая в военно-морской сфере.

Подход к «северокорейской проблеме»

В японском восприятии наиболее серьезные опасения в области безопасности вызывают угрозы, исходящие от Северной Кореи, которая в последние годы заметно

⁷⁶ Швыдко В.Г. Что показал визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в США. 14.02.2017. Комментарий на сайте ИМЭМО РАН. // URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2923

продвинулась вперед в реализации своих ракетно-ядерных программ. В 2016–2018 гг. КНДР произвела 3 ядерных испытания и 40 ракетных пусков. В частности, 6 марта 2017 г. КНДР произвела запуск четырех баллистических ракет, которые упали в исключительной экономической зоне Японии и ее окрестностях. Точность попадания ракет и близость мест их падения к японской территории стала демонстрацией того, что японский премьер назвал «угрозой нового уровня» со стороны Северной Кореи⁷⁷. Значимости этому событию добавили заявления Пхеньяна о том, что одновременный запуск баллистических ракет проводился по сценарию удара по американским военным базам на территории Японии.

Реакцию на ракетную угрозу со стороны КНДР Япония формулирует в тесном взаимодействии с США. В начале 2000-х гг. Япония и США начали разработку и последующее (с 2004 г.) размещение на Японских островах системы противоракетной обороны американского производства. В настоящее время системы ПРО на территории Японии включают ПВО морского базирования — корабли, оснащенные системами «Иджис» (Aegis), зенитно-ракетные комплексы «Patriot» PAC-3, а также радары ПРО FPS-5.

Расширение возможностей Сил самообороны Японии после вступления в силу в 2016 г. нового оборонного законодательства привело к наращиванию взаимодействия с вооруженными силами США, в том числе в вопросе о противодействии возможной ракетной атаке со стороны КНДР. В случае роста напряженности на Корейском полуострове корабли седьмого флота военно-морских сил США, оснащенные системами ПРО «Иджис», могут совместно с судами морских сил самообороны осуществлять мониторинг ситуации в Японском море. При этом новые оборонные законы позволяют Японии вступать в боестолкновения, если корабли США подвергнутся нападению во время проведения операций по наблюдению или патрулированию в целях обороны Японии в мирное время, что ранее не было предусмотрено японским законодательством. В случае возникновения конфликта на Корейском полуострове, который будет расценен как «оказывающий важное влияние на безопасность Японии», силы самообороны могут оказывать логистическую поддержку вооруженным силам США, поставлять боеприпасы и производить заправку военных самолетов. Кроме того, правительство Японии рассматривает возможность назвать северокорейские запуски баллистических ракет в японские территориальные воды «ситуациями неминуемой угрозы вооруженного нападения», что позволит Японии развернуть силы на линии фронта и принять меры для эвакуации граждан Японии из Республики Корея в условиях конфликта. Однако следует отметить, что поскольку Япония вынуждена целиком полагаться на США в вопросе защиты от ракетного и ядерного оружия, такое положение повышает риски для Японии быть втянутой в конфликт, в котором США могут принять участие по своей воле или непреднамеренно.

Кроме того, между Японией и Северной Кореей существует «проблема похищенных» – японских граждан, захваченных северокорейскими спецслужбами в 1970–80-е гг. Проблема «похищенных граждан» в последние два десятилетия вызвала широкий резонанс в японских средствах массовой информации и среди общественности, что оказывает сильное давление на японских политиков, делая прогресс в деле нормализации отношений с Северной Кореей невозможным без продвижения к решению этой проблемы. Вместе с тем существует опасение, что северокорейская сторона сознательно использует этот болезненный для Японии

⁷⁷ Ракеты были запущены почти одновременно и упали через равные интервалы примерно в 80 километрах друг от друга. Три упали в 300–350 километрах от префектуры Акита, одна – за 200 км.

вопрос для получения экономической помощи в обмен на продолжение переговоров по «проблеме похищенных».

В условиях роста напряженности на Корейском полуострове Япония активизировала дипломатические усилия, призывая международное сообщество оказать максимально возможное давление на КНДР, полностью перекрыв северокорейскому режиму доступ к внешним ресурсам, которые используются для развития ракетной и ядерной программ⁷⁸. Обещание северокорейского руководителя Ким Чен Ына осуществить ядерное разоружение КНДР, зафиксированное в совместном заявлении по итогам американо-северокорейского саммита 12 июня 2018 г., не внесло существенные коррективы в японский подход к северокорейской проблеме. Япония продолжает опираться на механизмы сдерживания и давления, включая применение экономических санкций для побуждения Пхеньяна к переговорам. В то же время японские санкции не способны оказать большого воздействия на поведение Северной Кореи, поскольку объемы японо-северокорейского экономического взаимодействия значительно уступают объемам взаимодействия Северной Кореи с Китаем и Южной Кореей. В целом, возможности Токио влиять на развитие ситуации на Корейском полуострове по объективным причинам невелики.

* * *

Трансформация доминировавших в японском стратегическом мышлении восприятий роли и места Японии в регионе и мире, целей внешней политики и наиболее оптимальных механизмов ее реализации заняла более двух десятилетий и сопровождалась широкой дискуссией в научно-экспертном и политическом сообществе. К середине 2010-х гг. получил наибольшее распространение подход, согласно которому изменение международной обстановки в Тихоокеанской Азии требует от Японии большей самостоятельности в принятии внешнеполитических решений, более активной оборонной и внешней политики. В рамках этого процесса японское правительство постепенно изменяет внутреннее законодательство, отказывается от самоограничений, наложенных в связи с положением проигравшей стороны по итогам Второй мировой войны, расширяет возможности своей внешней и оборонной политики, а также принимает на себя все больше международных обязательств. Данный процесс имеет необратимый характер, хотя и характеризуется низкой скоростью, что связано с необходимостью достижения компромисса между различными частями японского общества.

В среднесрочной перспективе при определении внешнеполитического и оборонного курса Японии продолжит доминировать умеренный подход. Националистам, в особенности их радикальной части, будет трудно перехватить инициативу, поскольку сдержки, заложенные в государственно-политическую систему, а также преобладающие в обществе антивоенные настроения будут ограничивать процесс принятия и реализации внешнеполитических решений экспансионистского характера. Союз с США также будет сдерживать развитие японского наступательного потенциала. При этом США продолжают поощрять принятие Японией более весомых обязательств в рамках военно-политического альянса, что будет служить обоснованием для дальнейших изменений японской оборонной и внешней политики. Произведенные корректировки японской стратегии, в свою очередь, отражают изменение американоцентричной системы безопасности в Тихоокеанской Азии. В Вашингтоне все чаще ожидают, что союзники будут более

⁷⁸ Shinzo Abe: Solidarity against the North Korean Threat // The New York Times. 17.09.2017 // URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/17/opinion/north-korea-shinzo-abe-japan.html> (дата обращения: 23.03.2020).

весомо содействовать США в этом регионе, а Японии, вполне вероятно, отойдет роль одного из узлов координации коллективных действий.

Динамика будущих преобразований во многом будет зависеть от амбиций японских премьер-министров. Усиление самостоятельности Японии в вопросах обороны и политики повышает значимость России и Японии друг для друга как стратегических партнеров. В новых международных условиях появляются новые возможности для развития российско-японских отношений. Наряду с переговорами по территориальной проблеме, список тем межгосударственного взаимодействия может дополнить обсуждение проектов экономических связей, а также насущных проблем безопасности и развития в Тихоокеанской Азии.

2.3 Стратегия японских корпораций на средне- и долгосрочную перспективы.

Корпоративные стратегии крупных японских компаний с транснациональным бизнесом, составляющих основу и становой хребет экономики страны, в полной мере испытают влияние кризиса, охватившего Японию и ее экономических партнеров в связи с эпидемией коронавируса COVID-19 в 2020 г.

Пандемия сильно дестабилизировала рынки всех стран, обрушила показатели всех фондовых рынков, динамику товарных цен и обрушила мировые цены на нефть. Предвидя резкое падение продаж и прибылей, предприятия увеличили спрос на ликвидность, что вызвало напряжение на финансовых рынках.

В Японии продолжительный спад деловой активности сильнее всего затронул сферу услуг, а также рынок недвижимости и крупные инфраструктурные проекты. В частности, проведение Олимпийских Игр в Токио, намеченных на 2020 г., откладывается на неопределенное время. Зарубежные вложения и сети японских транснациональных корпораций сильно пострадали, и реальные размеры понесенного ими ущерба еще только предстоит оценить.

Распространение коронавируса и режим изоляции оказывают масштабное негативное воздействие на мировую торговлю. Если пандемию не удастся взять под контроль, снижение объемов международной торговли товарами может составить от 13% по оптимистическому сценарию до 32% по пессимистическому. Могут осложниться условия на кредитных рынках, что неизбежно сузит возможности финансирования торговли.

Практически во всех регионах снижение экспорта выразится двузначной цифрой, при этом сильнее всего пострадает экспорт из стран Северной Америки и Азии. Более резко торговля, скорее всего, будет падать в секторах, где сформировались сложные цепочки создания добавленной стоимости, особенно продукции электроники и автомобильной промышленности. Из секторов услуг пандемия затронет, из-за вводимых ограничений, прежде всего транспорт и туризм.

Ожидаемое снижение объемов торговли является составной частью неминуемого общего падения мировой экономики в 2020 году, оценки которого также колеблются в широком диапазоне – от 5% до 30% и более. В послевоенный период рост мировой торговли зачастую опережал темпы роста мирового ВВП. Иными словами, торговля служила мощным драйвером экономического роста. Очевидно, теперь для возврата в ту ситуацию из недалекого прошлого потребуются годы.

Корпоративный мир посткризисного периода будет отличаться от сегодняшнего целым рядом особенностей. Среди них – ускоренное внедрение новых технологий; максимально возможное сокращение зависимости от поставщиков в рамках цепочек добавленной стоимости; рост рыночной и отраслевой концентрации;

повышение издержек, связанное с ростом требований к корпоративной социальной ответственности.

В среднесрочной перспективе вероятен пересмотр компаниями своих подходов к построению маркетинговых стратегий. Потребительское поведение, скорее всего, значительно изменится вследствие полученного населением опыта жизни на карантине и появившейся привычки обходиться минимальным набором вещей. Дополнительный импульс переменам в потреблении придаст распространение удаленной занятости, которое неизбежно сохранится в ряде отраслей и по окончании пандемии.

Фактором, усложняющим жизнь бизнесу, станет необходимость минимизировать риски для бесперебойной работы цепочек добавленной стоимости.

Эта реальность, с которой столкнутся компании практически во всех отраслях, может породить целый ряд последствий. Во-первых, головные компании будут стремиться к географической диверсификации филиалов и поставщиков. Уход от критической зависимости от китайских производственных площадок, речь о котором часто идет в последнее время, не должен привести к концентрации производственных и прочих центров в другом месте – они будут именно диверсифицироваться, что снизит риски для транснациональных корпораций, увеличив при этом их издержки.

Во-вторых, компании будут прикладывать максимум усилий, чтобы заместить наиболее уязвимые звенья цепочек добавленной стоимости роботизированным трудом.

В-третьих, это может привести к дополнительной концентрации бизнес-структур, так как крупные компании будут покупать поставщиков комплектующих или услуг, чтобы максимально контролировать цепочки добавленной стоимости. Учитывая, что в условиях карантина наиболее пострадавшими оказались именно малые и средние предприятия, подобные покупки будут дешево обходиться крупному бизнесу.

Основным направлением усилий японских корпораций будет Тихоокеанская Азия, ставшая самостоятельным регионом после распада старых колониальных владений и переориентации хозяйственных связей ее стран на «нового гиганта в Азии» – Японию – благодаря быстрому превращению ряда стран (Южная Корея, Китай, Таиланд, Индонезия, Филиппины) в страны среднего уровня развития. Они заинтересованы в создании в АТР зоны свободной торговли и инвестиций. На практике внутрирегиональное сотрудничество свелось к снижению барьеров во взаимной торговле. Но дальше двухсторонних торговых соглашений дело не пошло. В Восточной Азии нет и речи об унификации национальных условий хозяйствования, подобным правилам, обязательным в рамках западноевропейской интеграции.

Изменение географии товарных потоков и движения капиталов началось в последнем десятилетии XX века. Оно идет в сторону Восточной Азии, к которой относятся Китай, Южная Корея, Тайвань и Гонконг, и ряда стран АСЕАН, а именно Сингапура, Таиланда, Малайзии, Филиппин, Индонезии и Вьетнама. Экспорт японских промышленных товаров, рассчитанных на квалифицированный спрос в США и Европе, переключился на рынки этого региона. В 2010 г. торговля со странами Азии впервые превысила половину всего внешнеторгового оборота Японии.

Китай, страна с самой динамичной в мире экономикой, стал крупнейшим торговым партнером Японии – он оттеснил с первого места не только США и Европу, но и остальные страны Восточной и Юго-Восточной Азии, взятые вместе.

Вслед за этим растут активы японских корпораций в Китае и других странах Азии. Они уже больше накопленных вложений в Европе, хотя главным полем деятельности японских ТНК по-прежнему являются Соединенные Штаты.

Ограничение доступа товаров на местные рынки (таможенные тарифы, квоты для импорта и пр.) обычно подталкивает производителей и экспортеров к решениям инвестировать в местное производство. Заграничные инвестиции в производственные мощности следуют за потоками товарной торговли с некоторым лагом и сопровождаются созданием сетей сбыта, финансирования и т.д.

В настоящее время уже очевидно, что это целая новая стратегия бизнеса. Производственные центры переводятся в страны Азии, там же идут слияния с местными фирмами, оттуда компоненты и полуфабрикаты изделий везутся в Японию. Они имеют ценовые преимущества на рынке Японии при «высокой иене». На фоне роста курса национальной валюты покупка японскими корпорациями иностранных компаний и долей в их капиталах стала выгодным делом.

Эту систему поддерживает сеть соглашений о свободе торговли в рамках АСЕАН. В странах АСЕАН создаются целые «хабы», производственные и экспортные центры японских компаний. В Японии остаются центры развития технологий, планирования глобальных операций и управления валютными рисками. Прибыли все больше реинвестируются на местных рынках, чтобы избежать валютных рисков и высоких налоговых ставок в Японии.

Массовое производство среднего уровня нетрудно построить за границей, что и сделали японские корпорации, перенеся сборочные заводы ближе к зарубежным потребителям. Небольшой регион северо-востока Японии (Тохоку) включен в производственные и сбытовые цепочки, растянувшиеся от Китая до Южной Америки, Соединенных Штатов и Европы. В этом районе расположены небольшие предприятия, выпускающие по заказам автомобильных компаний Toyota, Suzuki, Honda, Mazda, Nissan и Mitsubishi Motors материалы, детали и компоненты, пигменты для красок, присадки для резины и прочую недорогую, низкотехнологичную, но незаменимую продукцию для множества моделей и модификаций машин.

Комплекующие выпускаются и за границей, однако их «локализация» не является полной. По имеющимся оценкам, около 20% узлов и деталей поставляется из Японии, где легче гарантировать точность обработки и сборки. В префектурах Мияги, Иватэ и Фукусима выпускается электронное оборудование для машин и точные приборы для сборочных линий (92% их идет на экспорт). Остановка поставок этой продукции застопорила бы движение сборочных конвейеров на головных предприятиях, как в Японии, так и за ее пределами.

Судить о прочности этой сети еще рано, так как экономическая трансформация ее стран-участниц в Восточной Азии продолжается, а в товарной специализации японской промышленности наступают необратимые перемены. Подобные перемены произошли в промышленности других развитых стран. Фрагментированные связи ТНК этих стран распределились по миру – преимущественно в страны Евросоюза, но также в страны ЕАСТ и АСЕАН. Масштабы и функции филиальной сети японских ТНК еще будут меняться. Внешние границы этой сети подвижны.

Что касается финансовых потоков, то движение средств на финансовых рынках, как правило, опережает динамику реальных потоков коммерческой торговли. В этом смысле финансовая интеграция показывает вектор развития интеграции реальной.

3. КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ СИТУАЦИЕЙ

Во втором десятилетии XXI века Корейский полуостров предстает взору как зона перманентных кризисов, которые порождаются, по крайней мере отчасти, несовместимостью политических и социально-экономических систем двух корейских государств, разнородностью и разнонаправленностью протекающих в них внутренних процессов и, как следствие, диаметрально противоположными целями и ориентирами в области внешней политики, а в конечном счете – их нежеланием строить межкорейские отношения на основе принципов мирного сосуществования.

Общая картина на полуострове и вокруг него определяется целым рядом факторов. Кризис, сложившийся на Корейском полуострове – это целый комплекс проблем, копившихся в течение десятилетий. В их числе фактическая незавершенность Корейской войны (1950–1953 гг.), по итогам которой так и не был подписан мирный договор, а имеется лишь соглашение о перемирии. Кроме того, так и не нормализовались межкорейские отношения: два государства – КНДР и Республика Корея (РК) – отказывают друг другу в признании и считают себя законным представителем всего корейского народа на полуострове. Все это, в свою очередь, является причиной периодических всплесков напряженности, что обусловило противостояние в этом районе двух мощных группировок вооруженных сил: северокорейской и американо-южнокорейской.

При этом следует отметить, что ни одна из этих проблем в обозримой перспективе не может быть полноценно решена не только ввиду несовместимости позиций вовлеченных сторон, но и по причине того, что «вычленение» из общего ряда и решение по отдельности каждой из присутствующих в этой проблеме тем представляется малореальным.

Главная причина видится в том, что все они плотно взаимосвязаны и, в сущности, представляют собой различные аспекты одной многоплановой проблемы, которую условно можно определить как «корейский вопрос». Возможно, вследствие этого такие «глубинные» сюжеты, как заключение мирного договора или нормализация межкорейских отношений в качестве межгосударственных, на нынешнем этапе не являются предметами рассмотрения на официальном уровне даже заинтересованными государствами. Следует признать, что фактически они не располагают даже предварительными наработками на этот счет, способными хотя бы вчерне наметить вектор движения, вследствие чего политика держав по всему комплексу корейских проблем сейчас носит хаотичный, импровизационный (конъюнктурный) характер и, как правило, является реактивной по отношению к происходящим событиям.

Подобную ситуацию можно объяснить, в первую очередь, двумя обстоятельствами: во-первых, появлением и стремительным разрастанием масштабов «ядерной» проблемы, а во-вторых, переходом конфликта на полуострове в 2016–17 гг. в более острую и даже «горячую» фазу. В этих условиях политика соседних держав и США автоматически была перенацелена скорее на первоочередное противодействие новым крупным вызовам, нежели на поиск путей решения фундаментальных проблем Корейского полуострова.

В последние десятилетия века корейский конфликт серьезно усугубился вследствие настойчивого стремления руководства КНДР обзавестись собственным ракетно-ядерным оружием в целях защиты, согласно официальной версии, от нападения со стороны США, для чего были запущены соответствующие военные программы.

С другой стороны, ядерное и ракетное вооружение Северной Кореи вызывают растущую обеспокоенность соседних стран и, соответственно, реагирование с помощью дополнительных военно-политических мероприятий (США, Южная Корея, Япония), либо попытками купировать растущую напряженность путем инициирования разнообразных диалоговых механизмов и попыток уговорить КНДР сесть за стол переговоров (Россия и Китай).

Наконец, события текущего десятилетия усилили опасения по поводу общего роста конфликтности ситуации на Корейском полуострове, особенно после событий 2010 года, связанных с загадочным потоплением южнокорейского корвета «Чхонан», обстрелом со стороны Северной Кореи принадлежащих РК пограничных островов в Желтом море, а также вспышками напряженности в межкорейских отношениях в 2013 году. В последующий период события также неоднократно приближались к роковой черте, и в ряде случаев потребовались скоординированные либо раздельные шаги участников «большой пятерки», чтобы купировать разрастание кризиса.

Говоря о влиянии корейского политического климата на региональную ситуацию, можно утверждать, что происходящие события и процессы оказывают серьезное дестабилизирующее воздействие на обстановку в регионе Северо-Восточной Азии (СВА), причем не только в военно-политическом, но и экономическом, а также в целом ряде других аспектов.

Суть проблемы видится в том, что в условиях нарастающей военной активности руководства КНДР, располагающего оружием массового поражения и готового легко организовать конфликтную ситуацию, дальнейшее развитие обстановки для всех без исключения находящихся по соседству стран становится малопонятным, тревожным и труднопредсказуемым. Периодические демонстрации «миролюбия» со стороны Пхеньяна, как это происходит с начала 2018 года, по сути ничего не меняют, поскольку фундаментальные установки руководства КНДР остаются неизменными вот уже десятки лет, а тактическое маневрирование призвано лишь способствовать улучшению внешних условий существования режима.

Все это создает серьезные препятствия для выстраивания средне- и долгосрочных стратегий в плане региональной политики, формирования стабильного международного порядка в СВА, создания здесь коллективных механизмов обеспечения безопасности и сотрудничества, реализации долгосрочных многосторонних проектов экономического взаимодействия и т.п. Для всех очевидно, что пока не будут решены уже упомянутые самые острые проблемы Корейского полуострова, ни о каком доверии или крупных многосторонних начинаниях, выводящих регион на новый позитивный уровень взаимоотношений, договориться не удастся.

Иными словами, речь идет о том, что цель, которую в той или иной степени преследуют все страны, относящиеся к региону Северо-Восточной Азии – достижение «азиатского равновесия» – практически недостижима при сохранении и углублении кризиса на Корейском полуострове, метастазы которого способны мгновенно обрушить любые благие начинания, от кого бы они ни исходили. То есть существование корейской проблемы в ее нынешнем виде отбрасывает ситуацию во всем регионе в зону неуправляемости.

Пожалуй, одним из немногих концептуальных прорывов последних лет стал отход от глубоко укоренившихся в недалеком прошлом представлений о том, что корейская проблема является второстепенной в масштабах не только глобальной, но и азиатской политики, и что при любом раскладе развитие событий на полуострове вряд ли превысит порог конфликта с низкой степенью интенсивности.

Потеря управляемости и контроля над развитием ситуации постепенно подводила практически все государства региона к мысли о том, что в существующих условиях нельзя оставаться в позиции заинтересованного наблюдателя, предоставляя возможность ситуации развиваться в неуправляемом режиме.

Результатом стал постепенный приход к пониманию, что ненормальная ситуация на Корейском полуострове, в особенности наличие у КНДР ярко выраженных ядерных амбиций, нельзя рассматривать изолированно от общерегиональных процессов. Напротив, проблемы полуострова следует рассматривать в качестве части более масштабных региональных проблем, от решения которых напрямую зависит перспектива развития ситуации на всем тихоокеанском пространстве, включая возможность улучшения климата отношений в Северо-Восточной Азии и укрепления безопасности в АТР.

В принципе, все основные акторы в этом регионе сейчас едины в понимании необходимости скорейшего ракетно-ядерного разоружения КНДР и последующего встраивания этой страны в современные политические и экономические процессы в АТР в качестве полноправного члена данной системы отношений. Вместе с тем, наряду с ясностью для всех конечных задач, следует откровенно признать, что на протяжении последнего периода вовлеченные в корейские дела державы ни в коллективном, ни в индивидуальном порядке так и не смогли выработать рациональные стратегии, ведущие к достижению заданных целей.

Проблема видится не только в позиции Пхеньяна, который настойчиво продолжает наращивать и совершенствовать свой потенциал использования оружия массового поражения, а во внешнеполитическом плане – маневрировать с целью создания благоприятных условий для сохранения своего текущего военного статуса. Одной из главных причин затянувшейся паузы в решении этих жгучих вопросов является отсутствие единства или хотя бы общности подходов стран «большой пятерки» относительно путей их возможного решения. Не вдаваясь в детальный анализ позиций каждого из этих государств, остановимся на некоторых фундаментальных разногласиях между США и КНР, которым в силу их потенциала, глубокой исторической вовлеченности в дела Корейского полуострова и имеющихся возможностей влияния на ситуацию объективно принадлежит особая роль в «разруливании» проблем полуострова.

Для США и большинства стран Запада абсолютным приоритетом является ликвидация ядерно-ракетного потенциала Северной Кореи любой ценой и любыми доступными путями, включая применение самых радикальных силовых мер. При этом их всерьез не пугает, что последовательное проведение подобной линии потенциально способно привести к разрушению северокорейской государственности или коллапсу экономической системы этой страны, а в худшем случае – к военному конфликту.

Китай, в свою очередь, рассматривает перспективу возможной дестабилизации КНДР как существенную угрозу своим стратегическим интересам. Для Пекина кризис существующего в КНДР режима, чреватый непредсказуемыми по масштабам и последствиям хаотическими процессами, представляет собой гораздо менее желательный вариант, чем сохранение власти ее нынешней элиты, пусть даже вооруженной ядерным и ракетным оружием. Вполне понятно, что в нынешних условиях в Пекине скрупулезно прорабатывают все возможные варианты возможных кардинальных перемен на Севере Кореи, вероятные новые акции пхеньянских властей, равно как и свою возможную реакцию на них. Результаты такой проработки, естественно, редко просачиваются в прессу, однако фактом остается то, что опасения по поводу хрупкости ситуации на Севере оказывают сдерживающее влияние на попытки КНР сдержать ракетно-ядерные амбиции КНДР.

Что касается России, то она также стремится вслед за другими соседними державами демонстрировать высокую политическую активность в этих вопросах. Однако ее реальные возможности во внешнеполитической сфере, неприязненные отношения с США, исключающие на данном этапе возможности серьезного доверительного диалога по всем аспектам корейской проблематики, фактически оттесняют ее с первого плана и вынуждают во многом ориентироваться на позицию КНР. Для Москвы далекий Корейский полуостров с его проблемами по-прежнему остается в значительной степени периферийной темой, и лишь импульсы, исходящие от других крупных государств, либо возникновение форс-мажорных обстоятельств на полуострове может заставить ее проявить повышенную активность на своих дальних рубежах. В таких условиях проработка корейской темы в России носит эпизодический и весьма поверхностный характер, и глубоким пониманием ситуации располагают, как правило, немногочисленные эксперты ряда официальных ведомств.

Отсюда в России часто встречаются довольно своеобразные представления о причинах нынешнего кризиса. В своем подходе к ядерной проблеме Москва склонна возлагать почти равную ответственность за ее возникновение как на КНДР, так и на США. Так, например, принято считать, что северокорейцы были вынуждены отвечать на «агрессивные устремления» и демонстрацию военной мощи США, целью которых на полуострове могло быть намерение уничтожить Северную Корею как независимое государство. С этой точки зрения, ядерный выбор – это неоптимальный вариант, но он является продуктом внешних обстоятельств⁷⁹.

Стратегия России также делала ставку на вовлечение КНДР в крупномасштабные инфраструктурные проекты регионального и трансконтинентального масштаба, отвечающие интересам укрепления экономических, а также политических позиций нашей страны на Корейском полуострове. В их числе, в частности, строительство транскорейской железной дороги для ее соединения с Транссибом, линии электропередач и газопровода на Юг Кореи через территорию КНДР. Эта линия остается в резерве, несмотря на усиление действия негативных факторов, связанных с усилением непредсказуемости действий Пхеньяна и жесткости реакции на них внешних игроков. Именно сохранение тайных надежд на возможный запуск вышеупомянутых проектов обуславливает достаточно теплое отношение России к КНДР и желание сохранить дружественные связи с ней при любых обстоятельствах. Этот момент также препятствует единству действий ключевых стран, заинтересованных в скорейшей коррекции поведения Пхеньяна в конструктивную сторону.

Единственной разумной, хотя и маловероятной на данном этапе стратегией восстановления контроля над ситуацией могла бы стать линия на преодоление существующих противоречий и налаживание скоординированных согласованных действий «пятерки» ключевых держав. Это отвечало бы интересам эффективного купирования неконструктивных действий Северной Кореи, корректировки ее дипломатических шагов и возможной разработки реалистичной и общеприемлемой «дорожной карты» всеобъемлющего корейского урегулирования.

К сожалению, в настоящий момент эта версия как перспективный план действий в официальных кругах соответствующих стран практически не рассматривается в силу опасений, что существующие разногласия не позволят обеспечить должную работу этого гипотетического формата, даже если он будет формально запущен.

⁷⁹ См., например, ответ президента РФ В. Путина на вопрос об отношении к этому вопросу на большой пресс-конференции 14 декабря 2017 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56378> (дата обращения: 23.03.2020).

Подобная ситуация полностью устраивает руководство КНДР, которое активно использует противоречия или несогласованность позиций соседних держав в интересах проведения собственной игры, основанной на сложном маневрировании и использовании противоречий между оппонентами. Целью ее политики является наращивание внешнеполитического ресурса, позволяющего в условиях широкого международного неприятия ракетно-ядерных планов КНДР продолжать идти по пути сохранения и совершенствования соответствующих видов вооружений.

3.1 Ракетно-ядерная проблема: стратегии разоружения и пост-ядерного мира

Еще с конца прошлого века ситуация вокруг проблемы ракетно-ядерных вооружений КНДР неуклонно осложняется. Однако то, что изначально воспринималось как пусть не особенно позитивный, но все же мало кому угрожающий процесс, получило новое измерение в 2006 г. после пуска Северной Кореей баллистической ракеты дальнего радиуса действия и осуществления вскоре после этого первого ядерного взрыва.

Ситуация резко ухудшилась после смерти Ким Чен Ира и прихода к власти в КНДР его сына Ким Чен Ына, который в 2013 году публично поставил задачу превращения КНДР в полноценную ядерную державу, располагающую различными классами ракет, способными нести ядерные боезаряды. Уже при нем состоялось проведение четырех ядерных испытаний. В разы увеличилось количество пусков ракет различной дальности, классов и модификаций (24 в 2016 г. и 23 в 2017 г.).

Заявления Пхеньяна о готовности применить ракетно-ядерное оружие против США и американских баз на Гавайях, Гуаме и в Японии в случае создания «хотя бы малейшей угрозы безопасности страны» побудили ведущие державы мира рассматривать Северную Корею как страну с непредсказуемой военной и внешней политикой. Положение усугубляется отсутствием регулярных устойчивых каналов коммуникаций между заинтересованными сторонами (в данном случае не только между США, РК и Японией, но также между Пхеньяном, Москвой и Пекином) для предупреждения возникновения «нештатной ситуации». В этой связи следует заметить, что в целом полезная практика обмена посланиями между руководством КНДР и дружественными ей странами и эпизодических встреч между Ким Чен Иром и их лидерами фактически прекратилась после его смерти и прихода к власти Ким Чен Ына.

Таким образом, в настоящее время не имеется никаких эффективных действующих механизмов кризисного регулирования на полуострове, и ситуация вокруг проблемы ядерной безопасности эволюционирует спонтанно в условиях явного дефицита сколько-нибудь перспективных идей и инициатив по ее переводу в контролируемое русло.

Приходится констатировать, что ядерная проблема Корейского полуострова не знает себе равных по степени хронической неподготовленности вовлеченных держав к решению вопроса. Это вовсе не значит, что после возникновения признаков ядерной угрозы, исходящей от КНДР, заинтересованные страны не предпринимали никаких шагов, ведущих к снятию этой проблемы. Проблема, однако, состоит в том, что многочисленные попытки, предпринимавшиеся как отдельными государствами, так и группами стран, каждый раз оказывались неудачными, и не только не вели к нахождению разумных развязок, но, напротив, заканчивались обострением отношений между договаривающимися сторонами и откатом ситуации назад.

В задачи данной работы не входит подробный анализ всех основных стратегий, применявшихся для мирного урегулирования ракетно-ядерной темы. Тем не менее, для изучения опыта ведения дел с КНДР важно сослаться хотя бы на некоторые из них.

Наиболее впечатляющей попыткой остановить развитие ориентированной на военные цели ядерной программы Северной Кореи стало Рамочное соглашение между КНДР и США от 21 октября 1994 года. Если абстрагироваться от частностей, его смысл состоял в демонтаже созданной в КНДР ядерной инфраструктуры, позволявшей производить и накапливать оружейный плутоний. США, в свою очередь, брали на себя обязательство организовать строительство в КНДР двух реакторов на легкой воде, менее пригодных для их использования в интересах, несовместимых с целями договора о нераспространении ядерного оружия. Для этих целей Вашингтон инициировал создание для финансирования проекта международного консорциума (КЕДО) с участием более 20 стран. При этом США обязались вплоть до окончания строительства реакторов ежегодно поставлять в КНДР по 500 тыс. тонн нефти для компенсации «потерь», связанных с замораживанием Северной Кореей своих ядерных программ⁸⁰.

В октябре 2000 г. Вашингтон посетил третий человек в северокорейской политической иерархии – начальник ГлавПУРа КНА Чо Мён Рок, который лично был принят президентом Б. Клинтоном. Как подчеркивалось в принятом совместном документе, стороны договорились приложить «всевозможные усилия для установления новых, свободных от враждебности прошлых лет отношений». КНДР и США подтвердили, что отношения двух стран должны основываться на принципах взаимного уважения, суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга. Вашингтон и Пхеньян условились развивать взаимовыгодное экономическое сотрудничество, а по мере укрепления взаимоотношений – вести дело к установлению дипломатических отношений на уровне послов⁸¹.

Однако почти с самого начала развитие ситуации пошло не так, как предполагалось. Сроки строительных работ постоянно затягивались, и в конечном счете перед северокорейцами был поставлен вопрос о сдаче объектов не в 2003 г., как планировалось первоначально, а в лучшем случае в 2007–2008 гг. Кроме того, на определенном этапе американцы и их ключевые партнеры начали убеждать северян, что вместо реакторов на легкой воде более целесообразно заняться строительством тепловых электростанций.

С другой стороны, представители МАГАТЭ открыто сетовали на то, что КНДР не заинтересована в добросовестном сотрудничестве с агентством, а получаемая от нее информация является неполной и не вполне достоверной.

Ситуация резко обострилась после поражения демократов на президентских выборах и избрания на президентский пост Дж. Буша-младшего. Клинтоновская стратегия демонтажа ядерной инфраструктуры закончилась, по сути, крупным скандалом. Посетивший Пхеньян в октябре 2002 г. заместитель госсекретаря США Дж. Келли после переговоров заявил в МИДе РК, что КНДР в нарушение имеющихся договоренностей «располагает секретной урановой ядерной программой для военных целей». В других интерпретациях со ссылкой на заместителя министра иностранных дел Кан Сек Чжу было заявлено, что КНДР якобы призналась в

⁸⁰ Лучин А. О деятельности Международной организации развития энергетики Корейского полуострова (КЕДО) // URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13508324130.pdf> (дата обращения: 23.03.2020).

⁸¹ U.S.–D.P.R.K. Joint Communique. Released by the Office of the Spokesman U.S. Department of State, October 12, 2000 // URL: http://1997-2001.state.gov/regions/eap/001012_usdprk_jointcom.html (дата обращения: 23.03.2020).

наличии планов создания «в интересах защиты суверенитета страны» не только атомного, но и «более мощного оружия»⁸².

Впрочем, в экспертном сообществе, да и по признанию отдельных деятелей американских официальных ведомств, давно уже ходили слухи, что проект КЕДО по сути не был нацелен на реализацию декларированных в нем целей, по крайней мере, со стороны США и являлся откровенным отвлекающим маневром. В середине 90-х гг. в администрации Б. Клинтона были абсолютно уверены, что северокорейский режим через два-три года рухнет, и страна вступит на путь демократических изменений, как это произошло в Восточной Европе⁸³.

Соответственно, цель США состояла в том, чтобы в ожидании этих перемен заморозить на этот период деятельность Пхеньяна в ядерной сфере. Поскольку же с течением лет после некоторых «шатаний» власть в Пхеньяне стабилизировалась, администрация Дж. Буша сделала то, на что не решался Б. Клинтон – поставила точку в вопросе о реализации проекта КЕДО, обвинив Северную Корею в реализации новой хорошо скрываемой военно-ядерной программы.

Если же говорить о строительстве двух блоков ЛВР мощностью по 1000 МВт каждый, то в техническом плане это была чистая утопия, поскольку энергопередающая инфраструктура, находившаяся в бедственном состоянии, просто не была рассчитана на передачу мощных потоков энергии от строившихся мощностей. Согласно некоторым подсчетам, для ее надлежащей модернизации и совместимости работы с производящими мощностями потребовались бы масштабные работы по ее реконструкции стоимостью не менее 15 млрд долл. в ценах 2000 года.⁸⁴

Иными словами, стратегия США в отношении замораживания и демонтажа ядерной программы Пхеньяна до сих пор таит в себе немало нераскрытых вопросов, которые пока не дают возможности составить полное представление о целях политики США и КНДР в тот период.

Одновременно с «экономической и энергетической» стратегией решения ядерной проблемы впервые со времени проведения Женевской конференции был инициирован и механизм политических многосторонних переговоров, в подготовке которых не последнюю роль сыграл Китай. Четырехсторонние переговоры (КНР, США, РК и КНДР), целью которых было заявлено обсуждение перспектив заключения мирного договора, призванного заменить собой действующее соглашение о перемирии, а также мер осуществления военной разрядки на полуострове, начались в декабре 1997 года. Россия для участия в этом формате приглашена не была.

Впрочем, уже через год переговоры зашли в тупик. У зарубежных экспертов были все основания полагать, что Пхеньян изначально не был настроен на серьезный диалог и достижение реальных результатов и, скорее всего, прибыл на переговоры с целью зондажа позиций сторон. Отсюда – выдвижение заведомо неприемлемых требований, а именно: заключение мирного договора

⁸² North Korean Nuclear Program. Press Statement by Richard Boucher, Spokesman. Washington, DC October 16, 2002 // URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2002/14432.html> (дата обращения: 23.03.2020).

⁸³ Хрусталева В. Маховик противостояния между КНДР и США // URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/makhovik-protivostoyaniya-mezhdu-kndr-i-ssha> (дата обращения: 23.03.2020).

⁸⁴ Hippel, D., Hayes P. Engaging the DPRK Enrichment and Small LWR Program: What Would It Take // NAPSNet Special Reports, December 23, 2010 // URL: <https://nautilus.org/napsnet/napsnet-special-reports/engaging-the-dprk-enrichment-and-small-lwr-program-what-would-it-take> (дата обращения: 23.03.2020).

непосредственно между КНДР и США, а также вывод американских войск из Южной Кореи.

Тем не менее, США, РК и КНР смогли увидеть поведение представителей КНДР в многостороннем формате. Стало ясно, что у них не было опыта участия в подобных форумах. Также выяснилось, что Северная Корея стремилась не к многостороннему диалогу, а к выходу на прямые контакты с Соединенными Штатами и установление связей с нужными партнерами среди высокопоставленных представителей США.

Потерпевшие провал шестисторонние переговоры стали последним международным стратегическим проектом, направленным не только на решение узкой задачи ядерного разоружения КНДР, но и на урегулирование более широкого комплекса проблем, включая вопросы безопасности, экономических компенсаций, а также нормализации отношений между всеми государствами-участниками. После отказа КНДР под явно надуманными предложениями от участия в этом формате заинтересованные страны так и не смогли выдвинуть новые реалистичные идеи и договориться о запуске проектов, которые были бы приемлемыми для всех участников.

После провала шестисторонних переговоров в начале 2009 г. все концептуальные проработки процесса в странах-участницах фактически не выходили за рамки «сырых» домашних заготовок, не имевших стратегической перспективы.

Китай ратовал преимущественно за возобновление шестистороннего переговорного процесса и нахождение компромиссных развязок между КНДР и США на основе замораживания ракетно-ядерных программ Пхеньяна и свертывания военных учений, проводимых Вашингтоном и Сеулом. Для китайцев, как и в прошлом, идеальным вариантом было ведение неспешного диалога под их патронажем. Это позволяло бы выпускать накопившийся пар, создавать имитацию движения при отсутствии четко поставленных целей и обеспечивать свое лидерство в процессе и контроль над всеми игроками, и при этом не брать на себя реальную ответственность за сложные или обременительные решения.

Китай колебался между нежеланием иметь под боком беспокойного соседа и опасениями, что его политический крах под внешним давлением окажется по своим последствиям большей проблемой, чем наличие у него ядерного оружия. В итоге – ситуация «буриданова осла», который не может сделать выбор из двух вариантов. Такая «нерешительность» может сохраняться до тех пор, пока развитие ситуации не поставит на карту коренные интересы Китая, что может произойти в случае нестандартных действий КНДР или США, чреватых вооруженным конфликтом на Корейском полуострове.

Россия занимает позицию, во многом близкую к китайской: «комплексное урегулирование существующих проблем политико-дипломатическими средствами с учетом озабоченностей всех вовлеченных сторон». То есть Северная Корея и ее западные оппоненты рассматриваются как стороны, несущие каждая свою долю ответственности за сложившуюся патовую ситуацию. Соответственно, Москва предлагает заняться поиском новой, конструктивной стратегии выхода из нынешнего тупика в русле общей военно-политической разрядки и демонтажа конфронтационной архитектуры в регионе.

Позиция России в настоящее время определяется тем, что действия КНДР не представляют для нее непосредственной военной опасности, если не считать угроз техногенного характера (радиоактивное заражение, падение частей и обломков ракет на территории или в территориальных водах РФ). Вместе с тем Россия как депозитарий ДНЯО и страна, заинтересованная в продвижении своих интересов в

регионе Северо-Восточной Азии, считает для себя принципиально важным участие в любом многостороннем диалоге по проблеме ядерных вооружений на полуострове.

В числе основных опасений, испытываемых российской стороной, можно назвать, в частности, возможность перехода Пхеньяном в процессе испытаний оружия массового поражения допустимых, с точки зрения Москвы, пределов и неадекватной военной реакции США на действия КНДР, а также нежелательные геополитические последствия урегулирования ядерного кризиса без российского участия или при пассивной роли Москвы. Эти неопределенности побуждают МИД РФ к постоянному продуцированию активности, пусть даже и с минимальным или нулевым результатом, и к вербальному выражению озабоченности ситуацией⁸⁵.

При этом профилирующая стратегия состоит в подготовке необходимых условий и атмосферы для возобновления деятельности рабочей группы в рамках шестисторонних переговоров по механизму мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, в которой изначально председательствует Россия. Тем не менее, регулярный зондаж такой возможности пока наталкивается на вежливый отказ: формат свернут, и вопрос о задействовании его инструментария на повестке дня не стоит. Фактически же и США, и Китай имплицитно едины в убеждении, что активизация этого формата нежелательна, поскольку приведет к «неоправданному» повышению роли России в делах субрегиона и ее влияния на текущие процессы⁸⁶.

Идея всеобъемлющего урегулирования «корейского вопроса» давно уже обсуждается в российских экспертных кругах при активном участии представителей МИД и других ведомств. Основной смысл сводится к тому, что ракетно-ядерная проблема является лишь одной, хотя и наиболее острой и болезненной в ряду целого ряда вопросов, так и не получивших своего должного разрешения. По этой причине попытка «выхватить» упомянутую проблему и пытаться решить ее отдельно без других связанных с ней вопросов Корейского полуострова видится для многих исследователей чистой утопией.

В результате, на экспертном уровне и в рамках полуторной дорожки российскими участниками прорабатываются различные варианты так наз. «пакетного» решения, что подразумевает полное, пусть и разделенное на этапы, урегулирование всех основных проблем Корейского полуострова. Это, в частности, окончательная ликвидация негативного наследия корейской войны посредством заключения мирного договора; взаимное признание КНДР и РК и установление между ними равноправных межгосударственных отношений; дипломатическое признание Пхеньяна США и Японией; демонтаж северокорейских ракетно-ядерных программ в обмен на предоставление юридически обязывающих гарантий безопасности и оказание КНДР экономической помощи, включая поставку ядерных реакторов на легкой воде; свертывание военной активности США и РК в регионе и проведение переговоров о радикальном сокращении военных потенциалов Севера и Юга Кореи.

Эти идеи во многом легли в основу выдвинутой 4 июля 2017 г. совместно Москвой и Пекином «дорожной карты»⁸⁷ корейского урегулирования, которую схематично можно свести к трем основным блокам-предложениям:

⁸⁵ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе встречи со студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО и Дипакадемии, Москва, 1 сентября 2017 г. // URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2851134 (дата обращения: 23.03.2020).

⁸⁶ Почему Россия необходима Северо-Восточной Азии? // URL: <http://politmos.ru/192-pochemu-rossiya-neobhodima-severo-vostochnoy-azii.html> (дата обращения: 23.03.2020).

⁸⁷ Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского

1. КНДР в качестве добровольного политического решения объявляет о моратории на испытания ядерных взрывных устройств и тестовые пуски баллистических ракет, а США и Республика Корея, соответственно, воздерживаются от проведения крупномасштабных совместных учений.

2. Параллельно с этим противостоящие стороны приступают к переговорам и утверждают общие принципы взаимоотношений, включающих неприменение силы, отказ от агрессии, мирное сосуществование, намерение прилагать усилия по денуклеаризации Корейского полуострова в целях комплексного урегулирования всех проблем, включая ядерную.

3. Все вовлеченные стороны в рамках переговорного процесса в приемлемом для них формате продвигают формирование на полуострове и в Северо-Восточной Азии механизма мира и безопасности и в итоге нормализуют отношения между собой.

На современном этапе отношение США, Южной Кореи и Японии к этому плану более чем сдержанное. Согласно большинству оценок, вести дело к пакетному решению столь непростых вопросов сейчас невозможно из-за острых противоречий по всему комплексу тем, разделяющих конфликтующие стороны. Кроме того, ввиду быстрой динамики событий – все более интенсивной активности КНДР в ракетно-ядерной области – необходимо первоочередное решение именно этой проблемы, представляющей основной вызов для международного мира и безопасности. Помимо этого, страны «тройки» полагают, что идея «двойного моратория» ставит вовлеченные страны в неравноправное положение: согласно их логике, США и их союзники проводят военные учения на законной основе в порядке реакции на провокационную деятельность КНДР. В то же время любые шаги Пхеньяна в области ядерных и ракетных испытаний, с их точки зрения, являются незаконными, поскольку запрещены многочисленными резолюциями СБ ООН⁸⁸.

Страны «тройки» (США, РК и Япония) занимают в целом сходные позиции, которые координируются и корректируются в рамках регулярного диалога по военно-политическим вопросам на различных уровнях. Традиционно стратегия сводилась к разработке и проведению среднесрочных мероприятий в отношении КНДР в алгоритме использования «кнута и пряника». При этом с течением времени соотношение стимулов и мер давления менялось в пользу неуклонного повышения доли последних. Ставка делалась как на принятие санкционных резолюций по линии СБ ООН, так и на принятие собственных жестких мер, призванных купировать возможности КНДР производить оружие массового поражения и средства его доставки. Кроме того, особое значение придавалось проведению работы с КНДР с целью побудить оказать соответствующее воздействие на руководство Северной Кореи, а также перекрыть все каналы экономической помощи и сотрудничества и поступления в эту страну запрещенных предметов, товаров и технологий.

В целом же политика «тройки» характеризовалась отсутствием идей, способных привести к качественному изменению ситуации по проблеме ядерной безопасности. Единственным внятным подходом был курс на «полную, верифицированную и необратимую денуклеаризацию» Северной Кореи, хотя детальной разработкой ее формулы, насколько известно по открытым источникам, на серьезном концептуальном уровне никто не занимался.

полуострова 4.07.2017 г. // URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNlml/content/id/2807662 (дата обращения: 23.03.2020).

⁸⁸ Rich M. Looming War Games Alarm North Korea, but May Be a Bargaining Chip // The New York Times, 16.08.2017 // URL: <http://www.nytimes.com/2017/08/16/world/asia/north-korea-us-war-games.html> (дата обращения: 23.03.2020).

Следует отметить, что в большинстве случаев инициатива действий по всему комплексу аспектов ядерной проблемы оставалась за КНДР, а США и Южная Корея преимущественно реагировали на эти действия: за ядерным взрывом (ракетным пуском) следовал протест и постановка вопроса об ужесточении санкций. По сходному сценарию происходило и появление отдельных положительных моментов в развитии ситуации, как это случилось в начале 2018 г. после внесения КНДР некоторых инициатив, включая предложения о запуске мирного диалога с РК и США на высшем уровне и возможность обсуждения на них денуклеаризации.

Добившись проведения саммитов с президентами Южной Кореи и США, которые Ким Чен Ын предварительно подкрепил серией встреч с Си Цзиньпином в целях получения твердой поддержки с его стороны, лидер КНДР организовал результативную дипломатическую игру. Осуществив излюбленный прием своей дипломатической стратегии – эффектный крутой разворот политической линии – и тем самым застав своих оппонентов врасплох, Пхеньян смог втянуть США и РК в затяжные, и, видимо, малорезультативные для них переговоры. Цель Пхеньяна состояла в том, чтобы, выступив в роли миротворца, добиться от своих противников уступок (хотя бы для начала в форме улучшения внешних условий существования КНДР), имитируя готовность обсуждать вопрос о «полной денуклеаризации».

Если в Пхеньяне четко понимают свои интересы и действуют на основе долгосрочной и многократно просчитанной стратегии «достижения максимального результата при минимуме ресурсов», то их оппоненты, как уже отмечалось, не выдвигают работоспособных идей и реагируют на его действия, не располагая продуманной стратегией. Видимо, в этих моментах и состоят сильные стороны Северной Кореи. Ее лидеры, во-первых, всегда первыми берут инициативу в свои руки, часто действуя нестандартно и неожиданно, а во-вторых, очень четко видят ближайшие и долгосрочные цели, которых планируют достичь.

Это, кстати, облегчается и тем, что принятие того или иного решения в Северной Корее не требует длительного процесса согласования: за все действия, в конечном счете, отвечает никем не контролируемая узкая группа людей, т.е. Ким Чен Ын и его ближайшее окружение, имеющие возможность в короткие сроки развернуть курс на 180 градусов, если этого требует текущая ситуация.

Таким образом, можно предположить, что в обозримый период времени фактор неопределенности и волатильности в отношении новых стратегий будет сохраняться, однако их контуры применительно к США, вероятно, будут определяться тем, что Д. Трамп – не сторонник выжидательной тактики и многоходовых комбинаций во внешней политике. Поэтому, скорее всего, приоритет, насколько возможно, будет отдаваться сравнительно простым и быстроедействующим решениям – конечно, с учетом их последствий для безопасности самих США и их ближайших союзников. Диапазон возможных колебаний при этом будет оставаться крайне широким: от попыток договориться с Ким Чен Ыном с целью добиться «прорывных решений» через конструктивный диалог до попытки «урегулирования» существующих проблем силовым путем.

Один из возможных сценариев – заключение Соединенными Штатами сделки с Пекином. В этом случае, однако, не вполне ясно, чем США будут расплачиваться с Китаем за его возможную уступку американской линии в отношении Пхеньяна. С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов вероятность «закрытия» северокорейской темы военными средствами, тем более что эта опция Белым домом никогда не сбрасывалась со счетов. Однако и противников у нее очень много. Можно ожидать, что спусковой механизм этого варианта будет запущен лишь в том случае, если Северная Корея крупно «подставится» проведением мощного ядерного

взрыва или пролетом баллистической ракеты над территорией Японии, после чего будет введен план действий на случай чрезвычайной ситуации.

В среднесрочной перспективе просматриваются следующие возможные стратегии в целях решения проблемы ядерной безопасности.

1. Консервативная, нацеливающая на достижение урегулирования, преимущественно через диалог с КНДР как с равным партнером. Слабость этой стратегии в том, что этот курс в разных вариантах проводился по отношению к Пхеньяну более 20 лет и результатов не дал. Напротив, он лишь позволил Северной Корее получить выигрыш во времени для форсирования своих военных разработок. В настоящее время нет и предмета для диалога, т.к. КНДР, официально выступая за диалог с США в интересах «полной денуклеаризации Корейского полуострова», уклоняется от прояснения своего понимания этого термина. С другой стороны, все действия ее лидеров показывают, что она не собирается отказываться от ракетно-ядерного потенциала, рассматривая его как единственную реальную гарантию безопасности. С этих позиций следует рассматривать и периодически всплывающие предложения о возобновлении шестисторонних переговоров.

2. Радикальная, подразумевающая применение военной силы со стороны США и их союзников. Вполне понятно, что санкции на эту акцию со стороны Совета безопасности ООН не будет. Теоретически, Вашингтон может пойти на ограниченную (против отдельных ядерных или ракетных объектов) силовую операцию в случае полного провала надежд США на возможность урегулирования проблемы денуклеаризации с КНДР переговорным путем. Однако это может, в лучшем случае, принести только локальный успех и резко усилить напряженность в регионе. С другой стороны, масштабная военная операция потребовала бы значительных военных и финансовых ресурсов, создания мощной коалиции (в том числе и для послевоенного обустройства Северной Кореи), а главное – поддержки со стороны КНР. Кроме того, потребуется доскональный просчет встречных рисков, исходящих со стороны Пхеньяна, что затруднительно по причине дефицита информации о планах, возможностях и степени решимости руководства КНДР и ее вооруженных сил «идти до конца».

3. Комбинированная стратегия «терапевтического» вмешательства. Эта стратегия предполагает установление режима полной внешней изоляции КНДР в случае наращивания ею ракетно-ядерного вооружения или нежелания его демонтировать. Это будет означать закрытие сухопутных, морских и воздушных границ; разрыв или замораживание дипломатических отношений; прекращение всех поездок; полная торговая, экономическая, финансовая блокада.

В долгосрочной перспективе в случае применения этого режима (а другие варианты пока не просматриваются) острота вокруг проблемы ядерной безопасности в Корее может быть снята, поскольку КНДР едва ли переживет режим тотальной внешней блокады.

3.2 Возможность новых вызовов со стороны КНДР: химическое и биологическое оружие

Известно, что в качестве одного из компонентов своего потенциала сдерживания КНДР придает повышенное значение поддержанию потенциала использования химического и биологического оружия. Это – наиболее засекреченная часть северокорейских военных программ, причем характерно, что в отличие от ракетной и ядерной программ, достижения в которых открыто демонстрируются, наличие военного химического и биологического потенциала и его

роль в стратегических планах страны либо полностью отрицается, либо не раскрывается. Поэтому исследования возможностей и намерений КНДР в данной области и соответствующие прогнозы опираются на ограниченное количество достоверных материалов и источников. Однако именно это как раз и актуализирует задачу прояснения ситуации в данной области, получения более или менее надежной информации и выработки на основе этого адекватных стратегий урегулирования.

Пхеньян, как известно, до сих пор отказывается от присоединения к Конвенции о запрещении химического оружия. Однако никаких точных сведений о работе, проводимой в области разработки, испытаний и производства этого вида оружия массового поражения не существует – возможно, по причине того, что соответствующие производства надежно скрыты в горных массивах и под землей.

В самом предварительном плане запасы отравляющих веществ (нервно-паралитического, кожно-разрывающего, удушающего и общедовитого действия) оцениваются большинством исследователей в интервале от 2,5 до 5 тыс. т. Потенциальные средства их доставки – состоящие на вооружении системы полевой артиллерии: боеприпасы калибра 170 мм и 240 мм, а также авиационные бомбы и, возможно, баллистические ракеты⁸⁹.

Работы по созданию химического оружия ведутся в КНДР с конца 70-х–начала 80-х гг. В ходе боевой подготовки войск отрабатываются задачи применения такого оружия и действия в условиях химического заражения. Северокорейское командование исходит из того, что использование нестойких отравляющих веществ позволит не только оказать деморализующее воздействие на противника, но и создать условия для безопасных действий своих войск на зараженных территориях, а также использовать в собственных интересах вооружения и военную технику противника.

В 1983 г. КНДР подписала и ратифицировала Конвенцию о запрещении биологического и токсинного оружия, однако фактически уходит от выполнения своих обязательств по этому документу. В частности, не в полной мере исполняются обязательства по предоставлению сведений о биологических объектах и исследованиях. В международных организациях располагают данными, что в КНДР имеется не менее десятка НИИ и производственных объектов, потенциал которых позволяет при необходимости осуществлять работы «двойного назначения» для создания и наращивания военно-биологического потенциала⁹⁰.

Таким образом, имеющиеся в Северной Корее запасы химического и биологического оружия достаточны для возможности использования в ходе гипотетического вооруженного конфликта на Корейском полуострове. При этом Пхеньян имеет возможности при необходимости дополнительно нарастить соответствующие виды оружия массового поражения⁹¹.

Есть серьезные основания предполагать, что за последние 30–35 лет КНДР серьезно продвинулась в разработке боевых компонентов в этих отраслях, однако

⁸⁹ Warrick J. The message behind the murder: North Korea's assassination sheds light on chemical weapons arsenal // The Washington Post. 06.07.2017 // URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/the-message-behind-the-murder-north-koreas-assassination-sheds-light-on-chemical-weapons-arsenal/2017/07/06/998b1c38-5d54-11e7-9fc6-c7ef4bc58d13_story.html (дата обращения: 23.03.2020).

⁹⁰ Kim Jong Un Tours Pesticide Facility Capable of Producing Biological Weapons: A 38 North Special Report // URL: <https://www.38north.org/2015/07/mhanham070915/> (дата обращения: 23.03.2020).

⁹¹ Nuclear Threat Initiative. North Korea // URL: <http://www.nti.org/learn/countries/north-korea/chemical/> (дата обращения: 23.03.2020).

никаких твердых доказательств получено не было. Это объяснялось крайней степенью секретности проводимых работ, а также высокой разбросанностью соответствующих предприятий по территории страны. Поэтому главным элементом стратегии была организация наблюдения без активной постановки этих вопросов на международном уровне.

Определенную пассивность Вашингтона в постановке вопроса о ликвидации химических и биологических военных материалов в КНДР (данный вопрос даже не был включен в повестку дня шестисторонних переговоров и никак на них не затрагивался) США объясняют двояко. Во-первых, нежеланием «разбрасываться» и отвлекать силы от решения более актуальной для них задачи – денуклеаризации Северной Кореи. А во-вторых, убеждением в том, что данные виды оружия массового поражения едва ли предназначены для наступательных целей, и КНДР пойдет на их применения лишь в случае нападения на нее и/или начала большой войны на Корейском полуострове. То есть вопрос о применении химического и биологического оружия рассматривался как «последний козырь» в колоде, на использование которого КНДР вряд ли решится ввиду того, что это малоуправляемое оружие, будучи применено, может обернуться, в конечном счете, и против самой Северной Кореи.

Наблюдения за действиями КНДР, пусть и с недостаточной точностью, но все же позволяли выявлять очевидный прогресс в деле наращивания и совершенствования запасов химического и биологического оружия, однако реакция на это носила «отложенный» характер. Не было и явных попыток привлечь внимание к данному вопросу в той же степени, что и к теме «прав человека» в Северной Корее. Неофициально говорилось, что данная проблема обязательно должна быть поставлена в повестку дня, однако делать это по тактическим соображениям целесообразно лишь после того, как будет достигнуто ядерное и ракетное разоружение Пхеньяна.

Тем не менее, в последние годы США провели в Южной Корее ряд мероприятий, преимущественно по военной и военно-технической линии, связанных с угрозой применения КНДР вышеупомянутых видов оружия массового поражения. Это, в частности, обязательная вакцинация военнослужащих против оспы и сибирской язвы. Кроме того, начиная с 2011 года, США и Южная Корея под эгидой министерств обороны и здравоохранения своих стран проводят регулярные совместные маневры по реагированию на возможные биологические угрозы с отработкой различных сценариев действий. К участию в данных мероприятиях привлекаются и некоторые гражданские ведомства. Разворачивается разработка дополнительных программ защиты от биологического оружия на случай «чрезвычайных обстоятельств». Тем не менее, осуществляемые в их рамках мероприятия пока явно не дотягивают до уровня целостной военно-политической стратегии⁹².

Рекомендации американских экспертов в данной области сводятся к тому, чтобы усилить наблюдение за деятельностью КНДР в соответствующих сферах; степенью подчиненности проводимых там работ целям и задачам военного характера. Кроме того, предлагается проявлять осторожность при осуществлении научно-технического сотрудничества с Северной Кореей; добиваться налаживания более активной координации между наиболее заинтересованными странами,

⁹² Philipp E., Kim Hyun-Kyung, Chung H. North Korea's Biological Weapons Program: The Known and Unknown // Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. October 2017. Pp. 15–18. // URL: <https://www.belfercenter.org/publication/north-koreas-biological-weapons-program-known-and-unknown> (дата обращения: 23.03.2020).

включая США, Южную Корею и Китай; вовлекать КНДР в международное сотрудничество в сельскохозяйственной области. Последнее, помимо прочего, призвано способствовать получению доступа к информации и контролировать вызывающую опасения деятельность Пхеньяна в области биохимии; попытаться вовлечь КНДР в диалог о ее биологических и химических программах военной направленности⁹³.

Следует ожидать, что в зависимости от прогресса в решении проблемы ядерного разоружения КНДР линия заинтересованных стран в предстоящие несколько лет может быть нацелена на комплексное укрепление режима нераспространения, включая его химический и биологический компоненты, причем инициатива здесь, скорее всего, будет принадлежать США, Южной Корее и, возможно, Японии.

Как известно, еще в 2004 г. Совет безопасности ООН принял резолюцию № 1540 в интересах предотвращения распространения ядерного, химического и биологического оружия. Слабой стороной резолюции, однако, было то, что предусмотренные ею усилия были направлены в основном на недопущение к оружию массового поражения негосударственных организаций и игроков и в меньшей степени касались деятельности «проблемных» стран, заинтересованных в получении из-за рубежа соответствующих материалов, предметов, технологий и оборудования. С учетом этого можно предположить, что будущая стратегия будет ориентирована на более активное использование потенциала СБ ООН для укрепления глобального режима нераспространения с переносом основного акцента на химическое и биологическое оружие, с чем соглашается и авторитетная часть экспертного сообщества.

Авторы вышеупомянутого доклада гарвардских исследователей, в частности, выражают недоумение тем, что на фоне серьезных усилий по противодействию активности КНДР по отмыванию денег и незаконной торговле, гораздо меньше внимания уделяется недопущению торговли материалами, предназначенными для производства и усовершенствования опасных химических и биологических веществ⁹⁴.

Данный аспект проблемы, однако, осложняется тем, что в отличие от демонстративных показов возможностей своей ракетно-ядерной техники, Северная Корея, как уже указывалось, категорически отказывается признать наличие у нее соответствующих программ, в то время как у соседних стран нет веских и достоверных доказательств обратного.

В будущем возможно включение этой темы в повестку межгосударственных переговоров, в том числе и с КНДР, хотя это и трудноосуществимо из-за противоречий между заинтересованными государствами и нежеланием многих из них (включая Россию и Китай) создавать новый фронт противостояния с Пхеньяном. Скорее всего, обсуждение данного вопроса на межгосударственном уровне возможно лишь в среднесрочной перспективе.

Поскольку до недавнего времени США, равно как и другие страны Запада, полагали, что КНДР, располагая значительными запасами отравляющих веществ, хранит их «про запас» для применения в качестве последнего средства сдерживания на случай начала военных действий на полуострове,⁹⁵ задача

⁹³ Ibid. Pp. 20–22.

⁹⁴ Ibid. Pp. 1, 19.

⁹⁵ Warrick J. Microbes by the ton: Officials see weapons threat as North Korea gains biotech expertise/The Washington Post, 10.12.2017. // URL: <http://www.washingtonpost.com/world/national-security/microbes-by-the-ton-officials-see-weapons-threat-as-north-korea-gains-biotech->

разработки соответствующей стратегии представлялась им неактуальной. Ситуация изменилась после, казалось бы, малозначительного события – убийства в Малайзии в феврале 2017 года сводного брата северокорейского руководителя – Ким Чон Нама. В ходе расследования выяснилась причастность к инциденту северокорейских спецслужб, которые использовали для убийства нервно-паралитический газ VX.

Этот инцидент послужил для Вашингтона поводом для переосмысления возможностей Северной Кореи в отношении использования химического оружия. В частности, был сделан вывод, что Пхеньян нацеливает усилия на проведение «точечных» и, возможно, локальных операций в других странах с применением отравляющих веществ. Поразила и та легкость, с которой химическое оружие было доставлено за границу. В связи с этим в экспертных кругах США заговорили о возможности проведения Северной Кореей засекреченных нападений против своих зарубежных противников с применением смертоносных химических агентов⁹⁶. В начале марта 2018 года президент Д. Трамп ввел санкции против КНДР на основании факта использования химического оружия для осуществления убийства в политических целях⁹⁷.

Подводя некоторые итоги, можно прийти к выводу, что на данном этапе США и другие страны, включая Россию, признают наличие у КНДР как химического, так и биологического оружия. Тем не менее, ни одно из этих и других государств не располагает продуманной долгосрочной стратегией по противодействию угрозе его применения. Между тем, этот момент представляет особую актуальность для России и Китая, поскольку, по некоторым данным, производства, занятые в сфере биохимических вооружений, находятся преимущественно в северных и восточных районах страны. Из этого следует, что в случае нештатных ситуаций, сопровождаемых утечкой опасных веществ, серьезная угроза может быть создана для дальневосточных регионов РФ.

В настоящее время проработка вопросов, связанных с потенциалом химического и биологического оружия, интенсивно ведется в США на экспертном уровне, в то время как в Южной Корее эти исследования ведутся на уровне исследовательских центров министерства обороны. Можно ожидать, что в ближайшие 3–6 лет, особенно если удастся получить объективную информацию о северокорейской деятельности в указанных областях, будут прорисованы и контуры стратегии вышеназванных стран в этой области. Вполне вероятно, что в ее основе будут лежать такие опции, как предложение диалога и угроза санкций при отказе от сотрудничества.

expertise/2017/12/10/9b9d5f9e-d5f0-11e7-95bf-df7c19270879_story.html (дата обращения: 23.03.2020).

⁹⁶ Warrick J. The message behind the murder: North Korea's assassination sheds light on chemical weapons arsenal // The Washington Post. 06.07.2017 // URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/the-message-behind-the-murder-north-koreas-assassination-sheds-light-on-chemical-weapons-arsenal/2017/07/06/998b1c38-5d54-11e7-9fc6-c7ef4bc58d13_story.html (дата обращения: 23.03.2020).

⁹⁷ U.S. sanctions N. Korea over use of chemical weapons/Yonhap News Agency, 06.03.2018 // URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2018/03/06/0301000000AEN20180306000400315.html> (дата обращения: 23.03.2020).

3.3 Стратегии действий в связи с возможным развитием внутривнутриполитической ситуации в КНДР

Считается, что КНДР отличается внутренней стабильностью и устойчивостью в отношении большинства катаклизмов и сложных внешних ситуаций, возникающих за ее пределами. Одновременно Северную Корею принято характеризовать как государство с «иррациональным» руководством, которое проводит внутреннюю и внешнюю политику с высокой степенью непредсказуемости.

Совместить эти противоречивые определения можно только в одном отношении: страна находится под властью единовластного лидера, который вправе принять любое решение и не ограничен какими-либо сдерживающими механизмами. Именно под него выстраивается вся властная чиновничья пирамида, единство и даже единомыслие которой обеспечивается не только всепронизывающей системой внутреннего контроля, но и пониманием необходимости, несмотря на внутренние противоречия и склоки, сохранять сплоченность, хотя бы внешне, перед лицом внешнего врага.

При этом врагами в той или иной мере считаются практически все соседствующие державы, исторически вовлеченные в жизнь страны, пусть и с разной степенью глубины. США и, в значительной мере, Япония рассматриваются как антагонистические противники режима, имеющие намерение развалить КНДР, разложить и уничтожить ее политический режим и сменить ее правящую элиту. Южная Корея рассматривается как недруг и, вместе с тем, партнер по объединению, с которым можно иметь дело при условии, что у власти там окажутся «патриотически настроенные лидеры», ориентированные на сотрудничество с КНДР, преимущественно в форме предоставления ей безвозмездной помощи.

Китай и Россия не объявляются врагами, но и не рассматриваются как однозначно дружественные страны. КНР – проводник политики реформ и держава, которая, согласно восприятию северокорейского руководства, в течение всего периода правления Ким Чен Ира пыталась оказывать влияние на Пхеньян, чтобы навязать свой опыт рыночных преобразований.

Другой повод для недовольства КНР – координация между Пекином и Вашингтоном в попытках «надавить» на КНДР, склонить его к уступкам по ядерной проблематике. Руководители Северной Кореи отмечают для себя тот соответствующий действительности факт, что некоторые санкционные резолюции по КНДР поначалу в кулуарном порядке согласовались между США и Китаем, а затем уже в виде проекта распространялись среди других членов Совета Безопасности ООН. Впрочем, наряду с этим Китай рассматривается и как потенциальная опора, обеспечивающая поддержку в критических ситуациях, о чем свидетельствуют многократные поездки Ким Чен Ына в КНР «для совета» с Си Цзиньпином весной 2018 года накануне встреч с лидерами РК и США.

С Россией внешне все обстоит более или менее благополучно. Однако в глубине души северокорейские руководители с большим недоверием относятся к существующим в РФ политическим и экономическим порядкам, возникшим после распада СССР. Наряду с этим они испытывают обиду по поводу того, что российская сторона отказывается предоставлять значительную помощь для экономической реконструкции страны и осуществлять масштабные поставки продовольственной помощи.

Иными словами, абсолютно все сопредельные страны рассматриваются Пхеньяном как в той или иной степени враждебные или, по крайней мере, недружественные. Многое из того, что для обычной страны представляется вполне нормальным с точки зрения практики межгосударственных отношений, КНДР и ее

руководителями воспринимается как действия, направленные на подрыв КНДР и условий ее существования.

Что же касается ситуации в Северной Корее, то большинство американских и, главное, южнокорейских экспертов крупно просчитались в своих прогнозах распада государственного строя КНДР, которые делались на волне краха социалистических правительств Восточной Европы и распада бывшего советского блока. В силу специфики северокорейского режима и, в частности, его значительной политической, идеологической и экономической автаркии, Северная Корея, несмотря на колоссальные людские и социально-экономические потери, не только сумела выжить, но и волей государственного руководства обеспечить превращение страны в вооруженную крепость.

Тем не менее, в КНДР имеются и слабые места, которые можно интерпретировать как факторы нестабильности государственной власти.

Политическая система. Преимущества тоталитарного способа правления при полном политическом подчинении не только рядовых граждан, но и значительной части элиты, с одной стороны, обеспечивают абсолютный характер высшей власти. Однако оборотной стороной этой системы является то, что судьба страны почти полностью производна от личной судьбы верховного правителя и 10–15 приближенных к нему фигур, способных относительно долго удерживаться на властном «пятачке». В этой ситуации над страной давно уже нависла угроза политической дестабилизации.

Уместно напомнить, что опасность резкой дестабилизации уже возникала в прошлом. Когда в 2008 г. внезапно ухудшилось состояние тогдашнего лидера страны Ким Чен Ира, ему пришлось фактически с нулевой отметки заниматься вопросом обеспечения преемственности власти. Неизвестный ранее стране младший сын вождя, не достигший в тот момент и 30-летнего возраста, был в срочном порядке выдвинут на роль преемника и получил властные полномочия в декабре 2011 г. Неопытный и слабо подготовленный к управлению страной молодой человек тем не менее сумел не только удержаться у кормила власти, но и проложить траекторию государственной политики на длительный период.

Вместе с тем власть в КНДР не имеет надежной базы в виде сильного политического или экономического класса, на который она могла бы опереться и который был бы заинтересован в поддержке и обеспечении устойчивости властной вертикали. Вместо этого имеются противоборствующие чиновничьи и бюрократические кланы, стремящиеся к расширению своего представительства во властных структурах и максимальной приближенности к высшему руководству. Примерно такая же картина наблюдается и в регионах.

Экономика. Если говорить об этой сфере, то системный кризис в ней присутствует, по крайней мере, с начала 1990-х годов. Черту под надеждами на экономический рывок подвел еще Ким Чен Ир, который в 2002–2004 гг. провел комплекс «госмероприятий», под маркой которых пытался осуществить некоторые экономические преобразования. Смысл состоял в том, что государство инициативно сузило сферу своего контроля над экономикой, оставив под своим непосредственным управлением лишь военную промышленность и основные структурообразующие предприятия, которые получали соответствующее материально-техническое обеспечение. Остальная гражданская и в особенности местная промышленность была фактически выведена из сферы внимания государства и пущена в свободное плавание. По сути дела, это означало не столько переход к рыночной экономике, сколько откат к подобию натурального хозяйства, когда предприятие не только производит специализированную продукцию, но и

обеспечивает рабочих и служащих продуктами питания и предметами первой необходимости.

Если ситуация с промышленным потенциалом давно уже не вызывает вопросов (если не упоминать о том, что переход к массированному наращиванию ракетно-ядерного потенциала еще более обескровил гражданский сектор экономики), то наиболее уязвимым местом в социальном плане является вопрос о продовольственном обеспечении населения.

Ситуация здесь хронически нестабильная. Чтобы избежать голода, КНДР должна ежегодно производить 5,2—5,5 млн т зерна, что практически невозможно, учитывая крайне низкий уровень агротехники, острый дефицит удобрений, недостаток сельскохозяйственных площадей. Вскоре после распада Советского Союза, который оказывал КНДР продовольственную поддержку, система государственного распределения продовольствия начала разрушаться и теперь фактически действует только в Пхеньяне и отдельных провинциальных центрах. Остальное население страны обеспечивает себя продуктами самостоятельно. Ситуация усугубляется тем, что из-за технических проблем состояние сельскохозяйственного и в целом продовольственного производства в решающей степени зависит от природно-климатических условий, испытывая негативное воздействие засух, наводнений, циклонов, ураганов. При этом колебания объемов производства продовольствия в зависимости от внешних условий могут составлять от 30 до 50% в год.

В нынешнем столетии КНДР при всех своих усилиях никогда не достигала уровня, достаточного для самообеспечения населения продовольствием без внешней, предпочтительно безвозмездной помощи. Практически из года в год в Северной Корее от 30 до 50% семей страдали от недоедания, а около 1,7 млн детей младшего возраста и кормящих матерей нуждались в неотложной помощи, которая предоставлялась, преимущественно по линии международных гуманитарных организаций. Отсутствие помощи в середине 90-х гг. и предельно низкие урожаи из-за природных катаклизмов на том этапе привели к массовому голоду и высокой смертности населения, убыль которого составила от 700 тыс. до 2 млн человек⁹⁸.

Ситуация с ракетно-ядерной инфраструктурой. Проблема заключается в том, что предприятия этого комплекса строились по «чужьейским» технологиям, то есть слабо подготовленными специалистами из подручных материалов по упрощенным схемам с явными нарушениями правил технической безопасности. Это, в свою очередь, породило целый ряд долгосрочных проблем, связанных, прежде всего, с невысокой надежностью этой инфраструктуры, начиная с сильного радиоактивного загрязнения местности и заканчивая опасностью техногенных катастроф на объектах ракетного и, что более важно, ядерного комплекса. Многие из ошибок и недочетов были настолько очевидны, что были «с ходу» зафиксированы группой экспертов в ядерной области стран-участниц шестисторонних переговоров, которым однажды была предоставлена возможность посетить ядерный центр в Нёнбёне.

При этом в условиях пресловутого рывка ракетных и ядерных вооружений, который осуществлялся с 2013 года уже в условиях жестких международных санкций с затрудненным доступом к необходимым материалам и технологиям, едва ли можно рассчитывать на то, что ситуация с технической безопасностью изменилась в лучшую сторону. Скорее, процесс качественно и технологически стал еще более проблемным.

⁹⁸ Дожди, жара, наводнения: Северная Корея на пороге голода // URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=3001521 (дата обращения: 23.03.2020).

Исходя из вышеизложенного, развитие внутреннего кризиса в Северной Корее с тяжелыми политическими и экономическими последствиями представляется весьма вероятным сценарием.

3.4 Перспективы денуклеаризации и пути нормализации государственных отношений на Корейском полуострове

Единая платформа для решения «ядерной проблемы» Корейского полуострова, на которой стоят фактически все соседствующие с Северной Кореей государства – это отказ КНДР от ядерного оружия, по крайней мере средней и большей дальности, уничтожение всех других видов ОМУ, снятие перманентной напряженности и угрозы конфликта между Севером и Югом Кореи. Если судить по заявлениям лидеров этих стран, в стратегическом плане интересам большинства из них отвечала бы перспектива превращения КНДР в открытое для внешнего мира демилитаризованное государство с пусть даже жестким, но предсказуемым в своих действиях политическим режимом, сосредоточенным на задачах социально-экономического развития.

В остальном же взгляды на сценарии будущего КНДР стран, интересы которых затрагивает корейская проблема, включая и Южную Корею, заметно разнятся, хотя конкретно на этот счет их лидеры высказываются нечасто, предпочитая расплывчатые и завуалированные рассуждения общего плана.

Так, США и их азиатские союзники полагают, что в условиях сохранения в Пхеньяне нынешнего или сходного по своим установкам политического режима КНДР не будет дееспособной страной, способной нести ответственность за благополучие и права своих граждан. Тоталитарная власть и отсутствие глубоких рыночных реформ при определенной внешней открытости создаст предпосылки для массовой эмиграции, поток которой едва ли будет контролируемым. В итоге страна вернется к прежней замкнутости и репрессиям.

Что же касается вопроса о широких внутренних преобразованиях, то представители западного сообщества весьма скептически оценивают вероятность того, что северокорейская элита инициативно организует этот процесс. Эксперты фиксируют отдельные шаги Ким Чен Ына для улучшения экономической ситуации в стране, но при этом выражается убежденность, что реальный прогресс может быть возможен лишь в случае масштабного притока внешних инвестиций и технологий, что, в свою очередь, будет зависеть от снятия международных санкций в контексте денуклеаризации⁹⁹.

В Северной Корее более всего опасаются эффекта «падающего домино», при котором начало крупных экономических или политических экспериментов в итоге приведет к смене власти. Кроме того, Северная Корея, которая уже более 70 лет живет в условиях почти полной замкнутости и секретности всего, что касается реальной экономической ситуации, попросту не располагает кадрами, способными начать даже осторожные и ограниченные преобразования рыночного типа. Эти процессы в стране могут развиваться только стихийно или под контролем внешней администрации.

⁹⁹ Ланьков А. Возрождение рыночной экономики в Северной Корее // URL: <https://carnegie.ru/2015/08/12/ru-pub-61002> (дата обращения: 23.03.2020).
См. также: Koreas to push for co-prosperity by fall summit // The Korea Times. 02.07.2018 // URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/07/103_251613.html (дата обращения: 23.03.2020).

В США, Японии и отчасти в Южной Корее (особенно в годы правления консервативных администраций Ли Мён Бака и Пак Кын Хе) склонялись к идее, что одномоментный коллапс на Севере для них более выгоден, чем затягивающаяся на неопределенное время пауза, в ходе которой ситуация может развернуться в любую сторону. Ситуация несколько изменилась с приходом к власти в Южной Корее леволиберального президента Мун Чжэ Ина, который, несмотря на весь прошлый отрицательный опыт замирения с КНДР, поставил задачу кардинального улучшения отношений с Пхеньяном – правда, при условии его денуклеаризации¹⁰⁰.

Несмотря на внешние признаки устойчивости режима, в заинтересованных странах как на официальном уровне, так и в рамках экспертного сообщества без излишней публичности ведутся исследования перспектив и возможных сценариев смены власти в КНДР и возникновения там новой политической ситуации.

Рассматриваются два-три варианта, которые считаются наиболее вероятными.

Первый – постепенное разложение властных структур и их руководства по причине сокращения доходов из-за санкций, расстройств социально-экономической сферы и постепенного перевода экономической деятельности в режим серых и черных схем, основанных на «неформальных деловых связях» и коррупции. Это неизбежно будет сопровождаться сокращением реального производства и перемещением активности самодеятельного населения в сферу нелегальных операций и присвоения государственной собственности. При этом основным фактором риска подобного сценария может стать резкое ухудшение положения беднейшей части населения, ситуации с обеспечением продовольствием, распространением инфекций и пр. При этом экспертами прогнозируется более активное сопротивление населения, чем в середине 1990-х годов.

На региональном уровне это может выразиться в волнениях, захватах складов с товарами первой необходимости, стихийном преследовании спекулянтов и лиц, замешанных в коррупции. При таком сценарии многое будет зависеть от линии спецслужб, руководства вооруженных сил и органов правопорядка на местах. Речь идет об активном выполнении указаний центральных властей по жесткому наказанию виновных, перехода силовых структур на позиции нейтралитета и невмешательства или, по крайней мере, видимая демонстрация сочувствия к населению со стороны младшего и наиболее многочисленного состава этих структур.

При этом большинство экспертов сходятся на том, что реализация данного сценария может растянуться, в зависимости от обстоятельств, на пять – десять лет.

Относительно действий соседних стран и их стратегии высказывается немало версий, хотя все они слабо проработаны. В основном речь идет о целесообразности экстренных поставок продовольствия и товаров первой необходимости. Можно констатировать, что ни одна из соседних стран сегодня не располагает стратегией, определяющей конкретный набор мер для стабилизации ситуации, а все калькуляции экспертов носят сугубо предварительный и даже умозрительный характер, основанный на проецировании на будущее сегодняшней ситуации.

Второй вариант – одномоментный коллапс. Теория неизбежности «краха режима» довольно популярна и весьма живуча в западных странах. Тем не менее, несмотря на категоричность этих прогнозов, особенно в консервативных кругах, мало кто смог внятно пояснить, какая цепь событий может сыграть роль «спускового крючка» для запуска данного сценария. Чаще всего ведутся довольно отвлеченные

¹⁰⁰ Moon urges efforts to move N. Korea denuclearization forward // Yonhap News Agency, July 13.07. 2018 // URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20180712010851315> (дата обращения: 25.03.2020).

рассуждения о высокой вероятности «народного восстания» в случае резкого обострения общей ситуации в стране и свержения центральной власти. На этом логические построения западных аналитиков, как правило, исчерпываются и завершаются призывом готовиться к этой опции, чреватой драматическими последствиями, причем не только для КНДР, но и Южной Кореи, да и для других стран, граничащих с Южной Кореей.

Известно, что в США и на Западе готовятся к реализации именно такого сценария. Он представляется не только привлекательным, но и предпочтительным. В этой «идеальной» схеме без ответа остается один немаловажный вопрос: что может стать побудительным мотивом для бедствующего населения, чтобы выступить против власти. На данном этапе не имеется каких-либо признаков, свидетельствующих о ее скорой дестабилизации. Что же касается публичных заявлений представителей США или Южной Кореи самого высокого уровня, вплоть до президентского, то имеются многочисленные заверения о том, что эти страны не имеют намерений добиваться смены существующего в Северной Корее политического режима¹⁰¹. Цена подобных заверений хорошо известна, однако усилиями трех поколений северокаорейских руководителей Северная Корея во внешнем плане настолько закрыта от внешнего влияния, что применить традиционный для Вашингтона инструментальный воздействия на внутреннюю ситуацию в КНДР будет весьма проблематично.

Третий сценарий – это разрушение Северной Кореи вследствие крайнего обострения противоречий между элитами, вплоть до начала прямой политической и военной конфронтации. Экстремальный вариант такого сценария – перерастание межкланового противостояния в гражданскую войну.

На Западе и в Южной Корее как на официальном, так и на экспертном уровнях не склонны публично обсуждать подобный сценарий, хотя в ряду других опций он представляется вполне реалистичным, по крайней мере по сравнению с расчетами на «одномоментный крах режима».

Условия, благоприятствующие реализации данного сценария, могут быть различными. Это, например, ослабление центральной власти и утрата доверия к высшему руководству вследствие решения Ким Чен Ына пойти на сделку с США по ракетно-ядерному оружию или даже по более широкому кругу вопросов. Другой вариант – «проседание» экономики страны из-за санкций и ожесточение борьбы за сокращающееся количество материальных благ, который может иметь своим следствием отказ властных кланов от демонстрации политики «внутренней консолидации» пред лицом внешнего врага.

Важно учесть, что при наихудшем из возможных сценариев – кровавой развязке событий – речь пойдет не о борьбе по поводу идеологических ценностей между двумя лагерями (условных «коммунистов» и «либералов-западников», которых в КНДР просто не существует), а о схватке всех против всех за усыхающий государственный пирог. Жесткость нравов, которая всегда культивировалась властями, низкая ценность человеческой жизни, а с другой стороны – накопленная и укрытая в различных частях страны колоссальная масса оружия могут способствовать тому, что вооруженное противоборство будет затяжным и непримиримым. Ввиду слабых коммуникаций между центром и регионами, которые в условиях военных действий могут вообще оказаться парализованными, власть на местах при данном раскладе окажется в руках «полевых командиров» – нынешних

¹⁰¹ U.S. does not seek regime change in N. Korea: Tillerson // Yonhap News Agency, July 02.08. 2017 // URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/search1/2603000000.html> (дата обращения: 25.03.2020).

генералов, которые таким образом получают свободу рук и сферу для активной деятельности.

Вследствие этого существует вполне реальная опасность, что смертоносное ОМУ или ингредиенты для их производства могут оказаться в руках абсолютно безответственных людей, которые могут им воспользоваться и как оружием, и как предметом торга, в том числе и на внешних рынках. Все это делает сценарий политической дестабилизации и внутреннего вооруженного конфликта предельно опасным, причем не только для всего Корейского полуострова, но и для АТР в целом.

В США на официальном уровне стратегии на случай опасных обострений внутренней ситуации и гипотетических вооруженных столкновений в КНДР рассматриваются сугубо в закрытом порядке, и результаты этих исследований строго засекречены. При этом необходимый материал для анализа собирается на основе опросов перебежчиков с Севера, но реальная отдача от этих собеседований невелика, поскольку подавляющее большинство из них являются выходцами из низших слоев населения.

Насколько известно из имеющихся утечек, именно по причине того, что вышеуказанный сценарий представляется уравнением со многими неизвестными, разработка стратегий на случай реализации данного сценария не завершена и отличается многочисленными пробелами. При этом между ведомствами, участвующими в этой работе, имеются серьезные разногласия как по поводу оценки возможных событий, так и в связи с рекомендациями вариантов реагирования на ситуацию, которые необходимо представить «наверх». Что касается научного сообщества, то там идут свои острые дебаты, которые также основываются в основном на гипотезах и предположениях¹⁰².

Так, нет ответа на главный вопрос: соответствует ли развязывание «вялотекущего» вооруженного противоборства интересам США, или же подобный конфликт невыгоден, поскольку контролировать его практически невозможно, а последствия предугадать трудно. Судя по высказываниям отдельных экспертов, США в принципе бы устраивала ситуация перманентного внутреннего конфликта низкой интенсивности в Северной Корее, поскольку это ослабило бы страну и отвлекло противоборствующие фракции от внешней политики. Однако оппоненты этой концепции указывают на то, что интенсивность конфликта, тем более вооруженного, вряд ли удастся контролировать. Кроме того, существует реальная опасность его разрастания с переносом боевых действий на территории сопредельных стран, прежде всего Южной Кореи и Китая. Особенно опасным представляется вероятность вооруженного противоборства в стране, располагающей оружием массового поражения и боевыми ракетами.

Однако главный аргумент не только экспертов по Корее, но и внешнеполитических и военных специалистов более широкого профиля состоит в следующем. В условиях обострения военно-политической обстановки на Ближнем и Среднем Востоке и неопределенностей в развитии ситуации в АТР США не могут позволить себе «подогревать» или даже просто дистанцироваться от горячего конфликта в стратегически важном районе Северо-Восточной Азии.

В контексте подобных перспектив США отдают предпочтение варианту одномоментной смены власти. При этом, однако, никто не знает, каким образом это

¹⁰² Sanger D.E., Broad W. J. How U.S. Intelligence Agencies Underestimated North Korea // The New York Times. 06.01.2018. // URL: <http://www.nytimes.com/2018/01/06/world/asia/north-korea-nuclear-missile-intelligence.html> (дата обращения: 25.03.2020).

может произойти, а главное – какими будут последствия внезапного образования ситуации «вакуума власти».

В целом, ряд сложностей и проблем, связанных с концепцией подталкивания КНДР к коллапсу, наводит американский истеблишмент на мысль, что США при всем их влиянии в регионе едва ли удастся в одиночку справиться с возникающими вызовами и проблемами.

Альтернативы, которые в США рассматриваются в качестве новых стратегий повышения управляемости ситуации на Севере Кореи, на данном этапе ограничены. Первое – прибегнуть к испытанному методу создания коалиции государств, разделяющих американские подходы к пхеньянскому режиму как «нелегитимному», «неадекватному», «деспотическому» и «тоталитарному». Это должно юридически обосновать тезис о допустимости смены власти в КНДР, в том числе при участии «международного сообщества». Реально этот вариант может быть запущен в случае полного провала американо-северокорейского диалога, запущенного Трампом и Ким Чен Ыном, и возобновления конфронтации между двумя странами в еще более жесткой форме, чем раньше.

Однако не вызывает особых сомнений, что формирование в АТР коалиции, нацеленной на смену власти и политического строя в КНДР, едва ли получит поддержку большинства азиатских стран, дорожащих собственной независимостью и придерживающихся позиций неучастия в блоках, возглавляемых крупными державами, тем более внешними по отношению к региону. Это особенно справедливо для случаев, когда речь идет о возможности использования силовых мер против одной из стран АТР: во внутренние дела своих соседей государства региона вмешиваться явно не хотят. Возможность силового свержения северокорейского руководства сдержанно воспринимается в настоящее время и в Японии, и в Южной Корее, которые опасаются непредсказуемых последствий подобного варианта. Для Сеула к тому же это означало бы отказ от всех надежд администрации Мун Чжэ Ина на постепенное замирение с Пхеньяном, что является одним из ключевых пунктов ее политической программы.

С учетом вышесказанного единственной возможностью повлиять на внутреннюю ситуацию в Северной Корее является поиск общих точек соприкосновения с Китаем и попытка осуществления если и не совместных, то хотя бы параллельных или скоординированных с КНР шагов. На данном этапе такое взаимодействие также сопряжено с трудностями и в обозримом будущем вряд ли достижимо в условиях резкого обострения китайско-американских межгосударственных отношений, которое, судя по всему, может приобрести долгосрочный характер.

Кроме того, это связано с позицией Пекина, который считает, что обвал политической и экономической ситуации в Северной Корее и принудительный демонтаж ее властных структур противоречит коренным интересам Китая и способен повлечь за собой нестабильность у его внешних границ. Широко известно часто повторяемые китайской пропагандой слова Си Цзиньпина о том, что КНР никогда не допустит войны и хаоса на Корейском полуострове. При этом под «хаосом» подразумевается развал КНДР и открытое вмешательство США в дела этой страны¹⁰³.

Важно помнить, что у Китая есть свои, имеющие глубокие корни экономические, политические и гуманитарные интересы в Корее. Старшее

¹⁰³ Peace and Prosperity on the Korean Peninsula. Belfer Center for Science and International Affairs. John F. Kennedy School of Government // URL: <http://www.belfercenter.org/publication/peace-and-prosperity-korean-peninsula> (дата обращения: 25.03.2020).

поколение китайских политиков до сих пор считает, что КНДР – это важная буферная территория, отделяющая КНР от сферы американского военного присутствия в Северо-Восточной Азии и на Корейском полуострове. Их аргумент таков: если бы Северной Корее не было, то американские системы ПРО размещались бы у границ с Китаем.

В последнее время китайско-северокорейские отношения были весьма неоднозначными: Пекину крайне трудно вести дела с Ким Чен Ыном, который долгое время нарочито игнорировал «старшего брата». Однако при всем своем недовольстве китайские лидеры склонны считать свои разногласия с северокорейским руководством тактическими, слабо влияющими на общую оценку ситуации вокруг Кореи. Следует учитывать, что и Ким Чен Ын в критический момент осуществил выверенный маневр в целях укрепления поддержки со стороны Пекина. Пренебрегая нормами дипломатического этикета, в первой половине 2018 года он совершил три поездки в Китай для встреч с Си Цзиньпином, тем самым признав важность этой страны для Северной Кореи и готовность прислушиваться к советам ее руководства.

Если суммировать позиции Пекина в отношении будущего КНДР, то они довольно логично складываются в следующую стратегическую доктрину:

- избавление этой страны от ядерного оружия при твердых гарантиях со стороны США о невмешательстве в северокорейские дела;
- восстановление прежних дружественных связей между двумя странами по всему комплексу вопросов;
- желательность мягких перемен в КНДР по инициативе высшего руководства этой страны, а также отказ Пхеньяна от чрезмерной военной и внешнеполитической активности;
- сохранение в обозримой перспективе КНДР как независимого суверенного государства с многовекторной внешней политикой, но ориентированного преимущественно на КНР в политическом, военном и экономическом планах;
- проведение по рекомендациям и под надзором КНР ограниченных реформ, которые позволили бы при сохранении существующего политического режима удержать на плаву экономику и минимизировать риски кризисов;
- заключение с участием КНР, США, КНДР (и, возможно, РК) мирного договора, призванного закрепить устраивающий Пекин статус-кво на Корейском полуострове.

При нескольких иных обстоятельствах США могли бы найти точки соприкосновения с Китаем на основе данного плана, согласившись с превращением КНДР после ее ядерного разоружения в страну, подобную Мьянме или Бангладеш, пусть и с повышенным удельным весом китайского влияния. Однако такому развороту в американской политике препятствуют два обстоятельства. Во-первых, Вашингтон не верит в возможность мирной и необратимой трансформации нынешнего северокорейского политического режима. И, во-вторых, будущее КНДР рассматривается им в тесной увязке с решением «корейского вопроса» в целом, который носит комплексный характер и включает в себя целый ряд нерешенных вопросов, имеющих международное значение.

Именно поэтому в американском истеблишменте преобладает мнение, что окончательному урегулированию корейской проблемы должно предшествовать достижение серьезных долгосрочных договоренностей между Вашингтоном и Пекином. Это вовсе не препятствует идее движения по второму направлению – переговорам с КНДР по денуклеаризации в надежде на возможный успех.

На экспертном, а возможно и на официальном уровне уже зондировалась перспектива создания трехстороннего механизма с участием КНР, России и США

для обсуждения вопросов корейского урегулирования, в первую очередь ядерной проблемы. Китай продемонстрировал вежливую индифферентность, демонстрируя тем самым, что не видит практической пользы от вовлечения Москвы в гипотетический американо-китайский процесс. Позиция США сводится к тому, что американская сторона в принципе не против контактов с Россией по корейской проблематике, однако подключение нашей страны к диалогу с Китаем считает излишним. По мнению Вашингтона, это могло бы усилить переговорные позиции Китая, учитывая традиционную солидарность Москвы с китайскими инициативами. Кроме того, США считают, что позиции России на Корейском полуострове слабы, и она не в состоянии внести весомый позитивный вклад в нахождение прорывных решений, и уж тем более обеспечивать их выполнение.

Партнеров смущает и стремление России поддерживать и даже расширять разностороннее партнерство с КНДР, активно поддерживать ее требования сокращения американского военного присутствия в районе Корейского полуострова, равно как и попытки оправдать создание Пхеньяном ракетно-ядерного оружия ссылками на американскую угрозу. Иными словами, стратегия Вашингтона по вопросу о сотрудничестве с Россией по этой проблематике, скорее всего, будет сводиться к эпизодическим «замерам» позиции Москвы в ходе двусторонних контактов по другим вопросам, а также настойчивым пожеланиям сократить объемы ее сотрудничества с КНДР.

Между тем, в экспертных кругах Китая, представленных исследователями среднего поколения ряда престижных университетов, при положительном отношении прагматически настроенной части представителей официальных структур постепенно вызревают новые подходы к этой проблеме, которые вполне могут перерасти в принципиально иной стратегический курс.

В основе этих подходов лежит идея о том, что КНДР является не «буфером» между КНР и США, а, наоборот, серьезным бременем для Китая. Концепция обширной разделительной зоны в лице КНДР, исключающей непосредственно соприкосновение вооруженных сил двух антагонистов, считается безнадежно устаревшей в условиях появления новых высокотехнологичных видов вооружений и способов ведения боевых действий.

Кроме того, по мнению военного ведомства КНР, северокорейские ракетно-ядерные авантюры не только создают дополнительную напряженность у китайских границ, но и фактически служат оправданием наращивания американского военного присутствия в стратегически важном для Пекина регионе СВА. Сторонники этой точки зрения полагают, что поддержка недружественного по отношению к КНР режима требует чрезмерно большого количества ресурсов и, одновременно, выставляет страну в крайне невыгодном свете во внешнем мире¹⁰⁴.

В условиях нарастания угрозы неконтролируемого крупномасштабного столкновения непосредственно у границ КНР, в том числе, возможно, с применением ядерного оружия, вызывает у китайского руководства повышенную нервозность и рано или поздно будет побуждать его к проведению серьезного диалога со своими оппонентами в корейском вопросе – США и Южной Кореей. При этом новая повестка должна быть гораздо шире и включать в себя вопросы, связанные как с

¹⁰⁴ Fish I. S., Kelly R.E. North Korea Is Ultimately China's Problem. How Washington Can Get Beijing to Step Up // Foreign affairs, June 8, 2018. // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-06-08/north-korea-ultimately-chinas-problem> (дата обращения: 25.03.2020). Brown K. What Does China Really Think of North Korea? // The Diplomat, May 25, 2018. // URL: <http://thediplomat.com/2018/05/what-does-china-really-think-of-north-korea> (дата обращения: 25.03.2020).

согласованием политики в отношении КНДР, так и с определением будущего этой страны.

Есть немало оснований полагать, что уже имели место неформальные консультации, по крайней мере в рамках полуторной дорожки. Ввиду сугубо конфиденциального характера подобных бесед, судить о тематике обсуждений приходится в основном по косвенным признакам. Так, директор Института международных отношений при Пекинском университете Цзя Цинго известен рядом неординарных высказываний насчет целесообразности установления совместного протектората КНР и США над Северной Кореей (в другом варианте – совместно с Южной Кореей). Решающим моментом для этого должно стать устранение правления Ким Чен Ына и его команды путем осуществления совместной молниеносной операции спецслужб этих государств.

В настоящее время по вопросу о будущем мире на Корейском полуострове нет никакой ясности. Циркулируют идеи о движении по двум параллельным трекам: ускоренном подписании декларации о прекращении состояния войны между РК и КНДР (идея Мун Чжэ Ина) и работе по установлению «режима мира» в Корее при участии пока неопределенного числа активных игроков¹⁰⁵.

Тем не менее, на данном этапе очевидным является лишь одно: любым мероприятиям по установлению прочного мира на Корейском полуострове должны предшествовать полная и необратимая денуклеаризация Северной Кореи и ликвидация других видов ОМУ и средств их доставки. Без соблюдения этого условия режим мира и безопасности здесь едва ли может быть гарантирован. В целом, даже учитывая приведенный выше далеко не полный перечень сложных вопросов, можно предположить, что разработка стратегии прекращения состояния войны и установления режима прочного мира на Корейском полуострове будет одним из наиболее актуальных сюжетов в среднесрочной перспективе. При этом важно понимать, что он касается не только двух Корей, но и всех ее ближайших соседей, включая, естественно, и Россию.

¹⁰⁵ South Korean President Moon Jae In Hopes for 'New Era' of Complete Denuclearisation, Peace // The Business Times. 12.06.2018 // URL: <https://www.businesstimes.com.sg/government-economy/south-korea-president-moon-jae-in-hopes-for-new-era-of-complete-denuclearisation> (дата обращения: 25.03.2020).

4. СТРАТЕГИИ ОБЪЕДИНЕНИЯ КОРЕИ

4.1 Идея и перспективы воссоединения Кореи

Со времени окончания войны на полуострове вопрос об объединении Кореи остается одной из самых обсуждаемых тем. К сегодняшнему дню идея объединения превратилась в «священную корову»: любые сомнения в его необходимости рассматриваются и на Севере, и на Юге чуть ли не как предательство интересов корейской нации.

С момента принятия Совместной декларации Севера и Юга 4 июля 1972 г., в которой были согласованы взаимоприемлемые базовые принципы объединения – самостоятельность, мирное объединение и «великая национальная консолидация», – в межкорейских отношениях произошло немало крупных событий как позитивного, так и негативного плана. Тем не менее, принципиальный характер отношений с их взаимным недоверием, подозрительностью и восприятием соседней страны как потенциального противника, а не партнера по диалогу, с тех пор не изменился.

Было проведено огромное число встреч между представителями двух корейских государств на уровне глав министерств и правительств, а также пять встреч между высшими руководителями (в 2000 г., 2007 г. и 2018 г.), по итогам которых принимались декларации об улучшении отношений и развитии всестороннего сотрудничества. В начале 1990-х гг. были заключены наиболее важные соглашения – о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах, а также декларация о безъядерном статусе Корейского полуострова. После встречи в верхах между Ким Дэ Чжуном и Ким Чен Иром были запущены серьезные совместные экономические проекты: туризм в горы Кымгансан для южнокорейцев, а также совместная экономическая зона в районе г. Кэсон в КНДР.

Тем не менее, несмотря на огромное количество встреч, проектов и мероприятий, климат во взаимоотношениях практически остался прежним, конфронтационным. Более того, после прихода к власти в Сеуле консервативной администрации Ли Мён Бака (2008 г.) и ультражесткого преемника Ким Чен Ира в Северной Кореи (2011 г.) в межкорейских отношениях происходила быстрая эскалация напряженности и разрушение созданного ранее потенциала сотрудничества. Столь же неожиданно с начала 2018 г. по инициативе лидера Северной Кореи политический климат между Пхеньяном и Сеулом начал улучшаться.

Причина подобной динамики в первом приближении кроется в значительном влиянии личностей руководителей КНДР и РК на процессы в двусторонних отношениях, а также в некоторых внешних обстоятельствах. Ли Мён Бак фактически свел на нет подавляющее большинство договоренностей, достигнутых ранее лидерами КНДР и РК. В свою очередь Ким Чен Ын, обеспокоенный быстрым сближением Южной Кореи с США и Японией в военно-политической области, развернул масштабную программу создания ракетно-ядерных вооружений.

Однако главная причина неустойчивости и сохранения враждебности, на наш взгляд, носит более глубокий и фундаментальный характер. Прежде всего, обе Кореи не признают друг друга в качестве суверенных государств. В конституциях обеих стран сформулированы схожие положения о том, что их государственный суверенитет распространяется на территорию всего Корейского полуострова: в КНДР – на «южную часть Республики», а в РК считают всех корейцев, проживающих на Севере и на Юге, своими гражданами. Примечательно, что в упомянутом Соглашении о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах особо

отмечалось, что «отношения между КНДР и Республикой Корея не обычные межгосударственные, а временно сложившиеся в ходе продвижения к воссоединению»¹⁰⁶.

С самого момента подписания Соглашения о перемирии в РК действует Закон о национальной безопасности. Хотя его содержание с тех пор многократно корректировалось, неизменным оставался зафиксированный в документе базовый подход, в соответствии с которым территории к северу от демилитаризованной зоны рассматриваются как находящиеся под контролем «антигосударственной организации». Соответственно, гражданам РК запрещены несанкционированные поездки в Северную Корею, контакты с северокорейскими представителями в третьих странах, изучение политической и идеологической литературы, изданной в КНДР и восхваляющей северокорейский режим. За любые положительные высказывания в отношении КНДР и ее руководства также можно понести уголовное наказание¹⁰⁷.

Ввиду установленного в КНДР режима секретности доступ к аналогичным документам, существующим на Севере, отсутствует. Однако, насколько известно, часть запретов вошла в действующий уголовный кодекс.

Таким образом, можно констатировать, что любая попытка создать прочный каркас для гармонизации межкорейских отношений и налаживания взаимодействия в политике, дипломатии, экономике и культуре обречена на провал. Главная причина – отсутствие фундамента в виде юридически обязывающих и ратифицированных парламентами двух стран договоренностей о взаимном признании двух государств и установления между ними отношений мирного сосуществования. И дело заключается даже не в технических трудностях, а в уверенности каждого из двух корейских государств в своем превосходстве над другим как с точки зрения «политических мотивов», так и правовой легитимности и, соответственно, права представлять весь корейский народ.

Естественно, при таком алгоритме корейской «игры в объединение» всерьез говорить о наличии стратегий на этот счет у обоих корейских государств не приходится. Действительно официальные концепции и в КНДР, и в РК, скорее, представляют «парадную дипломатию», однако в условиях взаимного непризнания своих партнеров в качестве суверенных государств и равных партнеров по отношениям, взаимное маневрирование и «миролюбивые инициативы» носят тактический характер и нацелены преимущественно на пропагандистское обеспечение своих политических ходов.

Что касается КНДР, то к середине 70-х годов ее руководство полностью утратило надежды на перспективу объединения Кореи вооруженным путем. С конца же 80-х годов, когда явно обозначились тенденции к потере темпов в экономике и углублению разрыва между Севером и Югом в этой области, Пхеньян явно потерял интерес к перспективе объединения, хотя по идеологическим соображениям и продолжал заниматься «теоретическими изысканиями» в этом направлении, опасаясь «сморгнуть первым». Это привело к противоречивости стратегических установок, некоторые из которых были ориентированы на внешнюю аудиторию, а основная часть – на внутреннего «пользователя».

¹⁰⁶ Agreement on Reconciliation, Non-aggression and Exchanges and Cooperation between the South and the North. // URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/KR%20KP_911213_Agreement%20on%20reconciliation%20non%20aggression%20and%20exchangespdf.pdf (дата обращения: 25.03.2020).

¹⁰⁷ National Security Act // URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=26692&lang=ENG (дата обращения: 25.03.2020).

Базовая концепция КНДР воплотилась в выдвинутых еще в конце 80-х годов идеях Ким Ир Сена о создании на полуострове конфедеративного корейского государства. Название было взято от раннефеодального корейского государства Корё (X—XIV). Предполагалось, что формально единая страна будет иметь единое правительство, а также региональные администрации на Севере и на Юге, проводить общую внешнюю политику и располагать представительствами за рубежом, но в разных частях Кореи сохранится свое политическое и экономическое устройство, также идеологические системы и традиции.

Основные положения документа были сформулированы нарочито двусмысленно и расплывчато. Перспективы реального объединения страны в соответствии с этим планом представляются весьма призрачными в связи с глубокими различиями в политическом и социально-экономическом устройстве частей будущей единой Кореи, что фактически исключает возможность нормального согласования и проведения в жизнь общегосударственного курса¹⁰⁸.

При этом заранее и без консультаций с РК декларируется, что «Конфедеративная Республика должна стать нейтральным государством, не участвующим ни в каких военно-политических союзах и блоках, и активно развивать дружественные отношения, прежде всего, с соседними странами»¹⁰⁹.

Однако во внутренней политике руководство КНДР постепенно теряет интерес к целям воссоединения, поскольку вполне очевидно, что возможность доминирования Пхеньяна в объединенной Корее практически отсутствует. И более того, в случае быстрого сближения двух Корей вполне реальна перспектива растворения «особенностей» северокорейских порядков и устоев под влиянием южнокорейского влияния, а также при несомненном воздействии со стороны США.

Вместе с тем, поскольку публичный отказ от целей объединения для руководства КНДР по определению невозможен, внутренней аудитории внушается, что Юг Кореи остается оккупированной территорией, поэтому практически приступить к продвижению в вопросе объединения возможно только после изгнания американских войск и отстранения от власти «марионеточной» администрации. Впрочем, даже при такой постановке вопроса Пхеньян не отказывается от торгово-экономических контактов с Южной Кореей, предпочтительно в форме получения безвозмездной помощи и содействия со стороны Юга.

В южнокорейском экспертном сообществе дискуссии о приоритетах политики в отношении КНДР постоянно продолжаются. Вместе с тем, в стране за последние тридцать лет наработаны стратегические подходы, которые в своей основе сохраняются в арсенале объединительной политики Сеула в обозримой перспективе вне зависимости от смены правящих администраций. Хотя, конечно, приход в Голубой дом новой консервативной или либеральной администрации, как правило, существенно отражается на установках политики в отношении Севера. И все же борьба мнений в руководящих кругах страны касается преимущественно тактической линии, а не долгосрочного принципиального курса в отношении Пхеньяна, который, хотя и подвержен определенной эволюции, в своих основных чертах сохраняет устойчивость и постоянство.

Южнокорейский истеблишмент в своих подходах к решению проблем полуострова в принципиальном плане исходит из того, что северокорейский режим несостоятелен как в политическом, так и экономическом плане, и не способен

¹⁰⁸ Конфедерация как вариант единой Кореи // URL: <http://korealife.do.am/publ/32-1-0-432> (дата обращения: 25.03.2020).

¹⁰⁹ Предложение о создании Демократической Конфедеративной Республики Корё // URL: <http://www.juche.ru/article/rodina/predlozhenie> (дата обращения: 25.03.2020).

поддерживать свою жизнеспособность на протяжении длительного отрезка времени. Соответственно, по мере накопления изменений в системе и стихийного формирования в недрах экономики квазирыночных или иных независимых от государства отношений руководство рано или поздно столкнется с невозможностью сохранять внутри страны статус-кво и обеспечивать ее изолированность от внешнего мира. В результате возникнут новые условия для развития межкорейских отношений, создающих предпосылки экономической интеграции Севера и Юга, а затем и объединения Кореи. В ситуации подавляющего экономического и научно-технического превосходства над Севером Южная Корея рассчитывает получить возможность в решающей степени влиять на условия, параметры, этапы и сроки национального объединения. С этой целью южнокорейским министерством объединения разрабатывается комплекс перспективных мер по поэтапной адаптации социальных и экономических механизмов двух стран, преодолению несовместимости инфраструктурных, технологических, энергетических и других систем жизнедеятельности.

Основные споры, которые сейчас ведутся как на официальном уровне, так и в экспертной среде, касаются вопроса о том, насколько долго будут продолжаться процессы разложения северокорейского строя. И, главное, успеют ли общество и власти РК должным образом подготовиться к назревающим и неизбежным переменам на Севере, с тем чтобы избежать значительных потрясений для своей экономики и политической жизни.

В этом смысле традиционно рассматриваются два основных сценария. Первый подразумевает постепенное ослабление и «подгнивание» КНДР, в результате чего Южная Корея получает определенную фору во времени, чтобы в финансовом и организационном плане подготовиться к созданию новой экономической системы (сообщества), охватывающей обе части Кореи.

При этом администрация Мун Чжэ Ина не считает, что реальное политическое объединение обоих корейских государств произойдет в быстрые сроки. Согласно ее позиции, которая разделяется влиятельными элитами, успех политической интеграции будет определяться как темпами всесторонних реформ на Севере, так и налаживанием совместимости экономических структур в обеих частях Кореи¹¹⁰.

Еще один важный момент – развитие широкого, хотя и контролируемого по линии властей межкорейского общения, которое призвано обеспечить постепенную психологическую притирку и снижение риска возможных конфликтных ситуаций между населением двух частей Кореи. Временные параметры данной многоходовой программы определены лишь в самом предварительном порядке. Поскольку никто не может даже предположительно сказать, что брать за точку отсчета начала интеграционных процессов, то и достоверного расчета прохождения интеграции через последовательные этапы никто сейчас просчитать не в состоянии. Единственно, в чем твердо уверены специалисты, равно как и представители официальных кругов – это то, что окончательное объединение КНДР и РК в одно государство окажется весьма длительным процессом. Согласно некоторым самым предварительным прикидкам, даже при самом благоприятном стечении внутренних

¹¹⁰ Policy Roadmap of the Moon Jae-in Administration. Press release (unofficial translation – for reference only, original text in Korean) 19 July 2017. // URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwiHjYSQs7rkAhXimIsKHelpAngQFjAAegQIBRAJ&url=http%3A%2F%2Fwww.korea.net%2Fkoreanet%2FfileDown%3FfileUrl%3D%2Fupload%2Fcontent%2Ffile%2F1500533508268.pdf&usg=AOvVaw0QN08a7kHnNSL7BKpG-ajG> (дата обращения: 25.03.2020).

и внешних обстоятельств это произойдет не ранее, чем через 10–15 лет с момента реального и устойчивого начала движения Севера и Юга навстречу друг другу при отсутствии новых срывов в конфронтацию.

Второй, наименее желательный сценарий, подразумевает стремительный обвал ситуации в Северной Корее и, следовательно, необходимость срочного интрузивного вмешательства в ее дела. Эта опция весьма активно прорабатывалась при бывшем президенте РК Пак Кын Хе, которую впечатлило почти молниеносное объединение Германии, когда мало кто ожидал подобного развития событий.

Пак Кын Хе публично заявляла о том, что объединение Кореи может произойти неожиданно и в самые близкие сроки, поскольку северокорейский режим способен рухнуть в любой момент под грузом накопившихся проблем. Соответственно, на повестку дня была поставлена подготовка чрезвычайных мероприятий на случай «вакуума власти» или хаоса на Севере, чтобы, по возможности, купировать подобные проявления и оперативно решить проблему объединения путем поглощения¹¹¹.

В этих целях государственным исследовательским центрам было дано указание подготовить планы создания в Северной Корее местных гражданских администраций из числа компетентных южнокорейских экспертов и, возможно, наиболее активных северокорейских перебежчиков. Для обучения этого контингента навыкам руководства по линии министерства объединения РК, а также силовых ведомств была создана сеть подготовительных курсов и школ. После импичмента Пак Кын Хе эта бурная кампания постепенно сошла на нет, однако ее наработки, несомненно, сохраняются в качестве одной из перспективных опций реагирования на возможные события на Севере.

Практически все эксперты признают, что одна из главных проблем на начальном и более продвинутом этапах объединения – это стабилизация социально-экономической ситуации в Северной Корее и проведение там необходимых экономических реформ. Также понятно, что в данном случае проведение преобразований едва ли ограничится модернизацией каких-то отдельных предприятий и переобучением рабочей силы. Промышленный, транспортный, инфраструктурный, сельскохозяйственный сектора экономики, которые создавались в 1970-х и в начале 1980-х гг. не только морально и физически устарели, но и пришли в полную негодность. Поэтому оставшиеся рудименты деградировавшей северокорейской экономики необходимо будет полностью демонтировать и создавать ее заново.

Никто не представляет, в какую сумму могут вылиться соответствующие расходы. Эксперты называют цифры от 500 млрд до 3 трлн. долл. США, однако очевидно, что точно просчитать их невозможно, и окончательная сумма может оказаться, по крайней мере, в несколько раз больше¹¹².

Очевидно, что такими средствами Южная Корея не располагает и располагать не будет, даже если ужмет все расходы на военные, социальные и иные цели и введет дополнительные «налоги на объединение». Возможные варианты выхода из этой ситуации в РК прорабатываются по линии ведущих финансовых и экономических центров, однако, насколько известно, реалистических сценариев пока

¹¹¹ Пак Кын Хе пообещала изолировать Северную Корею // URL: <http://prokorea.ru/politics-military/pak-kyn-khe-pobeshchala-izolirovat-severnuyu-koreyu.html> (дата обращения: 25.03.2020)

¹¹² Revesz R. North Korea crisis: Re-unification alone 'would cost \$3 trillion' after war, professor says // Independent. 30.04. April 2017. // URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/north-south-korea-reunification-kim-jong-un-dictator-donald-trump-president-nuclear-war-ballistic-a7710001.html> (дата обращения: 25.03.2020).

не просматривается. В качестве предварительной идеи предлагаются различные планы создания международного банка (пула, консорциума) при участии зарубежных доноров, особенно из числа ближайших соседей Кореи, вовлеченных в проблемы полуострова. На официальном уровне эти идеи не озвучивались и существуют лишь в качестве личных или коллективных выкладок южнокорейских экономистов¹¹³.

Впрочем, если попытаться спрогнозировать возможное появление в Южной Корее новых идей и стратегий межкорейских отношений, то основное внимание следует обратить на взгляды молодого поколения, учитывая, что, гипотетически возможное объединение, скорее всего, может состояться в весьма отдаленной перспективе – по прикидкам Дипломатической Академии МИД РК, не ранее 2040–2050 гг. Следует заметить, что число явных сторонников воссоединения с Севером по мере омоложения южнокорейского населения стремительно сокращается. В конце 1990-х гг. 95% граждан полагало, что создание единого государства должно состояться непременно. Однако теперь отношение к этому вопросу быстро меняется. По данным опросов общественного мнения, сейчас около 30% граждан в возрасте от 20 до 30 лет не только демонстрирует равнодушие к этой теме, но и считает, что объединение не нужно и не готово жертвовать своим благополучием ради повышения жизненных стандартов северокорейского населения¹¹⁴.

Около четверти населения считает, что наиболее разумной политикой в отношениях между Югом и Севером стало бы сохранение статус-кво. Они готовы воспринимать КНДР как соседа – особенно, если тот проявит склонность разоружиться и отказаться от агрессивной политики, мирно сосуществовать с ним, но отказаться от политики объединения, которая, по мнению многих, способна только принести беспорядок в устоявшуюся жизнь южнокорейцев.

Кстати, не следует думать, что все население Северной Кореи однозначно выступает за объединение, прекрасно понимая, что оно пройдет на условиях более сильной и развитой страны, то есть Южной Кореи. Подавляющая часть северокорейской бюрократии, включая административный аппарат, спецслужбы, офицерский состав армии вовсе не считает, что жизнь в едином государстве даст им ощутимые преимущества. Часть из них может попросту оказаться без дел, а другая часть, включающая политическую верхушку, – понести наказание за преступления, совершенные против прав и свобод северокорейских граждан. Это создает весьма сложную ситуацию, разрешение которой вряд ли произойдет на основе взаимно удовлетворяющего компромисса двух корейских сторон.

Иначе говоря, будущая стратегия Южной и Северной Кореи в отношении достижения объединения в ближайшие несколько лет может кардинально измениться. Вместо целей объединения на первый план может выйти стратегия мирного или умеренно конфликтного существования двух Корей в течение довольно длительного промежутка времени без цели форсированного объединения. При этом в случае отказа Северной Кореи от ракетно-ядерного оружия и ее политического реформирования общение Северной и Южной Кореи может протекать вполне

¹¹³ Reuniting North Korea and South Korea could cost trillions of dollars // CBS News.12.06.2018 // URL: <https://www.cbsnews.com/news/reuniting-north-korea-and-south-korea-could-cost-trillions-investment> (дата обращения: 25.03.2020). См. также: Powell J. The hypothetical reunification of Korea // Financial Times. 10. 05. 2018 // URL: <https://ftalphaville.ft.com/2018/05/10/1525973629000/The-hypothetical-reunification-of-Korea> (дата обращения: 25.03.2020).

¹¹⁴ Is Reunification Possible for North and South Korea? // Smithsonian.com. 24.01.2018 // URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/reunification-even-possible-north-south-korea-180967933/> (дата обращения: 25.03.2020).

нормально, без прежних эксцессов.

Отдельным непростым вопросом, связанным и с проблемой объединения, и с темой обеспечения безопасности на полуострове, является формальное прекращение войны и заключение мирного договора вместо соглашения о перемирии, подписанного еще в 1953 г. В рамках данной работы мы не имеем возможности подробно проанализировать все связанные с этим процессы и противоречия, существующие между вовлеченными государствами. Хотя эта тема сохраняет актуальность, особенно после предпринятых КНДР шагов по улучшению отношений с США и Южной Кореей, неоспоримым фактом является то, что ни одна из заинтересованных стран не располагает продуманной стратегией решения данного вопроса. В кругу этих стран нет даже четкого понимания по вопросу о том, кто будет в числе возможных подписантов будущего договора, не говоря уже о его содержательном наполнении.

Договор, если и когда он будет подписан, должен предусматривать в обязательном порядке решение следующих вопросов: установление межгосударственных, дипломатических отношений между КНДР с одной стороны и США и Японией – с другой; взаимное признание КНДР и РК как равноправных суверенных государств и внесение соответствующих изменений в конституции и национальное законодательство для приведения его в соответствие с новым статусом межкорейских отношений. Также нужно предусмотреть порядок преобразования демилитаризованной зоны в межгосударственную границу, и, соответственно, урегулировать все пограничные споры между КНДР и РК, чему должно способствовать заключение фундаментального Договора об основах отношений между двумя странами, где были бы четко и недвусмысленно прописаны все наиболее важные моменты.

4.2. Эволюция и факторы политики РК в отношении Севера и перспектив реинтеграции

В южнокорейском обществе с 2017 г. дискуссии о приоритетах политики в отношении КНДР перешли в острую политическую полемику относительно практических мер, реализующих идеи долгосрочного развития межкорейских связей и объединения Кореи. За последние тридцать лет в стране наработаны два ключевых стратегических подхода, которые в полной мере проявились в период северокорейского ядерного кризиса 2017–18 гг. и с высокой степенью вероятности, в своей основе, сохраняются в арсенале внешней политики Сеула в обозримой перспективе. Вопрос состоит лишь в том, какая из стратегических линий внешнеполитического курса в межкорейских отношениях станет доминирующей. На приоритетах Республики Корея в отношении объединения Кореи сказывается совокупное влияние таких ключевых факторов, как внутренние политические и социально-экономические процессы, колебания внешнеполитической линии северокорейского режима, политика региональных держав в отношении Корейского полуострова.

Южнокорейские элиты в своем стремлении решить весь комплекс проблем на Корейском полуострове исходят из того, что КНДР в обозримой перспективе по мере разложения тоталитарной системы и вызревания рыночных отношений неизбежно столкнется с невозможностью сохранить статус-кво внутри страны и обеспечивать тотальную изолированность от внешнего мира. В результате возникнут новые условия развития межкорейских отношений, создающих предпосылки экономической интеграции Севера и Юга, а вероятно и объединения Кореи.

При этом северокорейский потенциал несопоставим с экономическими, научно-техническими и финансовыми ресурсами Республики Корея, не говоря уже о кадровых, институциональных, правовых, информационных и управленческих возможностях Южной Кореи, позволяющих последней в решающей мере задавать курс и определять характер межкорейского делового взаимодействия, формировать базу сотрудничества и объединения страны. Однако южнокорейской стороне приходится считаться с военным потенциалом КНДР, возможностью северокорейской стороны регулировать межкорейские обмены в социальной и гуманитарных сферах, попытками использовать в своих интересах внешнеполитическое влияние Китая и России, что в совокупности призвано повысить переговорный потенциал северокорейской дипломатии.

В этом контексте позиция Республики Корея должна представлять собой набор комплексных и гибких решений, которые смогли бы обеспечить максимальное использование южнокорейских преимуществ при нейтрализации северокорейских угроз и обеспечения согласованных действий по продвижению межкорейского взаимодействия в той форме и на таком уровне, которые отвечали бы долгосрочным интересам Республики Кореи, также как ее стратегическим целям и объективным возможностям.

Ключевые стратегии объединения: консерваторы против либералов

Исторически, в том числе в 1980-е и 1990-е гг., в Южной Корее преобладал консервативный подход к возможностям развития отношений с Севером. Его характеризовали сочетание официальных заявлений о необходимости объединения Кореи и настороженного подхода Сеула к позиции Пхеньяна в отношении развития межкорейских связей. В 2008–2016 гг., хотя и в обобщенном виде, в этом вопросе президентами Ли Мён Баком и Пак Кын Хе были расставлены акценты правоконсервативных предпочтений. Наиболее настойчиво соответствующие предложения продвигала президент Пак Кын Хе, которая выдвинула три связанные между собой концепции, направленные, в итоге, на обеспечение сближения двух корейских государств. В марте 2014 г. ею была озвучена «Дрезденская инициатива», намечавшая в качестве главной цели улучшение жизни людей на Корейском полуострове, для чего предлагалось «три повестки дня для северокорейского руководства – решение гуманитарных проблем жителей Юга и Севера Кореи, создание инфраструктуры совместного процветания Юга и Севера, а также восстановление чувства единой нации»¹¹⁵.

При этом позиция консерваторов, обозначенная Пак Кын Хе, предусматривала поддержку или как минимум благожелательный нейтралитет со стороны региональных держав, вовлеченных в урегулирование ситуации на Корейском полуострове. Выступая с инаугурационной речью 25 февраля 2013 г., она подчеркнула: «Мы построим еще более доверительные отношения с США, Китаем, Японией, Россией и другими странами Азии и Океании для укрепления мира и сотрудничества в регионе путем снижения напряженности и числа конфликтов». Обращаясь (8 марта 2013 г.) к членам обеих палат Конгресса США, южнокорейский президент предложила «Инициативу по укреплению мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии»¹¹⁶.

Логика выдвинутых инициатив подтолкнула Пак Кын Хе идти дальше в сторону

¹¹⁵ Инициатива по укреплению мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Путь к миру и сотрудничеству, преодолевая «азиатский парадокс». Сеул: Министерство иностранных дел РК. 2014. С.33.

¹¹⁶ Там же. С.1-2.

расширения политических и экономических связей с Китаем и Россией в рамках *евразийского направления*. Корни этой концепции уходят в *Nordpolitic* («Северная политика»¹¹⁷) – инициативе президента Ро Тэ У об установлении официальных отношений с Москвой и Пекином. Хотя термин *Nordpolitic* впервые ввел в оборот министр иностранных дел РК Ли Бём Сок в 1983 г., в качестве стратегической концепции она была представлена Ро Тэ У в 1988 г.

На протяжении трех десятилетий курс на развитие отношений с северными соседями наполнялся конкретным содержанием, корректировался, интенсивность его реализации была неоднородной, возникали попятные движения, однако в целом он закрепился в качестве долгосрочного внешнеполитического приоритета Южной Кореи. При этом *евразийскость* южнокорейской дипломатии подразумевает стремление продемонстрировать отказ от ментальности «островного государства» – мышления, закодированного исключительно на гальванизацию внешней политики времен «холодной войны», желание продемонстрировать континентальным державам (КНР и РФ) готовность к развитию партнерских отношений.

Стратегия консерваторов не дала желанного результата по нескольким причинам. Во-первых, неудовольствие Пхеньяна вызвало то обстоятельство, что Сеул в одностороннем порядке разрабатывал «рецепт» корейского урегулирования, отводя северокорейскому режиму роль стагнирующего и ведомого партнера. Во-вторых, заданная Пак Кын Хе тема «региональности» ограничивала для Пхеньяна возможности дипломатического маневра. В-третьих, как и Ли Мён Бак, Пак Кын Хе давала понять, что выступает за ужесточение контроля за предоставлением экономической помощи КНДР. Несовпадение концептуальных основ поддержания конструктивного диалога на фоне растущих ядерных амбиций северокорейского режима привели в 2016–17 гг. к фактическому свертыванию межкорейских отношений во всех форматах.

Отношение в Республике Корея к консервативной стратегии отношений с Севером усугубляло то обстоятельство, что ее активный проводник – президент Пак Кын Хе – была смещена со своего поста в результате импичмента. Хотя недовольство общественности концентрировалась на провалах ее внутренней политики, в общем потоке негативных оценок оказался и проводившийся в период ее правления характерный для консерваторов сдержанный курс в отношениях с КНДР.

Леволлиберальная стратегия, инициированная в начале XXI века президентом Ким Дэ Чжуном (1998–2002 гг.) и его приемником Но Му Хёном (2002–2007 гг.) получила название «*политика солнечного тепла*». Она предусматривала активизацию межкорейских связей на базе расширения экономической помощи Юга Северу, реализацию ряда коммерческих проектов (крупнейший из них – индустриальный парк Кёсон), расширение культурных и гуманитарных обменов, в том числе путем поддержки воссоединения семей. Главная слабость данной стратегии состояла в несбалансированности шагов Севера и Юга: Сеул выдвигал инициативы, которые Пхеньян избирательно оценивал и давал им свою трактовку. В итоге Юг нес серьезные материальные издержки, при том что продвижение в области гуманитарных обменов было минимальным, а кардинально изменить характер межкорейских экономических обменов не получилось. Все это критически оценивалось значительной частью южнокорейского общества.

Предлагаемый с 2017 г. леволлиберальными кругами курс в отношении Северной Кореи, хотя и исходит из предшествующего опыта, в современных условиях подразумевает ряд новых положений. Прежде всего, отдавая дань своим

¹¹⁷ По аналогии с «Восточной политикой», проводившейся ФРГ в отношении СССР и стран Восточной Европы в 1970-е и 1980-е годы.

предшественникам, нынешнее руководство страны во главе с президентом Мун Чжэ Ином стремиться учесть сделанные в 2000–2007 гг. ошибки, в связи с чем пытается избежать поспешных шагов и каких-либо секретных договоренностей с Пхеньяном, которые могли бы дать основания обвинить нынешнюю администрацию в «финансовом стимулировании» северокорейской стороны к достижению согласия. Подозрения консерваторов, что Пхеньян может получить материальное вознаграждение за свое участие в переговорах (как это случилось при президенте Ким Дэ Чжунге) или, приняв южнокорейскую экономическую помощь, не сделать встречных конструктивных шагов, разделяют достаточно широкие слои общества.

В этой связи администрация президента Мун Чжэ Ина выдвигает вариант более осторожной и взвешенной политики в отношении КНДР, предлагая идею «со-процветания» и «трех нет»: нет коллапсу северокорейского государства, нет объединению путем поглощения, нет объединению «искусственными средствами»¹¹⁸.

Администрация Мун Чжэ Ина вынуждена проявлять максимальную гибкость, избегая двух крайностей. Пойдя на сближение с Севером, Мун Чжэ Ин, с одной стороны, дает понять, что отступление от выбранной линии к прежней стратегии противостояния невозможно. С другой стороны, нынешняя администрация не готова брать на себя сколько-нибудь значительные финансовые обязательства перед Пхеньяном до начала реальных шагов к отказу КНДР от ракетно-ядерного оружия.

Одновременно администрация Мун Чжэ Ина, несмотря на декларации о размежевании с политикой своей предшественницы, берет на вооружение некоторые важные положения консервативной стратегии в отношении КНДР. Прежде всего это относится к сохранению в арсенале южнокорейской дипломатии курса на сотрудничество с Пекином и Москвой, вновь именуемого «Северной политикой».

Дискуссии ведутся и в южнокорейском парламенте. Озвученные партиями позиции по северокорейскому вопросу в своем большинстве сходятся в осуждении проведения КНДР ракетно-ядерных испытаний и в призывах к северокорейскому руководству встать на путь диалога¹¹⁹. Причем еще в декабре 2014 г. руководство Национального собрания выступало с инициативой организации встреч и обмена мнениями между парламентариями Юга и Севера Кореи в случае невозможности проведения межправительственных переговоров между КНДР и РК.¹²⁰

В то же время 26 членов парламента от оппозиционной нынешнему президенту Мун Чжэ Ину партии Свободная Корея выступили 31 августа 2017 г. с инициативой принятия парламентом резолюции о ядерном вооружении Южной Кореи, так как «недопустимо смотреть сквозь пальцы на ядерную монополию Северной Кореи»¹²¹. Говоря от лица 26 своих коллег, депутат Вон Ю Чоль (Won Yoo-chul) отметил: «Настало время отказаться от бессильных санкций, к использованию которых мы постоянно прибегали на протяжении последних двадцати лет, и сменить парадигму нашей политики безопасности, с тем чтобы защитить нашу территорию и население... Следует информировать международное сообщество о тех чрезвычайных обстоятельствах, в которых мы оказались, и заявить, что ядерное

¹¹⁸ Moon Jae-in's Policy on the Korean Peninsula. - Seoul: Ministry of Unification, 2017. 35 p.

¹¹⁹ Parties condemn N. Korea missile launch // The National Assembly of the Republic of Korea. 31. 08. 2017 // URL: <http://korea.assembly.go.kr/inc/popPrint.jsp> (дата обращения: 25.03.2020).

¹²⁰ Assembly speaker voices for inter-Korean talks next year // The National Assembly of the Republic of Korea. 19. 12. 2014 // URL: <http://korea.assembly.go.kr/inc/popPrint.jsp> (дата обращения: 25.03.2020).

¹²¹ Lawmakers propose resolution calling for S. Korea nuclear armament amid N.K. threats // The National Assembly of the Republic of Korea. 31.08. 2017 // URL: <http://korea.assembly.go.kr/inc/popPrint.jsp> (дата обращения: 25.03.2020).

вооружение необходимо нам для обеспечения мира на Корейском полуострове и самообороны»¹²².

Хотя такая позиция не является ни доминирующей в политических, экономических или экспертных элитах, ни способной влиять на практические и законодательные решения в этой области, она отражает настроения части южнокорейского общества, озабоченного неспособностью руководства Республики Корея и мировых держав сдерживать рост ракетно-ядерного потенциала КНДР, который рассматривается на Юге как прямая угроза безопасности страны.

Указанные выше стратегии объединения страны являются доминирующими – на их базе выстраиваются южнокорейские внешнеполитические приоритеты. Вместе с тем это не исключает их корректировки и эволюции на горизонте 10–15 лет в зависимости от изменений внутренних и внешних экономических и политических условий. Некоторые из такого рода долгосрочных тенденций, уже обозначившихся в последние годы, скорее всего, сохраняют свое действие и заслуживают того, чтобы быть принятыми во внимание в процессе прогнозирования. Другие пока лишь обозначаются, но также заслуживают внимания при оценке перспектив объединения Кореи.

Стратегии объединения: вероятные тренды и метаморфозы в прогнозный период

Объединение Кореи – важнейший вопрос, ответ на который определяет стратегию развития южнокорейского государства, его внутреннюю и внешнюю политику. Еще в 90-е годы данная задача рассматривалась в качестве национального приоритета, оставляя место для дискуссий лишь о том, как следует стимулировать этот процесс, в какие сроки и за счет чего добиваться окончательного его завершения – разумеется, путем абсорбции Югом Севера.

За два десятилетия XXI века, однако, проявилось влияние факторов, существенно осложнивших постановку вопроса об объединении, а также разработку и реализацию южнокорейской стратегии создания единой Кореи. При этом Сеулу по-прежнему видится неизбежным и закономерным процесс разложения авторитарного северокорейского режима, его трансформация в рыночно-ориентированное, более открытое внешнему миру государственное образование. Вместе с тем ряд объективных тенденций на Корейском полуострове, в том числе в Республике Корея, а также воздействие крупнейших мировых держав объективно влияют на то, как может эволюционировать южнокорейская стратегия объединения Кореи в период до 2035 г. При этом новые обстоятельства приходится принимать во внимание южнокорейским политическим элитам как консервативного, так и леволиберального толка.

Экономический фактор заслуживает первоочередной оценки, поскольку его значение ощутимо влияет на возникновение прочих ограничителей и рисков, затрудняющих движение к объединению страны. Важнейшая проблема – постоянно растущая величина «стоимости» модернизации северокорейской экономики. По последним оценкам, сумма финансовых вложений, необходимых для обновления инфраструктуры и подъема ключевых социальных показателей Севера до 2/3 от южнокорейского уровня, может составить около 3 трлн долл. США. Такие расходы на протяжении десятилетий могут стать для Республики Корея тяжелым бременем в период, когда южнокорейская экономика нуждается в развитии инновационных технологий, а также в модернизации промышленной и социальной инфраструктуры.

¹²² Ibid.

Привлечение же средств международных организаций и иностранных партнеров станет сложной внешнеполитической задачей, подразумевающей решение многих экономических, дипломатических и других проблем.

Политические ограничители связаны с необходимостью адаптации государственных институтов, механизмов управления, а также роли и статуса правящих элит к реалиям процесса объединения. Связанные с этим риски и вызовы могут нести в себе не меньшие, если не большие по сравнению с финансовыми издержками угрозы и риски¹²³.

В последние годы обозначились новые ограничители ментального характера. Демократизация повышает значение во внешней политике общественных приоритетов, которые, в свою очередь, отражают политические и социальные предпочтения тех или иных социальных групп. Отсюда злободневность широких публичных дискуссий по вопросам межкорейских отношений и перспектив объединения, которые задают параметры общественных настроений, оказывающих воздействие на формирование внешнеполитического вектора. Перспектива объединения остается актуальной темой для большинства населения. Однако все более острыми становятся дискуссии о его сроках, механизмах и параметрах; большое значение приобретает сопоставление условий и баланса выгод и издержек объединения на тех или иных условиях. Приходится принимать во внимание и тот факт, что южнокорейская молодежь воспринимает себя скорее южнокорейцами, нежели корейцами, а потому гораздо сдержаннее, чем старшее поколение, относится к самой идее объединения страны¹²⁴. Если эта тенденция будет усиливаться, она окажет существенное влияние на позицию Южной Кореи в отношении объединения.

Внешнеполитические ограничители вызваны прежде всего низким уровнем доверия между региональными державами, вовлеченными в процесс обеспечения безопасности и международного сотрудничества на Корейском полуострове и вокруг него. Содержание южнокорейской стратегии объединения в значительной мере связано с тем, какая из двух тенденций в итоге возобладает – курс на международное сотрудничество или на соперничество. Дипломатическая активность как консервативных, так и либеральных администраций за последние двадцать лет была направлена на формирование благоприятной внешнеполитической среды для проведения Южной Кореей мягкого курса в отношении КНДР. Тем не менее степень доверия государств, вовлеченных в корейское урегулирование, остается невысоким.

На долгосрочных приоритетах Сеула существенно скажется и то, какие результаты принесет политика, инициированная президентом Мун Чжэ Ином, до истечения его полномочий в 2022 г. Помимо упомянутых выше принципиальных подходов нынешней южнокорейской администрации к КНДР следует упомянуть фактический перевод акцента обсуждения с проблем безопасности и ракетно-ядерных вооружений на вопросы экономического развития и интересов межкорейского, а также регионального сотрудничества.

Речь не идет о забвении южнокорейской стороной наличия у Северной Кореи ракетно-ядерного потенциала, от которого Пхеньян, по мнению администрации Мун Чжэ Ина, должен безусловно отказаться. Скорее, возникает допущение, что в случае согласия КНДР не прибегать к угрозам и не наращивать свои существующие возможности Сеул готов был бы согласиться с пролонгацией решения всего

¹²³ Подробнее см.: Объединение Кореи: возможные вызовы и ловушки. М.: ИМЭМО РАН, 2016 г. 33 с.

¹²⁴ Glosserman B., Snyder S.A. Japan – South Korea Identity Clash: East Asian Security and the United States. N.Y.: Columbia University Press, 2015. 219 p.

комплекса проблем отказа Пхеньяна от ракетно-ядерных сил. Начало же в какой-либо форме переговоров по этой теме (даже в случае их продолжительного характера), в том числе с участием США, дает основание Мун Чжэ Ину продемонстрировать южнокорейской общественности, что межкорейские отношения движутся в правильном направлении. При этом главное бремя решения вопроса денуклеаризации было бы переложено на Вашингтон и Пекин, притом что формально Сеул остается договаривающейся стороной в постоянном контакте со всеми остальными участниками переговоров.

Республика Корея, со своей стороны, сконцентрировалась бы на экономических аспектах своих отношений с КНДР, делая именно это стержнем своей долгосрочной стратегии развития межкорейских отношений. При таком подходе складываются условия для достижения ключевых для Юга целей, среди которых: снижение рисков непредсказуемых процессов в Северной Корее; перевод в длительную прогнозируемую фазу трансформации КНДР на базе рыночных принципов; втягивание северокорейских элит в постоянный процесс прагматичных обменов делового, культурного и личного характера; постепенное подключение международных организаций и региональных держав к участию в межкорейских проектах и модернизации северокорейской экономики; создание современных институтов.

Однако сколько-нибудь значительная неудача в реализации такого рода стратегии способна вызвать ее корректировку или даже кардинальный пересмотр. Причиной могут стать застой или срыв переговорного процесса по ядерному разоружению КНДР, разочарование Сеула или Пхеньяна в своих ожиданиях, неудовлетворенность Севера и Юга реальным выполнением контрагентом своих обязательств, а также давление со стороны региональных держав.

В этом случае вероятна модификация стратегии за счет использования арсенала консервативных инструментов внешней политики. Вместе с тем модификация будет иметь свои пределы. В результате, преобладающей тенденцией может стать синтез стратегий. В его основе будет лежать объединение различных подходов на основе взглядов и интересов среднего класса. Как правило, его взвешенная политическая позиция влияет на общие настроения избирателей, которые во все большей степени становятся сторонниками умеренных взглядов: если на президентских выборах 1997 г. таких воззрений придерживалось 20% всех опрошенных, значительно уступая в численности консерваторам и приверженцам левых взглядов, то в 2012 г. – уже 59%¹²⁵.

Стратегические приоритеты южнокорейской дипломатии, в том числе связанные с проведением «Северной политики», дают Москве возможность искать пути активизации своей политики на Корейском полуострове. Однако объективные пределы «лояльной самостоятельности», определяемые тесными военно-политическими связями Сеула и Вашингтона, историческими контактами элит, а также финансовой и научно-технической зависимостью РК от США, будут определять риски и ограничители партнерства РФ и РК. Стратегической целью будет стремление добиться, несмотря на сохранение военно-политических противоречий между региональными державами, договоренности об учете взаимных стратегических интересов на Корейском полуострове, что, в конечном счете, должно обеспечить их совместную политическую, экономическую и гуманитарную поддержку объединения Кореи, которое в силу объективных причин будет с высокой долей вероятности реализовываться по южнокорейскому сценарию.

¹²⁵ Wonjae Hwang. South Korea Changing Foreign Policy: Impact of Democratization and Globalization. London, Lexington Books, 2017. 131 p.

5. США В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

5.1 От «перебалансировки» в АТР к задаче более эффективной защиты американских экономических интересов в регионе

В период деятельности администрации Б. Обамы на смену сравнительно статичной и «созерцательной» политике США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая проводилась в 2000-е годы, был провозглашен курс на стратегический разворот американской внешней политики в сторону АТР. Необходимость подобного разворота обосновывалась тем, что в этом регионе процессы экономического и политического развития протекают все более бурно. Вместе с тем в регионе сохраняется неопределенность дальнейших перспектив, возникают серьезные вызовы и конфликтные ситуации. При отсутствии, с точки зрения США, адекватных механизмов региональной координации они должны взять на себя роль «дирижера оркестра», обеспечивающего поддержание адекватной системы управления (management) конфликтами и развитием и сохранение иерархии «балансов» в АТР.

Безусловно, одним из главных побудительных мотивов для такой «переоценки ценностей» стало стремительное возвышение Китая, который быстро завершил свое встраивание в современные тренды и фактически стал претендовать на роль одной из доминирующих сил в регионе – силы, способной подорвать позиции США в этом районе мира.

Новая азиатская доктрина Вашингтона в обобщенном виде сводилась к следующим основным положениям.

- *Создание более гибкой и диверсифицированной системы взаимоотношений с союзниками.* В расчете на перспективу совокупность американских двусторонних альянсов в регионе мыслилась как своего рода тихоокеанское кольцо, в рамках которого Вашингтон играл бы ключевую роль в проведении политики безопасности, но при более активной роли своих «младших партнеров».

- *Выстраивание более обширной системы партнерств с ключевыми и близкими по политической ориентации игроками в регионе* (Индия, Новая Зеландия, страны ЮВА и южной части тихоокеанского бассейна). Цель – образование «второго пояса» для продвижения американских интересов.

- *Более четкое определение алгоритма взаимоотношений с КНР,* предполагающее развитие экономического и ограниченного политического взаимодействия с ним при сдерживании амбиций Пекина в тех областях, где это противоречит американским интересам.

- *Мягкое купирование попыток третьих стран, прежде всего России, инициировать создание широких региональных организаций по проблемам безопасности, альтернативных американоцентричной системе.* В качестве исключения допускалось создание подобного механизма для СВА как для наиболее «проблемного» субрегиона с целью организации дополнительного рычага давления на КНДР и, возможно, для побуждения Пекина к проведению более транспарентной политики.

- *Борьба против торгового протекционизма и обеспечение экономических интересов США за счет выстраивания замкнутой на Америку системы транстихоокеанского партнерства.*

- *Более активное участие в паназиатских институтах как по межгосударственной линии, так и в формате «полуторной и второй дорожек» с*

целью обеспечения их эволюции в направлении, отвечающем американским интересам.

- *Диверсификация и укрепление военного потенциала США в регионе.* Со ссылкой на растущую конфликтность ставилась задача наращивания военного присутствия Соединенных Штатов в АТР, особенно в СВА и на южном направлении, а также расширения доступа США к морским портам и военным базам «дружественных стран» тихоокеанского бассейна.

- *Более интенсивная работа по продвижению в регионе «американских ценностей»*, включая усилия по оказанию помощи государствам, переживающим переходный период, в деле укрепления «отвечающих этим ценностям институтов власти и гражданского общества»¹²⁶.

По прошествии пяти с лишним лет со времени утверждения этого курса его разработчики отмечали следующие достижения:

- подписание договора о дружбе и сотрудничестве с АСЕАН; активизация участия в АРФ и АТЭС;

- присоединение к ВАС;

- продолжение многопланового диалога с КНР, позволявшего определять направления сотрудничества и одновременно избегать углубления противоречий по конфликтным вопросам.

Следствием целенаправленной политики распространения «универсальных ценностей» США считали «открытие» Мьянмы и вовлечение бирманской хунты в процесс политических реформ. В числе важных достижений упоминается также формирование трехсторонней союзнической структуры США – РК – Япония, прежде всего для координации политики в отношении Северной Кореи. Этот опыт был важен и в более глубоком политическом разрезе – как обкатка модели «узкоформатной» структуры под эгидой США для решения конкретных региональных проблем, в данном случае ядерной безопасности на Корейском полуострове.

Аргументируя успех заявленной США стратегии, госдепартамент ссылался на данные опросов общественного мнения, согласно которым до 80% респондентов из среды политических элит стран Азии высказывались в пользу сохранения «американского лидерства» в регионе, а более половины из них приветствовали наращивание американского военного присутствия.

Вместе с тем в администрации Б. Обамы отмечали, что за столь короткий период времени заявленная масштабная программа действий могла дать только «первые всходы». Фактически она конструировалась в расчете на долгосрочную перспективу и была призвана носить надпартийный характер, с тем чтобы ее реализация продолжалась вне зависимости от того, какая партия и какой лидер окажется у власти по итогам очередных президентских выборов.

Вместе с тем в течение всего этого времени, особенно в период президентской избирательной кампании 2016 года, стратегия «разворота» неоднократно подвергалась основательной критике. Ее оппоненты в политических и в экспертных кругах отмечали, что США не в состоянии проводить одинаково активную и эффективную политику одновременно на трех театрах действий: европейском, ближневосточном и азиатско-тихоокеанском. Они указывали, в частности, на опасность перенапряжения сил и обременительность этой стратегии для национального бюджета.

С другой стороны, наиболее консервативная часть американской политической элиты высказывала мнение, что великие державы не должны осуществлять крутые

¹²⁶ Campbell K.M. The Pivot. The Future of American Statecraft in Asia. New York: Boston 2016. Pp. 196-203.

развороты или иные «кульбиты» в своей внешнеполитической стратегии, поскольку их политика по определению носит фундаментальный характер.

В более конкретном плане высказывались претензии, что администрация Обамы не смогла предпринять решительных действий для сдерживания китайской экономической экспансии, приведшей к образованию огромного дефицита баланса торговли США с КНР. Как утверждали оппоненты Б. Обамы, его администрация фактически попустительствовала экспансионистским действиям КНР в Южно-Китайском море и ничего не сделала для того, чтобы купировать назревающий в этом регионе конфликт. Одной из наиболее заметных неудач была названа неспособность Белого дома остановить разрастание военно-политического кризиса на Корейском полуострове и предотвратить активность Пхеньяна по осуществлению своих ракетно-ядерных программ.

Тезис о необходимости сохранения американского лидерства никем не оспаривался, однако поднимался вопрос о более рациональном распределении бремени ответственности между США и союзниками.

Не оспаривая базовый тезис о необходимости сохранения Соединенными Штатами лидирующих позиций в АТР, оппоненты демократической администрации высказывались за то, чтобы политика, проводимая в регионе, стала более практичной, рациональной и строилась бы на разумном распределении сопутствующего ей бремени между Вашингтоном и его союзниками и близкими партнерами. Эти настроения особенно усилились на фоне осложнения ситуации на Ближнем Востоке – сирийского конфликта и деятельности ИГИЛ, что остро ставило вопрос о перераспределении внешнеполитических и силовых ресурсов США.

Предполагалось, что в этих условиях Соединенные Штаты не могут позволить себе «широкой гребенкой» подключаться к решению всех региональных проблем, но должны вести более «прицельную» политику, заточенную на те цели и задачи, решение которых отвечало бы жизненно важным американским интересам. Это, в частности, защита национального рынка от конкурентов, выправление торговых дисбалансов с тихоокеанскими партнерами; надежное купирование, а в идеале и полное устранение угроз американским интересам; принятие мер по обеспечению безопасности для США морских торговых путей в регионе. Оперативное регулирование этих вопросов вместо «стратегического бездействия» Обамы позволило бы урегулировать возникающие кризисы и конфликты интересов, не дожидаясь, пока они разовьются до опасной стадии.

Многие из этих соображений были учтены и взяты на вооружение Д. Трампом в его избирательной программе. Хотя формирование его конкретных подходов к сложным азиатским сюжетам происходило медленно и противоречиво, со всей определенностью во главу угла были поставлены задачи защиты торгово-экономических интересов США.

Еще на этапе предвыборной гонки, но еще больше – после победы Д. Трампа на выборах ведущие американские исследовательские центры как в инициативном порядке, так и по заказам новой администрации приступили к проработке элементов стратегии избранного президента в области внешней политики в целом, а также по ее конкретным функциональным и региональным направлениям. Одним из наиболее фундаментальных исследований в области долгосрочной политики в АТР стал доклад, подготовленный Центром стратегических и международных исследований (CSIS) в январе 2017 г.¹²⁷

¹²⁷ Reinvigorating U.S. Economic Strategy in the Asia Pacific. Recommendations for the Incoming Administration. January 5, 2017. CSIS/Rowman & Littlefield // URL: <https://www.csis.org/analysis/reinvigorating-us-economic-strategy-asia-pacific> (дата обращения: 25.03.2020).; U.S. Economic Strategy in the Asia Pacific. Update and Recommendations. October 11,

Ключевые идеи доклада сводились к приоритетности АТР для американской политики в сфере торговли, экономики, инвестиций, финансов, а также обеспечения безопасности. Эти выводы аргументировались с использованием следующих основных тезисов.

1. Ни один регион в мире в ближайшие десятилетия не способен повлиять на перспективы экономического развития США больше или в той же мере, чем Азиатско-Тихоокеанский регион. От ситуации в этом быстро развивающемся регионе будет зависеть динамика внешней торговли, экономического роста и занятости в США. На середину 2010-х гг. на долю стран региона приходилось до 28% американского экспорта; связи с ними обеспечивали создание в США почти 3,5 млн рабочих мест. По некоторым расчетам, к 2030 г. на Азию будет приходиться более половины потребителей, относящихся к среднему классу. Согласно этим прогнозам, в странах АТР будет масштабно расти спрос на широкий спектр товаров, услуг и ресурсов, поставляемых из США, начиная с продукции сельского хозяйства и заканчивая передовыми технологиями, специальными знаниями и опытом.

2. Большим преимуществом является то, что Соединенные Штаты располагают системой союзов и развитой сетью экономических связей в регионе. С точки зрения авторов доклада, спрос на американское лидерство остается высоким, и страны АТР остаются реципиентами инициатив и идей, исходящих от США. Этот факт авторы призывали использовать для дальнейшего укрепления позиций США в регионе. Исходя из вышесказанного, они предлагали углублять партнерство с наиболее «твердыми» союзниками США, такими как Япония и РК, а также развивать всестороннее взаимодействие с относительно новыми партнерами – Индией и АСЕАН.

3. США в этом регионе сталкиваются с новыми вызовами. Это замедление темпов экономического роста, подъем национализма и обострение борьбы между государствами за региональное лидерство. Наиболее крупной проблемой для США становится политика КНР, создающей препятствия для доступа американского бизнеса на китайский рынок. Экспансия Пекина в широких географических пределах – от Южно-Китайского моря до Центральной Азии, по мнению авторов доклада, свидетельствует о том, что КНР использует вновь обретенную мощь для утверждения своего влияния в зонах, приоритетных для традиционных американских интересов.

4. В исследовании утверждалось, что быстро меняющейся обстановке в АТР должна соответствовать и новая «возрожденная» экономическая стратегия США. Она должна быть выстроена вокруг нескольких главных задач, в наибольшей степени отвечающих «базовым интересам» Соединенных Штатов. А именно: функционирования открытых рынков на базе единых правил; обеспечения «транстихоокеанского порядка» с поддержкой со стороны соответствующих институтов и регулирующих механизмов; поддержания стабильности – естественно, в соответствии с американскими представлениями о ней. При этом авторы высказываются за то, чтобы будущая стратегия была достаточно гибкой, чтобы не вызывать отторжения у азиатских государств и учитывать нужды и реалии региона. Главное, с их точки зрения, – не ставить государства региона перед сложным выбором между США и КНР.

В конкретном плане в излагаемом исследовании были высказаны следующие рекомендации по поводу будущей азиатско-тихоокеанской стратегии США.

— Сформулировать четкое видение США как тихоокеанской державы. Новому президенту следует словами и делами доводить до американских граждан это

видение, а также тезис о том, что гарантированные и устойчивые транстихоокеанские связи являются критически важными для развития и безопасности Америки.

— Предпринять шаги для того, чтобы отношения между США и КНР приобрели сбалансированный и взаимовыгодный характер. В интересах новой администрации стремиться к сотрудничеству с Китаем там, где это возможно, и одновременно жестко реагировать на действия Пекина, наносящие ущерб интересам США.

— Обеспечить технологическое лидерство, что в настоящее время является неоспоримым преимуществом США, сулящее им значительные потенциальные выгоды. Помимо инвестиций в разработку и осуществление инноваций непосредственно в Соединенных Штатах, администрация должна содействовать установлению в мире в целом и в АТР в частности порядка, при котором было бы жестко обеспечено соблюдение международных стандартов в области технологий и созданы необходимые условия для защиты интеллектуальной собственности.

— В целях усиления американского долгосрочного присутствия разработать согласованный план активного участия США в инфраструктурных проектах в масштабах всего региона. Этому должны способствовать уже накопленный потенциал американского присутствия и привлечение к необходимым для США проектам ведущих и обладающих международным влиянием корпораций.

— Обновить и укрепить экономическую архитектуру АТР. Новой администрации следует активнее работать со странами-партнерами и частным сектором с целью укрепления и оптимизации экономических институтов, таких как Азиатский банк развития и АТЭС, поддерживающих порядок, основанный на твердых правилах и регламентах. Важно также более активно развивать экономические связи со странами АСЕАН и участвовать в иницилируемых по этой линии многосторонних процессах.

— Совместно с конгрессом модернизировать инструментарий и укрепить ресурсную базу американских политических приоритетов в АТР. Новой администрации следует выяснить степень соответствия текущих расходов на поддержку экономических приоритетов США в АТР реальным нуждам Соединенных Штатов. По итогам этого определиться с необходимостью дополнительных инвестиций, рассмотреть скоординированные меры воздействия на партнеров в случае недобросовестной экономической политики, повысить их эффективность.

— Сформировать под эгидой Белого дома квалифицированную межведомственную команду по вопросам экономической политики в АТР. Упорядочить координацию в этой области между заинтересованными структурами. Радикально обновить аппарат, ответственный за выработку и принятие решений, с тем чтобы выдвинуть на передний план людей, способных грамотно использовать экономические инструменты в интересах эффективной реализации всеобъемлющей торгово-экономической стратегии в регионе.

Наряду с CSIS свое видение стратегии администрации Д. Трампа в АТР изложили американские исследователи в международных научных центрах, действующих в рамках «второй дорожки». В их числе, в частности, Азиатско-тихоокеанский совет сотрудничества по безопасности (АТССБ) – региональный неправительственный форум АТР (*Council for Security Cooperation in the Asia Pacific - CSCAP*)¹²⁸.

Смысл большинства высказываний и мнений, принадлежащих экспертам этого совета (R.Huisken, Z. Cooper), сводится к тому, что последний период пребывания у власти Б. Обамы и избрание Д. Трампа совпали с развитием тектонических изменений в политическом ландшафте АТР. Причина якобы состоит в том, что

¹²⁸ Regional Security Outlook 2018. Council for Security Cooperation in the Asia Pacific. 2018. Pp. 4–7.
// URL: <http://www.cscap.org/uploads/docs/CRSO/CSCAP2018WEB.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

«региональный порядок», державшийся десятилетиями, начал ослабевать, постепенно приходить в упадок, а элементы нового формируются медленно и противоречиво.

Главной причиной происходящего «надлома» ученые считают ослабление США, их сокращающиеся возможности в одиночку или при достаточно пассивной роли союзников обеспечивать безопасность и стабильность протекающих здесь процессов, контролировать общую ситуацию и направлять ее течение в «правильное русло». Эпоха широкого доверия к Америке, безусловное принятие ее лидерства заканчивается, особенно по мере возвышения Китая и претензий Пекина на роль нового набирающего силу регионального и даже глобального лидера. В этот критический момент, по их мнению, Вашингтон не смог предложить никаких прорывных идей, чтобы преодолеть эту ситуацию. Белый дом при Б. Обаме ответил на эти тренды политикой «разворота к Азии», однако ее реальное наполнение не соответствовало глубине возникающих проблем, что и предопределило низкую эффективность данной доктрины в процессе ее практической реализации. При этом Пекин однозначно интерпретировал инициативы Б. Обамы и Х. Клинтон как попытку сдерживания Китая, что, естественно, не способствовало улучшению американо-китайских отношений.

Последствия сокращения присутствия США, а главное – их лидерства, полагают американские исследователи, уже ведет к постепенному обострению политических проблем и нарастанию хаоса в регионе. Так, упоминаются обострение исторических и политических споров и разногласий между странами Северо-Восточной Азии (Китай, РК, Япония), усиление напряженности в Южно-Китайском море и зоне международных морских путей на фоне китайской экспансии, деятельность Северной Кореи по реализации своей ракетно-ядерной программы и др.

Весьма важным в рамках данной стратегии авторы считают поддержание нормальных отношений с Китаем при понимании как точек совпадения интересов, так и вопросов, где расхождения носят труднопреодолимый характер.

Другой, не менее сложной внутренней проблемой специалисты совета считают возможность появления противоречий внутри самой команды Д. Трампа, что не было столь характерно для предыдущих администраций, а также в завышенных амбициях президента, которые могут быть не подкреплены достаточными ресурсами. Еще одна серьезная проблема – углубляющийся конфликт с конгрессом, разведсообществом и другими влиятельными политическими силами в США, без поддержки которых президентская власть теряет значительную часть своих возможностей, а результат ее деятельности становится неопределенным и труднопредсказуемым.

При этом проблему профессионализма и единства команды эксперты считают наиболее важной. В этом контексте возможен конфликт между двумя группами в администрации. Первая представлена «интернационалистами», которые представлены преимущественно силовыми ведомствами, отвечающими за вопросы безопасности, склонными к расширению сотрудничества с ближайшими союзниками и партнерами США и выступающими за более широкое участие страны в делах Индо-Тихоокеанского региона. Вторая – это пользующиеся покровительством президента Д. Трампа «националисты», которые добиваются принятия более действенных мер защиты национальных рынков и усиления протекционистских практик, а при неблагоприятном развитии обстоятельств – выхода США из многосторонних структур и двусторонних соглашений, наносящих ущерб их экономическим интересам.

По мнению экспертов, главный вызов для администрации состоит в том, что видение «интернационалистами» «свободного и открытого индо-тихоокеанского пространства» плохо состыкуется со стремлением «националистов» к протекционизму. Если «интернационалисты» отдают предпочтение тому, чтобы противопоставить политике Китая укрепление экономических позиций США в регионе и заключение ими торговых соглашений с более высокими стандартами в части укрепления норм и правил, то экономические «националисты» стремятся к усилению американского влияния через пересмотр двусторонних торговых соглашений даже с ближайшими союзниками, такими как Южная Корея, если они не соответствуют торгово-экономическим интересам США¹²⁹.

Заслуживают внимания оценки известного эксперта по делам Восточной Азии Д. Блюменталя, высказанные им на страницах журнала «The American Interest»¹³⁰. Якорем успешной стратегии США в АТР он считает Японию, полагая, что, если две страны будут действовать в унисон, то это гарантирует решение основных задач США в регионе. Отношения с другим союзником – Южной Кореей – он считает менее перспективными ввиду отсутствия «стратегической гармонии» как между Сеулом и Вашингтоном, так и между Сеулом и Токио.

По мнению этого исследователя, США следует играть более активную дипломатическую роль в конфликтах в Южно-Китайском море, в том числе исполняя в более широком плане роль арбитра в спорах по вопросам мореплавания, оказывая помощь своим союзникам и партнерам в их противодействии устремлениям Китая. Идефикс – создание в регионе некоей «суперструктуры морских демократий», которая могла бы включать в себя двусторонние и трехсторонние механизмы для консультаций и координации действий. При этом он предлагает задуматься над тем, как аккуратно подключить к этой деятельности Тайвань, который потенциально мог бы сыграть важную роль в организации «отпора» Китаю.

Между тем, подходы к партнерам по ЮВА, как полагает этот эксперт, в настоящее время затруднены тем, что, с одной стороны, в ряде стран наблюдается своеобразный «ренессанс» авторитарного стиля правления, а с другой – отмечается снижение доверия по отношению к США вследствие пассивной позиции Б. Обамы в отношении экспансионистской политики Китая в Южно-Китайском море. Д. Блюменталь полагает важным в качестве «почина» добиваться укрепления партнерства с такими странами, как Филиппины и Таиланд, в создании противовеса действиям Пекина, при этом аккуратно воздействуя на их политику в области прав человека.

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод, что готовых рецептов в области кардинальной трансформации стратегии США в регионе у американских политологов нет, а в оценках и прогнозах наблюдается разнбой. Однако многие исходят из того, что эпоха безусловного лидерства в АТР одной державы, которая при опоре на союзников будет поддерживать там должный (в соответствии с ее представлениями) порядок, завершается. Эта ситуация ставит вопрос о необходимости организации «коллективного лидерства» под патронажем США либо, в идеале, восстановления прежнего порядка.

Общее впечатление, которое складывается из оценок американского экспертного сообщества, сводится к следующему. Несмотря на серьезные критические замечания по поводу политики Б. Обамы в АТР и рекомендации по оптимальной корректировке этой стратегии в ближайшие годы, принципиально

¹²⁹ Ibid. Pp. 7–10.

¹³⁰ U.S. Economic Strategy in the Asia Pacific. Update and Recommendations. October 11, 2017. CSIS. // URL: <https://www.csis.org/analysis/us-economic-strategy-asia-pacific> (дата обращения: 25.03.2020).

новых соображений и идей, который могли бы придать новое дыхание американской стратегии в регионе, прозвучало мало.

К тому же, и сам президент Д. Трамп, в ходе предвыборной кампании обещавший представить свою новую азиатскую доктрину, не смог этого сделать. Бурное и драматичное развитие международных событий в других регионах (Украина, Сирия, Иран, отношения с европейскими союзниками и партнерами, международный терроризм) не позволяют определить, в какую сторону будет развернут в долгосрочном плане основной вектор американской внешнеполитической активности в АТР.

Вполне вероятно, что какой-либо новой развернутой азиатской стратегии США так и не последует. Д. Трамп не удосужился разработкой детальных формальных доктрин, отдав предпочтение в своей внешней политике деловому динамичному стилю. Можно предположить, что будущая политика США в регионе, скорее всего, будет предельно прагматичной с упором на реализацию оперативных «планов действий» или даже чисто конъюнктурных схем сообразно обстоятельствам. Она будет сильно зависеть от того, что президентская администрация будет считать в тот или иной момент актуальным, сохраняя подход Д. Трампа, сформулированный им как «Америка прежде всего».

На данный момент наиболее важными документами, в которых формулируется внешнеполитический курс американской администрации, являются «Стратегия национальной безопасности» (декабрь 2017 г.); президентское «Послание к стране» (январь 2018 г.) и подготовленный аппаратом министерства обороны США «Обзор ядерной политики». Помимо общих подходов, в них просматриваются обновленные подходы к России, Китаю, Северной Корее, Южной Азии.

Основные внешнеполитические идеи Д. Трампа были изложены им на брифинге в Белом Доме сразу после принятия вышеупомянутой «Стратегии национальной безопасности»¹³¹. Лейтмотивом его выступления стало утверждение, что Америка преодолевает ошибки прошлого, вновь обретает силу и возвращается на авансцену. Страна вступает в эпоху острой международной конкуренции и готова принять этот вызов во всех отношениях - политическом, военном и экономическом.

В качестве главной идеи своего выступления американский президент сформулировал свое понимание четырех опор, на которых должна основываться американская стратегия при взаимосвязи ее внутривластной и внешнеполитической составляющих. Эти составляющие были сформулированы в следующем виде.

1. Защищать и оберегать национальную территорию, ее границы, американский образ жизни. В этом контексте на первое место были поставлены сдерживание миграции и сооружение стены на южной границе США. На втором месте была названа борьба с радикальным исламом и терроризмом и с проникновением носителей этой идеологии на территорию США.

2. Обеспечение процветания Америки, исходя из понимания, что залогом национальной безопасности является экономическая безопасность. Устойчивость и рост экономики – абсолютно необходимые условия наращивания мощи США и их влияния за рубежом. Именно поэтому Америка будет всемерно бороться против недобросовестных торговых практик и посягательств на интеллектуальную собственность, укреплять инфраструктуру американской экономики. Это обеспечит,

¹³¹ Remarks by President Trump on the Administration's National Security Strategy // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-administrations-national-security-strategy/> (дата обращения: 25.03.2020).

помимо прочего, ее экономическую самодостаточность и доминирующие позиции в сфере энергетики.

3. Сохранять и поддерживать «мир посредством силы». США отказываются от ограничений на военные расходы и военное строительство, берут курс на модернизацию своих вооружений. Стратегия предусматривает противодействие всем видам современных военных угроз, включая кибер- и электромагнитные атаки. Будут предприняты меры для адекватных ответов на акты «экономической и политической агрессии». Усиление старых вызовов и появление новых потребует укрепления отношений с союзниками и партнерами США и увеличения их вклада в обеспечение безопасности.

4. Стратегия нацеливает на продвижение американского влияния во всем мире. США вновь становятся «лидером», центром системы союзов и партнерств.

Если попытаться проанализировать заявленную стратегию с точки зрения политики Соединенных Штатов в отношении АТР, то следует отметить, что документ был представлен, в первую очередь, как выражение глобальных интересов США и их принципиального подхода к мировым проблемам. Соответственно, в нем не нашлось достаточно места для формулирования конкретных позиций по отдельным регионам и путям решения существующих там проблем. Что же касается общего восприятия задач, возникающих в области внешней политики и могущих быть спроецированными на политику в важнейших регионах, то глава администрации в основном повторил линию своего предшественника, хотя и декларировал существенные новации.

Отбрасывая чисто риторические и пропагандистские моменты, следует отметить, что в фокусе президентского внимания остаются такие вопросы, как защита американских экономических интересов и продвижение позиций США на мировой арене при опоре на силу. Все это в значительной мере мотивируется стремлением сохранить устоявшийся мировой порядок перед лицом бросающих экономический и военный вызов соперников (прежде всего, в лице России и Китая), усилением факторов дестабилизации и конкуренции.

Согласно взглядам Д. Трампа, сегодня противостояние в мире становится тотальным, без четкого разделения на врагов и друзей. С учетом этого стратегия его администрации считает мир ареной перманентного соперничества, которое в трактовке президента причудливо переплетается с возможностями партнерства в тех случаях, когда это отвечает интересам Америки.

Складывается впечатление, что подобная двойственность и внутренняя противоречивость стали частью фирменного стиля Д. Трампа. Недоформулированность позиции по важным вопросам, видимо, рассчитана на то, чтобы не расставлять заранее все точки над «і», сохраняя тем самым возможности для маневра и реверсивных ходов при неблагоприятном стечении обстоятельств.

Впрочем, если говорить об азиатской политике президента, то было бы не вполне верно утверждать, что в «Стратегии...» ей вовсе не уделено внимание. Специальный, хотя и краткий раздел документа посвящен введению в оборот понятия «Индо-Тихоокеанский регион», который приходит на смену устоявшемуся термину «Азиатско-Тихоокеанский регион».

5.2 Идеи расширения тихоокеанского пространства: опорные точки Вашингтон – Канберра – Нью-Дели – Токио

Весь 2017 год администрацию Трампа критиковали за слабую и в значительной степени хаотичную азиатскую политику. В политическом

истэблишменте США открыто говорили о том, что президент ведет свою политику «на автопилоте», фактически продолжает прежнюю линию Обамы и оказывается не в состоянии предложить более действенную азиатскую политику, которая бы соответствовала изменившимся реалиям и новым интересам США в области экономики и безопасности. Поговаривали и о том, что Д. Трамп взял курс на постепенное сокращение американского присутствия в АТР, фактически уступив Китаю. С настороженностью были восприняты решение об отказе от ратификации соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, а также требование большего финансового вклада Японии и Южной Кореи в их военные союзы с США.

Вместе с тем стали заметны активные усилия администрации по продвижению концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР). Новое понятие появилось как в устных заявлениях официальных лиц, так и в концептуальных документах. Упомянутые ранее «Стратегия национальной безопасности» и «Стратегия национальной обороны», принятые соответственно в декабре 2017 г. и феврале 2018 г., призывают к построению «свободного и открытого ИТР» в качестве приоритетной цели американской внешней политики.

В «Стратегии национальной безопасности» отмечается, что Соединенные Штаты должны умело адаптировать намеченные в документе общие подходы к защите национальных интересов Америки к конкретной политике в отдельных регионах с учетом их специфики. По словам авторов документа, США «нуждаются в интегрированных региональных стратегиях, в которых содержалась бы оценка источников угроз и их масштабов; интенсивности противоборства и конкуренции, а также перспектив и возможностей с учетом широкого спектра местных реалий»¹³².

Характеризуя ситуацию в ИТР, документ исходит из того, что главным моментом является обостряющееся геополитическое противоборство между «свободным и репрессивным воззрениями» на то, каким должен стать грядущий региональный и даже глобальный порядок. Утверждается, что с этой точки зрения регион, который простирается от западных границ Индии до западного побережья США и представляет собой наиболее населенную и динамичную в экономическом плане часть света, традиционно составляет предмет особого интереса для Америки. При этом, выделяя три наиболее важных для интересов Вашингтона региона (ИТР, Европа, Ближний и Средний Восток), на первое место документ неизменно ставит Индо-Тихоокеанский регион.

Соответственно, с точки зрения нынешней администрации США, любые сдвиги в региональном балансе сил, включая состояние рынков, доступ к сырьевым ресурсам, коммуникациям, человеческому капиталу и др., могут иметь своим следствием изменения глобального характера, способные затронуть фундаментальные интересы США.

Считая Китай и Россию главными оппонентами США, стремящимися изменить баланс сил в регионе в свою пользу и в ущерб интересам Америки, в качестве врагов авторы называют Северную Корею и Иран. Эти государства, согласно документу, представляют «наибольшую угрозу» и требуют «сдерживания». Предполагается, что США мобилизуют все возможности для противодействия неблагоприятным подвижкам в регионе и купирования их последствий.

Поддержание благоприятного баланса сил потребует плотного взаимодействия США с союзниками и партнерами в целях наращивания американской мощи и влияния. Эти страны должны поддерживать американские

¹³² National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 43 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

действия и нести большую долю ответственности за противодействие авторитарным тенденциям, радикальным идеологиям и сдерживание противников США.

Согласно тексту документа, США намерены сохранять военное присутствие в регионе, обеспечивающее возможность сдерживания любого противника и, при необходимости, нанесения ему поражения. Америка укрепит существующие долгосрочные военные отношения и будет стремиться к расширению и совершенствованию сетевой структуры взаимоотношений со своими союзниками и партнерами. В качестве примера приводится ссылка на сотрудничество с Японией и РК в области ПРО в целях создания системы обороны театра военных действий (an area defense capability). Также указывается на необходимость наращивания сотрудничества со странами ЮВА в области обороны и разведки в целях «противодействия растущей террористической угрозе».

В документе указывается, что союзники США, прежде всего Южная Корея, Япония и Австралия, критически важны для противостояния угрозам и защиты общих интересов в ИТР. Подчеркивается, что США приветствуют выдвижение Индии на роль ведущей мировой державы и партнера США в стратегическом и оборонном отношениях и будут стремиться к укреплению четырехстороннего сотрудничества с участием Японии, Австралии и Индии.

Примерно в том же ключе концепция ИТР трактуется и в «Стратегии национальной обороны»¹³³. Главной целью провозглашается расширение индо-тихоокеанских союзов и партнерств (Indo-Pacific alliances and partnerships). При этом ставится задача сведения этих двусторонних альянсов в ИТР в сетевую структуру безопасности, способную сдерживать внешние угрозы, обеспечивать стабильность и гарантировать свободный доступ в общие сферы влияния. Такой концептуальный подход, согласно идеям разработчиков, призван совместить преимущества двусторонних и многосторонних взаимоотношений в области безопасности, что, с одной стороны, позволит придать необходимую гибкость американоцентричным комбинациям в военной области, а с другой – более эффективно вести борьбу за сохранение «свободной и открытой международной системы».

Неожиданностью для многих внешних наблюдателей стала состоявшаяся на полях Восточноазиатского саммита (ВАС) в ноябре 2017 г. в Маниле деловая встреча дипломатов США, Японии, Индии и Австралии, вызвавшая многочисленные спекуляции в экспертных кругах, заговоривших о назревании в ИТР крупного геополитического сдвига.

В сообщении госдепартамента США подтверждалось, что целью консультаций были обмен взглядами и формирование общего видения путей «обеспечения процветания и безопасности в свободном и открытом Индо-Тихоокеанском регионе»¹³⁴. В частности, были обсуждены способы достижения общих целей и противодействия общим вызовам, включая поддержание в ИТР порядка и общих правил, в частности свободы навигации и воздушных полетов, уважения к международному праву и приверженности мирному урегулированию споров; развитие коммуникаций и связи; координация усилий по борьбе с терроризмом; совместные усилия по обеспечению безопасности мореплавания, а также по сдерживанию реализации КНДР ее ракетно-ядерных планов и программ. Отмечается, что участники договорились продолжать и развивать сотрудничество в

¹³³ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. // URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

¹³⁴ The U.S. Department of State Press Releases. 2017 // URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/11/275464.htm> (дата обращения: 25.03.2020).

четырёхстороннем формате на основе «общей приверженности демократическим ценностям и принципам».

Идея формата «США – Япония – Индия – Австралия» далеко не нова. Еще в 2006–2007 гг. ее активно лоббировал тогдашний глава японского правительства Японии С. Абэ. Выступая в августе 2007 года в индийском парламенте с речью «Соединение двух морей», он сделал акцент на концепцию «большой Азии» и ратовал за создание в этом обширном регионе своего рода «дуги свободы и процветания»¹³⁵. Главный посыл его речи состоял в том, что Тихий и Индийский океаны образуют динамическую пару как моря «свободы и процветания». «Большая Азия», по его словам, обретает не только новые географические границы, но и четко различимые черты и характеристики.

По утверждению С. Абэ, с формированием новой «Большой Азии», императивом становится углубление сотрудничества между «демократическими нациями», расположенными в разных частях Индийского и Тихого океанов. Помимо Японии и Индии, он предложил включить в сетевое партнерство также Соединенные Штаты и Австралию, что должно было, согласно замыслу японского премьера, послужить делу облегчения свободного трансграничного движения людей, товаров, капиталов и знаний.

Хотя на том этапе развития японские инициативы оказались не востребованными, С. Абэ вновь обратился к идее оформления сотрудничества в рамках «четверки» после возвращения на пост премьера в 2012 г. В своей программной статье, появившейся в свет в декабре того же года, японский премьер указал на то, что именно китайский фактор является главным мотивом для консолидации вышеназванных «демократических держав». Указав на резкое усиление «экспансионистской политики Китая» в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, находящихся на стыке двух океанов, японский премьер прямо заявил: если четыре «морские демократии» не предпримут совместных решительных шагов, то эти моря могут превратиться в закрытое «Пекинское озеро» по образцу Охотского моря в советские времена¹³⁶.

Таким образом, можно прийти к выводу, что выдвинутые ранее японскими политиками идеи оказались востребованными администрацией Д. Трампа, которая не только солидаризировалась с ними, но и взяла их на вооружение как один из важнейших элементов своей азиатской стратегии.

Давно витавшие в воздухе идеи образования «большой четверки» внешне направлены на сдерживание Китая, экономическая и военная активность которого, включая обострение отношений с ближайшими соседями в Южно-Китайском море, в последние годы внушает присутствующим здесь державам растущие опасения.

Однако, судя по всему, сдерживание Китая – это только первый, внешний план задач, способных стать приоритетными в рамках предполагаемого формата. В более широком плане речь может идти о средне- и долгосрочных намерениях создать достаточно гибкую и эффективную структуру безопасности, не пересекающуюся непосредственно с уже сложившимися механизмами в данной области. Идея США состоит в том, чтобы создать неформальную, но авторитетную структуру, при помощи которой Америке удастся не только сохранить, но и упрочить свое лидерство в этом мегарегионе, одновременно переложив большую часть

¹³⁵ Confluence of the Two Seas. Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India. 22 August 2007. // URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> (дата обращения: 25.03.2020).

¹³⁶ Abe S. Asia's Democratic and Security Diamond // Project Syndicate. 27.12.2012. // URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe#paragraphId=aaedc10346f86fe80c05d330> (дата обращения: 25.03.2020).

бремени его финансового обеспечения на своих союзников и партнеров по «четверке». Это, естественно, потребовало бы и делегирования этим странам прав и полномочий, которые до последнего времени монополизировали США.

Предлагаемый формат едва ли имеет перспективу стать полноценным военным альянсом в традиционном понимании этого слова, особенно в условиях, когда участники военных союзов США со странами региона (например, Южная Корея) заинтересованы в сохранении нормальных торгово-экономических отношений с Китаем. С другой стороны, как мы уже отмечали, многие страны Азии предпочитают сохранять максимально возможную внешнеполитическую самостоятельность, особенно в условиях, когда американская стратегия в АТР не устоялась и подвержена частым корректировкам и колебаниям. Соответственно, в странах Азии существуют вполне резонные опасения, что параметры стратегических устремлений и реального участия Вашингтона в делах региона будут меняться в широком диапазоне в зависимости от результатов соперничества элит в самих Соединенных Штатах, а также персонального состава президентской администрации.

Возможное организационное оформление «четверки» США – Индия – Япония – Австралия и запуск в международный политический оборот концепции «Индо-Тихоокеанского региона», несомненно, связаны между собой, хотя последняя пока остается в значительной мере теоретической и во многом абстрактной. Тем не менее, гипотетическое объединение ИТР в единое географическое и политическое пространство свидетельствует о растущей экономической и стратегической взаимосвязи между акваториями Индийского и Тихого океанов. Например, Тихоокеанское командование США (US PACOM) в качестве зоны ответственности имеет и значительную часть Индийского океана – до линии, уходящей на юг от западной границы Индии. Поэтому и в лексиконе PACOM термин «Индо-Азиатско-Тихоокеанский регион» присутствовал уже давно¹³⁷. Согласно американским концептуальным разработкам, «четверка» будет обрастать вторым кругом региональных партнеров, среди которых окажутся союзники США (Южная Корея) и другие страны ИТР, тяготеющие к особым отношениям с ними, но не обязательно являющиеся образцовыми «демократическими государствами». Критерием для отнесения их к формирующейся группе будет, скорее, близость стратегических интересов.

Прямой намек на это содержится все в той же «Стратегии национальной безопасности», которая отмечает, что в ЮВА Филиппины и Таиланд остаются для Америки важными рынками. К этой группе государств Вашингтон стремится «подтянуть» и такие страны, как Вьетнам, Индонезия, Малайзия и Сингапур, которые позиционируются в качестве перспективных экономических и военных партнеров США. Идеальным партнером для Вашингтона будет оставаться Тайвань, с которым он намерен сохранять тесные связи, включая удовлетворение его «законных оборонных нужд» и оказание помощи в случае оказания на него «давления» (deter coercion)¹³⁸.

В основополагающих документах американской администрации неизменно заявляется, что АСЕАН и АТЭС будут, как и прежде, занимать центральное место в индо-тихоокеанской архитектуре и останутся основными платформами для установления и укрепления регионального порядка. Вполне понятно, однако, что создание привилегированной и при этом полузакрытой параллельной политической инфраструктуры в ИТР с участием крупных держав под эгидой США может стать

¹³⁷ // URL: <http://www.pacom.mil/About-USPACOM/USPACOM-Area-of-Responsibility/>

¹³⁸ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. Pp. 46–47.

серьезным испытанием для достаточно слабых в организационном и политическом отношении вышеназванных структур.

Создание и постепенный переход инициативы при решении региональных и даже межрегиональных вопросов в руки более мощного и влиятельного механизма может стать не только сильным ударом, но и угрозой существованию многосторонних организаций, группирующихся вокруг АСЕАН (АРФ, ВАС и др.). Как крайний вариант, не исключен и сценарий усиления центробежных тенденций, вплоть до распада названных организаций и размежевания входящих в них стран, которые будут тяготеть либо к «четверке», либо к Китаю.

Однако практическое продвижение данного «индо-тихоокеанского проекта», включая его организационное оформление, будет непростым делом. Насколько можно понять, создание четырехстороннего механизма пока не продвинулось дальше общих разговоров, и никакого движения в сторону наполнения общей идеи конкретным содержанием пока не наблюдается. Надо учитывать и то, что в отношениях между потенциальными участниками четверки имеются свои сложности, что может осложнить процесс их политической интеграции. Кроме того, такие страны, как Индия, в принципе заинтересованные в международных усилиях по ограничению китайской экспансии, тем не менее с осторожностью относятся к участию в международных механизмах антикитайской направленности из опасений, что это приведет к дальнейшему осложнению отношений с КНР.

Если, однако, иметь в виду перспективу на 10–15 лет, американо-японский проект со всей очевидностью вступает в конкуренцию как с китайской инициативой «Пояс и Путь», так и с российской идеей налаживания «большого евразийского партнерства». Возможно, практически обострение конкуренции будет происходить позже, учитывая стремление Москвы сосредоточить свои усилия по «собираанию» стран Евразии на северном направлении, в то время как концепция Индо-Тихоокеанского региона на данном этапе предусматривает акцент на южном направлении, на зону Индийского и Тихого океанов. Ввиду этого в обозримой перспективе прямого столкновения интересов в связи с конкурирующими проектами, скорее всего, не произойдет, если, конечно, в соответствующие процессы не будут привнесены конъюнктурные политические соображения.

Вместе с тем в оценке ближайших перспектив концепции ИТР и проекта создания «четырёхстороннего формата» следует учитывать и субъективные моменты, в частности, присущие Д. Трампу переменчивость настроения и известную противоречивость в проведении внешнеполитического курса.

Свидетельством тому являются, например, корректировки его подхода к судьбе Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) и Транстихоокеанского партнерства. Если на начальном этапе Д. Трамп занимал бескомпромиссную позицию необходимости отказа от участия США в этих соглашениях, то затем он провел переговоры о перезаключении трехстороннего торгового соглашения с Канадой и Мексикой и заговорил о возможности присоединения к Транстихоокеанскому партнерству, «если условия будут лучше, чем те, которые предлагал Б. Обама».

Стратегия в отношении ИТР также находится на начальной стадии формирования, поэтому важно наблюдать за дальнейшей эволюцией соответствующих подходов, воздерживаясь от окончательных выводов и суждений.

Что же касается формата индо-тихоокеанской «четверки», то было бы ошибкой рассматривать три другие (помимо США) страны-участницы проектируемого формата как послушные «пешки», следующие американским предписаниям. Меняются правительства, эволюционируют интересы. И если ситуация с Австралией выглядит более понятной, то перспективы участия Индии до

сих пор выглядит неоднозначно. Страна проводит многовекторную дипломатию, в рамках которой взаимодействие с США не означает готовности действовать «в упряжке» и ограничивать свои возможности маневра, особенно в свете претензии Индии на постоянное членство в Совбезе ООН. Неясно также, сохранится ли нынешний энтузиазм Японии по поводу предлагаемого С. Абэ механизма после смены лидера правящей партии и правительства.

5.3 Новые взаимоотношения США с КНР: партнерство VS противоборство

Исходной предпосылкой корректировки внешней политики Д. Трампа на китайском направлении стала динамичная трансформация политической и экономической среды в АТР, а также изменение соотношения потенциалов и международного веса США и Китая. За последние 7–10 лет эти подвижки накапливались постепенно, но неуклонно, существенно изменив существовавший в прошлом статичный баланс между двумя странами.

Амбициозные идеи Трампа, сумевшего убедить избирателей в серьезности своих намерений снова «сделать Америку великой», обеспечить ей весомое и неоспоримое присутствие в АТР так или иначе ставили вопрос о новой формуле взаимоотношений с КНР. Однозначного мнения насчет ее наполнения у экспертного сообщества не было, ибо значительная его часть рассматривала этого азиатского гиганта как противника, в то время как другие видели в нем потенциального партнера, который при должном учете его интересов может оказаться полезен в ходе решения поставленной задачи.

Со времен установления дипломатических отношений между Вашингтоном и Пекином, прежде всего в 1970-е и 1980-е гг., американские администрации стремились проводить в тех или иных вариациях политику «вовлечения» Китая на основе «принципиальных подходов», дополняемых в случае необходимости демонстрацией силы. В рамках такой модели, которую Китай ввиду своей тогдашней слабости вынужден был терпеть, в Белом доме допускали в определенных пределах возможность и сотрудничества, и соперничества, но так, чтобы при этом ключевым американским интересам не был нанесен ущерб.

Практически все экспертные выкладки времен президентства Б. Обамы содержали рекомендации проводить более активную политику в отношении современного Китая, извлекая пользу из сотрудничества там, где это реально возможно, одновременно усиливая его сдерживание в сферах, где возросшие внешние устремления Пекина вступают в серьезные противоречия с приоритетными американскими интересами.

Накануне и после инаугурации нового президента ряд профильных научных центров провел исследования параметров стратегии новой администрации в отношении Китая. Разброс мнений оказался весьма широк ввиду обширности и сложности самой темы, а также в силу партийных, групповых и персональных симпатий и антипатий. Отсюда вытекает противоречивость и расплывчатость ряда выводов оценок и рекомендаций.

В ряде исследований делается вывод, что США, будучи поглощенными важными глобальными делами, а также срочными проблемами в других регионах, в период президентства Б. Обамы пропустили момент, когда Китай поднялся до уровня второй экономики мира и соперника, готового потеснить Америку в АТР, а в перспективе и в Индо-Тихоокеанском регионе. Теперь же задача усложнилась: США

приходится не столько следить за развитием событий, сколько иметь дело с уже сложившейся реальностью¹³⁹.

Как отмечалось в посвященном этой теме докладе Центра стратегических и международных исследований (CSIS), опубликованном в январе 2017 г. сегодня американо-китайские экономические отношения являются одними из наиболее важных в мире и фактически определяют перспективы глобального экономического роста и финансовой стабильности¹⁴⁰. Соответственно, успех экономической стратегии США в АТР будет зависеть от способности обеспечить широкие и взаимовыгодные связи с Китаем.

Авторы доклада отмечают, что было бы ошибкой выстраивать стратегию по отношению к Пекину, основываясь исключительно на черно-белом видении проблем и вызовов с его стороны. Действительно, с одной стороны, в его политике усиливаются тенденции протекционизма, закрытости и усложнения условий деятельности на китайском рынке иностранных фирм, в том числе компаний США. Китай использует обретенную им силу для втягивания азиатских государств в орбиту своего влияния и их экономической ориентированности на Китай, зависимости от него. Это – минус для США.

Однако, как ни парадоксально, именно КНР, по мнению экспертов, выступил в роли проводника американской вовлеченности в АТР, особенно с точки зрения экономических отношений. Экономический подъем Китая послужил оживлению активности стран ЮВА, привел к снижению цен на потребительские товары для американских потребителей, а для производителей открыл неисчерпаемый и постоянно растущий китайский рынок. Приводится пример: только с 2000 по 2015 гг. американский экспорт в КНР рос в среднем на 13 % ежегодно, что по крайней мере вдвое превышало темпы роста этого показателя в торговле США с остальным миром.

Конечно, экономика Китая развивается в настоящее время не столь стремительно, как раньше, но замены ему в качестве главного драйвера экономического роста региона найти трудно. Со временем таковым могла бы стать Индия, которая по многим критериям в большей мере устраивает Вашингтон. Однако сегодня эта страна едва ли сможет заменить Китай в экономическом отношении.

Авторы доклада констатируют, что многолетние усилия США по «вовлечению» Китая в глобальное сотрудничество в соответствии с «порядком, основанном на правилах» потерпели неудачу, и китайский политический ландшафт, равно как и цели экономической и внешней политики Китая, в значительной мере отличаются от ожиданий США, явно вступая в противоречие с ее интересами. Вместе с тем они считают, что, несмотря на нарастание противоречий, главное для Америки – избежать эскалации напряженности в американо-китайских отношениях, открывающей путь для заведомо проигрышных для обоих оппонентов торговых войн.

Выход из этой ситуации авторы видят исключительно на пути переговоров и создания диверсифицированных диалоговых механизмов разной функциональной направленности во всех эшелонах власти для своевременного «разруливания»

¹³⁹ Blumenthal D. The Outlines of Trump's Asia Strategy. // URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/11/17/outlines-trumps-asia-strategy/> (дата обращения: 25.03.2020).

¹⁴⁰ Reinvigorating U.S. Economic Strategy in the Asia Pacific. Recommendations for the Incoming Administration. CSIS, January 2017. // URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/161228_Barshefsky_USEconomicStrategyAsiaPacific_Web.pdf (дата обращения: 25.03.2020).

сложных ситуаций, предотвращая скатывание к открытой конфронтации. С другой стороны, предлагается побудить КНР к заключению новых базовых соглашений о защите инвестиций и интеллектуальной собственности, которые бы отвечали современным международным стандартам¹⁴¹.

Авторы другого крупного специализированного исследования, предпринятого Центром американско-китайских отношений Азиатского общества (*Asia Society*)¹⁴², исходят из необходимости считаться с ролью, которую берет на себя Пекин как в глобальных, так и в региональных делах. Любые попытки противодействовать этому тренду жесткими методами лишь вызовут не менее резкую встречную реакцию Пекина. Чтобы не допустить подобного развития, эксперты предлагают в рамках обновленной стратегии четко обозначить те сферы интересов, сотрудничество в которых было бы приемлемо и для США, и для Китая, и сулило бы обеим странам получение дивидендов.

В их числе такие темы, как кибербезопасность; вопросы энергетики и климатических изменений; участие в управлении глобальными институтами; обеспечение безопасности в АТР; северокорейская ядерная угроза; морские споры; вопросы Тайваня и Гонконга; права человека; отношения в военной области и в сфере обороны; сотрудничество в сфере торговли и инвестиций. При этом эксперты рекомендуют создать на каждом из этих направлений рабочие группы, которые на постоянной основе будут вести соответствующие направления.

Наиболее сложной и даже потенциально опасной проблемой авторы доклада считают политические игры с Китаем в АТР. Главный вызов для США, в частности, видится в необходимости обеспечить широкое и постоянное присутствие в регионе, в том числе в непосредственной близости от Китая, в интересах «мира и безопасности» и защиты более слабых соседей этого гиганта, избегая при этом эскалации враждебности и конфронтации с КНР.

Выход из этой ситуации американские эксперты видят в подключении Китая к деятельности новых многосторонних структур в области экономики и безопасности, создание которых должно быть инициировано США. В этих гипотетических механизмах Пекин должен стать элементом структуры долгосрочного регионального мира. Таким образом, согласно этой логике, удастся совместить столь излюбленные США собственные «веерные» системы безопасности и интересы КНР, которая как крупнейший региональный актор, в том числе и в вопросах безопасности, в рамках проектируемой структуры будет чувствовать себя более комфортно, нежели вне ее.

С другой стороны, предлагается, не вовлекая Пекин в деятельность американской системы союзов и партнерств друзей США в регионе, что заведомо невозможно, пробовать подключить Китай к их деятельности. Это мотивируется необходимостью не отпускать его в «одионое плавание» и оказывать на него корректное воздействие, мягко предлагая ему такие направления и формы взаимодействия, которые в наибольшей степени отвечают устремлениям США, но при этом принимают в расчет и отдельные китайские озабоченности. Кроме того, участие КНР в многосторонних региональных институтах, «дополняющих, но не заменяющих» двусторонние альянсы США со странами региона, будучи своего рода «знаком доверия» по отношению к Пекину, позволило бы, согласно прогнозам, возложить на него часть ответственности за поддержание регионального порядка.

¹⁴¹ Ibid. Pp. 25–29.

¹⁴² US Policy Toward China: Recommendations for a New Administration. Task Force Report. Asia Society. February 2017 // URL: https://asiasociety.org/files/US-China_Task_Force_Report_FINAL.pdf (дата обращения: 25.03.2020).

Как вариант, этот замысел предлагается воплотить в создании узкоформатных диалоговых механизмов с непременным участием как США, так и Китая: например, США – Китай – Япония и США – Китай – Республика Корея. В качестве примера конкретных направлений деятельности последнего формата авторы считают возможным использовать его как диалоговый механизм для обсуждения внешних аспектов корейской проблемы, а если сложится, то и будущего Корейского полуострова.

В целом, полагают авторы исследования, разработка и практическое применение подобной «всеобъемлющей стратегии» будет содействовать сохранению конструктивного влияния США в Азии, одновременно ослабив стремление отдельных стран региона отделять себя от участия в политическом «мэйнстриме» путем чрезмерного сближения с Китаем¹⁴³.

Впрочем, многие американские эксперты, занимающиеся разработкой стратегии Белого дома в отношении с Пекином, считают вышеизложенные выкладки наивными и малореалистичными. По их мнению, Китай, который представляет собой растущий гигант со своими специфическими и не до конца ясными интересами, едва ли удастся вовлечь в американоцентричные структуры в регионе качестве ведомого звена, под каким бы соусом это ни подавалось. США и Китай разделяют не просто конкурирующие интересы и узость областей, где они могли бы эффективно и успешно взаимодействовать, а принципиальные и непреодолимые различия их политических, идеологических и экономических систем. Именно этот фактор будет при любых двусторонних, региональных и глобальных раскладах порождать глубокий антагонизм, которые лишь в отдельных случаях будет сопровождаться временными тактическими компромиссами.

При этом политологи ультраконсервативной направленности, настаивающие на выборе жесткой линии в отношении Китая, упирают на то, что действовать в ряде принципиальных вопросов нужно оперативно и энергично, учитывая, что по мере «возвышения» Пекина растут и его аппетиты, а экспансионистские устремления будут проявляться в растущих масштабах. Поскольку в рамках данного исследования невозможно подробно рассмотреть все претензии «ястребов» как к Китаю, так и к американским политикам, определявшим стратегическую линию на китайском направлении, можно выделить наиболее важные направления, по которым предлагается выработать и осуществить жесткие меры. К числу этих направлений относятся, в частности, следующие:

- ужесточение борьбы против используемых КНР «нечестных» торгово-экономических практик, включая требования к Пекину об отказе от политики протекционизма, закрытости своих рынков, ущемления интересов американского бизнеса, работающего в Китае, и нарушений прав интеллектуальной собственности;
- принятие решительных шагов в целях сдерживания усилий Китая по наращиванию его вооруженных сил и военной мощи в регионе и за его пределами;
- более активная политика в целях обеспечения безопасности морских коммуникаций, которой угрожает деятельность Китая, отход от нейтралистской линии по поводу китайской «экспансии» в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях и артикулированная поддержка «друзей и партнеров США» в территориальных спорах в этих акваториях;
- укрепление на официальном уровне всесторонних связей с Тайванем, включая и военно-политические, в интересах демонстрации солидарности перед лицом «угрозы со стороны Пекина»;

¹⁴³ Ibid. Pp. 42–44

- внимательное изучение китайской инициативы «Пояс и Путь» и ее практической реализации на предмет того, в какой мере она может вступить в противоречие с глобальными и региональными интересами США как в экономическом, так и в геостратегическом планах. Запуск при необходимости совместно с азиатскими и европейскими союзниками аналогичных инфраструктурных проектов, призванных составить конкуренцию Китаю в его начинаниях и ограничить его деятельность¹⁴⁴.

Как мы видим, разброс взглядов и оценок в отношении «китайской политики» администрации Д. Трампа весьма широк, и эксперты высказывают порой взаимоисключающие советы и рекомендации. Более того, различия в стратегических разработках крупнейших исследовательских центров, за которыми стоят интересы различных групп влияния в США, по всей видимости, будут носить долговременный характер, и периоды, в течение которых они сохраняют актуальность, явно будут выходить за пределы сроков президентского правления Д. Трампа.

Видимо, разноречивой в политологических кругах и отсутствие однозначного мнения в отношении КНР среди американских элит отчасти обусловили то, что официальная политика администрации на китайском направлении была впервые в развернутом виде сформулирована лишь год спустя после избрания Д. Трампа на президентский пост. Эта позиция нашла отражение в ключевых документах внешнеполитической и военной стратегии. Следует отметить, что из всех вариантов, предлагавшихся экспертами, президент выбрал наиболее жесткий, нацеливающий на долгосрочное и бескомпромиссное противоборство с Пекином на всех основных направлениях международной деятельности. Принципиальный, неконъюнктурный характер этих решений особо выделяется на фоне того, что у Трампа, по его же словам, сложились хорошие личные отношения с Си Цзиньпином, и китайский лидер ему якобы глубоко симпатичен.

В стратегии национальной безопасности прямо утверждается, что Китай как «ревизионистская страна» наряду с Россией, Ираном, Северной Кореей представляет собой один из главных внешних вызовов для Америки. Противостояние между КНР и США отражает главное противоречие современного мира – между «репрессивными системами» и «странами, которые стремятся к построению свободного общества».

Кроме того, Китай вместе с Россией направляют усилия на «придание миру очертаний, несовместимых с американскими ценностями и интересами». Китай, утверждается в документе, стремится вытеснить и заменить США в Индо-Тихоокеанском регионе в качестве доминирующей державы и, используя политические, военные и экономические рычаги, рассчитывает перестроить регион в соответствии со своими представлениями и интересами¹⁴⁵.

Опубликованные разделы американских государственных документов по Китаю производят впечатление не столько выверенных и работоспособных стратегий, сколько перечень жалоб и обид на Пекин без упоминаний о том, как преодолеть реальные или надуманные трудности во взаимоотношениях с КНР. В течение десятилетий, говорится в уже упомянутом документе, американская политика основывалась на вере в то, что поддержка возвышения Китая будет вести к его интеграции в послевоенный международный порядок, который в свою очередь будет способствовать либерализации этой страны. Однако вразрез с этими надеждами Китай увеличил свою мощь, как утверждается, за счет суверенитета

¹⁴⁴ Council for Security Cooperation in The Asia Pacific. Regional Security Outlook 2018. Pp. 7–10; 44–47.

¹⁴⁵ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 25

других стран, в том числе за счет получения доступа к американской инновационной экономике. Это, утверждают авторы доклада, дало толчок военной модернизации страны, росту и диверсификации ее ядерных арсеналов¹⁴⁶.

Основной вывод документа сводится к тому, что в эпоху нарастания глобальной конкуренции Китай следует рассматривать лишь в качестве противника и антагониста в политическом, экономическом и иных аспектах.

Правда, в тексте имеется оговорка, что в принципе Соединенные Штаты хотели бы продолжить сотрудничество с Китаем. Однако этому, как утверждается, препятствует «хищническая» экономическая политика Пекина, его курс на неуклонное расширение зон своего влияния, линия на безудержное наращивание мощи вооруженных сил, давление на сопредельные страны, чтобы принудить их следовать китайской повестке в области внешней политики и безопасности, и в целом его борьба за региональное и глобальное доминирование. Из этой теоретической посылки делается вывод о том, что Соединенные Штаты будут определять сферы сотрудничества с «конкурентами», включая и Китай, с позиции силы, подкрепляя усилия дипломатии мощью вооруженных сил и солидарностью с США их союзников¹⁴⁷.

Примерно те же самые моменты отражены и в военной стратегии, причем, с учетом специфики документа, с еще большей прямоотой. В ней главным вызовом для процветания и безопасности Америки названо зарождающееся соперничество с «ревизионистскими державами», которое, согласно этим прогнозам, будет носить долгосрочный и стратегический характер. Причина видится в том, что Китай, а также Россия стремятся переформатировать мир в соответствии со своей авторитарной моделью и обрести возможности отказывать другим странам в праве на принятие самостоятельных решений во всех сферах – экономики, дипломатии и безопасности.

Здесь уже не содержится даже и намеков на возможность какого-либо взаимодействия с Китаем. Основной акцент делается на создание более выигрышных условий для противоборства путем выстраивания обширной сети партнерств и союзов на индо-тихоокеанском пространстве, которая рисуется как прообраз региональной архитектуры безопасности, развернутой против «ревизионистских государств»¹⁴⁸.

От установок, заложенных в стратегиях, администрация немедленно перешла к действиям – по крайней мере, там, где положить начало противоборству было легче, а именно: на поприще торгово-экономических отношений с Китаем. Это, в частности, выразилось в масштабном повышении импортных пошлин на товары, составляющие до 25% китайского экспорта в США.

Уже на этом этапе некоторые американские эксперты выразили как минимум скептическое отношение к предпринимаемым шагам. Во-первых, Пекин ответил зеркальными контрмерами, в чем можно было и не сомневаться. А во-вторых, как отмечают многие, развязывание торговых войн – прямолинейно, без должной подготовки и проработки всех возможных последствий от ее проведения – чревато серьезными потерями для американской экономики даже без учета встречных действий Китая. В частности, это ведет к удорожанию товаров для целого ряда

¹⁴⁶ Ibid.

¹⁴⁷ Ibid. Pp. 46, 26.

¹⁴⁸ Summary of the 2018 National Defense Strategy Sharpening the American Military's Competitive Edge. Pp. 1–3, 9. // URL: <http://www.defense.gov/portals/1/documents/pubs/2018-national-defense-strategy-summary.pdf> (дата обращения: 27.03.2020).

отраслей, которые являются потребителями продукции китайской сталелитейной и алюминиевой промышленности¹⁴⁹.

Поскольку события только набирают оборот, трудно предугадать, в каком русле они будут двигаться в дальнейшем. Опытные американские комментаторы указывают на непредсказуемость дальнейших шагов администрации, учитывая присущую Д. Трампу непоследовательность, крутые развороты в отношении уже вроде бы принятых и утвержденных решений. Это, по их мнению, может привести как к дальнейшему ужесточению нынешней линии в отношении Пекина, так и к достаточно оперативному свертыванию антикитайских мероприятий, прежде всего в торгово-экономической области, к попыткам решить существующие проблемы в духе компромисса.

В результате, несмотря на жесткие формулировки официальных основополагающих документов, стратегия Вашингтона на китайском направлении носит не вполне устоявшийся характер. Вследствие этого, а также в силу быстрого изменения региональной конъюнктуры и необходимости получения помощи Китая в тех или иных важных вопросах, в нее могут быть «задним числом» внесены существенные коррективы. Вероятность таких движений облегчается тем, что Пекин пока не склонен конфликтовать с США и предпочитает «упаковывать» свои устремления в регионе, равно как и планы относительно выстраивания отношений со своим американским визави, во внешне миролюбивую и доброжелательную риторику.

¹⁴⁹ См., в частности, высказывание на этот счет экономиста Р. Поллина. // URL: <http://www.truth-out.org/news/item/44236-economist-robert-pollien-on-trumps-china-policy> (дата обращения: 27.03.2020).

6. АВСТРАЛИЯ И ИНДИЯ КАК ЭЛЕМЕНТЫ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РЕГИОНА

6.1 Концепция Индо-Тихоокеанского региона: генезис идеи

В последние несколько лет одним из заметных явлений международной жизни Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) стало возобновление интереса государств, играющих ключевую роль в определении повестки его политики, экономики и безопасности, к сотрудничеству на более широком геополитическом и геоэкономическом пространстве – в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР).

Эту идею нельзя назвать новаторской – начало ее разработки пришлось на первую половину 2000-х годов. Однако впоследствии реализация проекта ИТР, в том числе осмысление направлений, мер и механизмов его развития, была приостановлена.

Возобновление этого политического нарратива естественным образом ставит вопрос о его нынешней и перспективной конкурентоспособности, в том числе в части целеполагания. Это подразумевает анализ степени интеллектуальной проработанности этого проекта странами, развивающими повестку индо-тихоокеанского сотрудничества, и его апгрейда за прошедшие полтора с лишним десятилетия.

Этапы идеи и их особенности

Концепция Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) имеет внутреннюю логику и длительную историю. Последняя может быть разделена на три периода.

Первый этап длился с 2004 по 2007 гг. Начало ему положили землетрясение и цунами в Юго-Восточной и Южной Азии в декабре 2004 г., после чего США, Австралия, Япония и Индия сформировали т.н. «Основную региональную группу» (*Regional Core Group*) для оказания поддержки пострадавшим странам¹⁵⁰. Призыв к развитию сотрудничества между Индией, Японией и «разделяющими их убеждения странами» (*like-minded countries*), озвученный во время визита М. Сингха в Токио в декабре 2006 года,¹⁵¹ в купе с поддержкой вице-президента США Д. Чейни в начале 2007 года идеи о подключении Индии к трехстороннему формату взаимодействия (США, Япония и Австралия),¹⁵² усилил заинтересованность четырех государств в таком сотрудничестве.

Его формализация произошла «на полях» манильской сессии Регионального форума АСЕАН (АРФ) в 2007 году, когда Вашингтон, Токио, Канберра и Нью-Дели создали Четырехсторонний диалоговый формат (ЧФ) по вопросам безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue, Quad*). Несмотря на отсутствие проработанной

¹⁵⁰ Chanlett-Avery E., Vaughn B. Emerging Trends in the Security Architecture in Asia: Bilateral and Multilateral Ties among the United States, Japan, Australia, and India. Congressional Research Service. 7 January 2008. P. 12. // URL: https://www.everycrsreport.com/files/20080107_RL34312_18885b0a0ec70460f2f29d4c65f68b8a6c2c8a6e.pdf (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁵¹ Government of India. Ministry of External Affairs. Joint Statement Towards India-Japan Strategic and Global Partnership. 15 December 2006. // URL: <http://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/6368/Joint+Statement+Towards+IndiaJapan+Strategic+and+Global+Partnership> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁵² Chellaney B. The US-India-Japan-Austrasia Quadrilateral Dialogue. A New Great Game // Asian Age. June 2 2007. // URL: <https://chellaney.net/2007/06/01/the-u-s-india-japan-australia-quadrilateral-initiative/> (дата обращения: 27.03.2020).

повестки этой встречи и практически ориентированных решений по ее итогам, реакция Китая, выразившего неудовольствие самим фактом ее проведения и потребовавшего прояснить ее цель,¹⁵³ была предсказуемой. И хотя руководители и эксперты четырех государств едва ли питали иллюзии относительно перспектив китайской политики в ЮВА после подписания Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море и параллельной подготовке Зоны свободной торговли Китай – АСЕАН, «четверка» предпочла не акцентировать антикитайскую повестку ЧФ. Коллективным ответом Вашингтона, Токио, Канберры и Нью-Дели можно считать итоги визита в Китай министра обороны Австралии Б. Нельсона уже в следующем месяце, во время которого он дал заверения об отсутствии планов тем или иным образом сдерживать Поднебесную¹⁵⁴.

За запуском ЧФ последовали практические мероприятия. Из таковых наиболее заметными стало заявление премьер-министра Японии С. Абэ о «сопряжении двух океанов», озвученное во время визита в Индию в августе 2007 г.,¹⁵⁵ и военно-морские маневры Малабар-2 с участием «четверки» и Сингапура, проведенные в Бенгальском заливе в следующем месяце¹⁵⁶.

Второй период эволюции концепции Индо-Тихоокеанского региона охватывает период со второй половины 2007 г. по начало 2017 г. Его отправной точкой можно считать череду протестов, потрясших Индию в августе 2007 г., организованных партиями Левого фронта по вопросу о военном сотрудничестве между Индией и США, частью которого был ЧФ. В следующем месяце С. Абэ покинул пост премьер-министра Японии, а в ноябре 2007 г. в Австралии к власти пришел К. Радд, сторонник укрепления австралийско-китайских отношений и убежденный критик ЧФ. Таким образом, «альянс демократий» оказался жертвой демократических процедур в создавших его странах.

Такое развитие событий подтолкнуло Вашингтон, Токио, Канберру и Нью-Дели к ставке на уже работающие форматы сотрудничества. Из числа таковых особого внимания заслуживает Трехсторонний стратегический диалог США, Японии и Австралии. Его участники в 2005 году повысили уровень представительства на заседаниях до министерского (раньше там присутствовали старшие должностные лица, а сама площадка называлась Трехсторонний диалог по вопросам безопасности).

Как и в 2007 г., оценку перспектив ЧФ дала Австралия. В феврале 2008 г. глава ее внешнеполитического ведомства С. Смит, комментируя беседу со своим китайским коллегой, заявил, что «... впредь Австралия не будет предлагать такого рода диалог»¹⁵⁷. Казалось, перспектив у этой инициативы нет.

Однако спустя несколько лет четырехсторонний формат получил «второе рождение». Новая волна интереса к нему была обусловлена рядом факторов.

¹⁵³ Varadarajan S. Chinese Demarches to 4 Nations // The Hindu. 14 June 2007. // URL: <https://www.thehindu.com/todays-paper/tp-international/Chinese-demarches-to-4-nations/article14777267.ece> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁵⁴ Nelson Meets with China over Military Relationship // ABC News. 9 July 2007. // URL: <http://www.abc.net.au/pm/content/2007/s1973940.htm> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁵⁵ Confluence of the Two Seas. Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India. 22 August 2007. // URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁵⁶ Ali M. New 'Strategic Partnership' against China // BBC News. 3 September 2007. // URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/6968412.stm (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁵⁷ Ching F. 'Asian Arc' Doomed without Australia // The Japan Times. 22 February 2008. // URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2008/02/22/commentary/asian-arc-doomed-without-australia/#.W2SsnZQVSM8> (дата обращения: 27.03.2020).

Первый и основной из них связан с политикой Китая. Инициатива «Пояс и Путь» помимо экономической имеет политическую и военную составляющие. Цель последних – выстраивание китаеццентричной системы обеспечения не только региональной, но и, в перспективе, континентальной безопасности. Увязывая понятия «безопасность» и «развитие», Китай критикует как существующую систему коллективной безопасности в АТР (американские альянсы), так и азиатско-тихоокеанскую систему безопасности на основе сотрудничества (асеаноцентричные диалоговые площадки) и предлагает двигаться к системе «общей безопасности», позиционируя себя в качестве ее естественного центра¹⁵⁸.

Сыграла свою роль и реакция Китая на вердикт Постоянной палаты третейского суда по проблеме Южно-Китайского моря в июле 2016 г. Заявление Пекина о том, что он не признает это решение,¹⁵⁹ естественным образом породило сомнения соседних стран в готовности КНР решать в международно-правовых инстанциях спорные вопросы, появление которых неизбежно по мере реализации инициативы «Пояс и Путь».

Оформился и стал нарастать интерес Китая к Океании. Расположенные там острова представляют собой потенциальные базы и пункты стратегического назначения для мониторинга силами ВМФ НОАК судоходных путей из Южной Америки в Восточную Азию и южную часть Тихого океана. Отсюда – интерес Китая к строительству инфраструктуры на островах Океании, главным образом на Вануату и Тонга. Тем самым Поднебесная расширяет «зону повышенной проницаемости» своих военно-морских интересов от «первой» и «второй» линий островов до «третьей», границей которой служит Океания.

Активизировалась политика Китая в Африке. Осознавая, что сотрудничество со странами этого континента позволяет Поднебесной снизить остроту ключевой для нее проблемы доступа к ресурсам, руководство КНР осуществило крупные проекты строительства инфраструктуры для вывоза добываемого в Африке сырья и предприняло шаги по защите его транспортировки в КНР, разместив пункт стратегического назначения ВМФ НОАК в Джибути.

Эти тенденции развивались одновременно с нарастанием проблем в отношениях между Китаем и участниками приостановленного ЧФ, причем именно по вопросам сотрудничества на морях. Австралия восприняла политику Китая в Океании как вторжение в зону своих интересов, Индия на фоне строительства участка «Экономического коридора Китай – Пакистан» через оккупированную Пакистаном часть Кашмира была вынуждена мириться с активизацией военного сотрудничества КНР с Шри-Ланкой, Бангладеш и Мальдивской Республикой, рассматривая и то, и другое как попытку недружественного окружения. Для Токио основным раздражителем стала систематическая эскалация противоречий с Пекином по вопросу об архипелаге Сэнкаку, а для Вашингтона – строительство ВМФ НОАК искусственных островов в районе архипелага Спратли.

Второй причиной возобновления интереса к ЧФ можно считать нарастание критической массы контактов между его участниками. Новая редакция «Руководящих принципов сотрудничества в области обороны», подписанная Токио и Вашингтоном в апреле 2015 г., повысила уровень оперативной, институциональной и

¹⁵⁸ Подробнее см.: Канаев Е. А., Сигутина А. Н. Японо-американский альянс и проблема Южно-Китайского моря: последствия для азиатско-тихоокеанской безопасности. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. С. 61–74. С. 61–63.

¹⁵⁹ Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on the Award of 12 July 2016 of the Arbitral Tribunal in the South China Sea Arbitration Established at the Request of the Republic of the Philippines. 12 July 2016. // URL: http://www.fmprc.gov.cn/nanhai/eng/snhwtlcwj_1/t1379492.htm (дата обращения: 27.03.2020).

логистической координации их действий. При этом взаимодействие «США – союзники» все отчетливее трансформировалось в конфигурацию «США – Япония – союзники». Активизировалось взаимодействие между Японией и Австралией, притом что обе стороны позиционировали себя как «северную» и «южную» оконечности системы «втулки и спицы», критически важные для ее функционирования. В 2010 году Япония и Индия запустили формат переговоров «2+2» с участием глав внешнеполитических и военных ведомств, а в 2014 году повысили уровень отношений до Специального стратегического и глобального партнерства. Наконец, США при администрации Д. Трампа активизировали контакты с Индией.

В-третьих, развивалась институциональная основа диалога между государствами, расположенными на пространстве Тихого и Индийского океанов. В 2010 году в состав Восточноазиатского саммита вошли США, тогда же состоялся запуск новой многосторонней площадки – Совещания министров обороны АСЕАН+8. Поставленные на более системную основу мероприятия, в частности спасение на морях, военная медицина, противодействие международному терроризму или ликвидация последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф, способствовали «уплотнению ткани» сотрудничества государств на пространстве двух океанов, а опосредованно – интересу к возобновлению ЧФ (хотя бы в силу политического влияния и военных возможностей его участников).

Третий этап эволюции концепции Индо-Тихоокеанского региона начался осенью 2017 г. и продолжается по настоящее время. В событийном плане это выразилось в возобновлении деятельности ЧФ, участники которого провели встречу в ноябре 2017 г. За этим последовали попытки концептуализации формулы «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» в ряде документов, принятых членами «четверки». В концептуальном плане это отразило, с одной стороны, стремление четырех государств не допустить ревизии «либерального международного порядка», а с другой – отсутствие необходимых для этого ресурсов.

Под попыткой не допустить ревизии «либерального международного порядка» можно понимать нацеленность четырех государств на укрепление американоцентричных альянсов и партнерств. Сформированная после окончания Второй мировой войны, эта система была адаптирована к реалиям пост-биполярного мира. Американские альянсы обеспечивали международную стабильность, ставшую одним из ключевых факторов развития «новых индустриальных экономик» первой и второй волн. Япония едва ли стала бы вожаком «стаи летящих гусей», если бы у ее восточноазиатских партнеров сохранялись опасения в возрождении японского милитаризма (которые купировал военный альянс с США), а сам Токио не делегировал бы Вашингтону заботу о собственной обороне. Несмотря на растущий торговый дефицит, США предоставляли «некоммунистическим» странам Восточной Азии преференциальный доступ к своим рынкам и технологиям. По словам Д. Айкенберри, «Страны Восточной Азии экспортируют в США товары, а США экспортируют в Восточную Азию безопасность»¹⁶⁰. Таким образом, «либеральное лидерство» США рассматривалось как выгодное всеми региональными игроками, и никто из них не предпринимал попыток его оспорить.

В первые пост-биполярные годы ситуация продолжала благоприятствовать США, несмотря на сокращение их военного присутствия в АТР и поиск консолидирующей повестки в отношениях с союзниками по альянсам. Создав форум АТЭС, Вашингтон фактически заблокировал предложения М. Махатхира о

¹⁶⁰ Ikenberry G.J. (2004) American Hegemony and East Asian Order. Australian Journal of International Affairs. Vol. 58. N. 3. P. 353-367. P. 353.

формировании восточноазиатских диалоговых экономических форматов. Следствием благоприятной для США конъюнктуры стала уверенность их элиты в том, что так продолжится и впредь. В результате, несмотря на репутационные потери по итогам двух финансово-экономических кризисов – азиатского в 1997–1998 гг. и глобального в 2008–2009 гг., а также нарастающие проблемы в отношениях с восточноазиатскими партнерами на двустороннем и многостороннем треках, Вашингтон не провел интеллектуальную ревизию своей азиатско-тихоокеанской стратегии и не предложил региону конкурентоспособную идею в обоснование своих лидерских амбиций. Напротив, политика Вашингтона вызывала у его партнеров по меньшей мере недоумение. Шараханья в противоположные стороны администраций Б. Обамы и Д. Трампа по вопросу о Транстихоокеанском партнерстве, или противоречивые сигналы Вашингтона о возможности встречи Д. Трампа с Ким Чен Ыном в первой половине 2018 г. – наглядные тому подтверждения.

В этих условиях нарратив о «свободном и открытом Индо-Тихоокеанском регионе», подаваемый Вашингтоном как «геополитическое соревнование между свободным и несвободным мировым порядком», стал его ответом на реализацию Китаем его мега-стратегии «Пояс и Путь».

Политика Поднебесной подрывает выстроенный США мировой порядок по ряду направлений. Китайские кредиты имеют политическую подоплеку: по мере роста кредитной задолженности своих партнеров КНР почти наверняка поставит перед ними вопрос об уступках по политическим вопросам – например, по проблеме Южно-Китайского моря. Нацеленность Китая на защиту своих инвестиций предполагает рост присутствия НОАК или частных военных компаний Поднебесной в районах прохождения экономических коридоров «Пояса и Пути». Ряд направлений инфраструктурного строительства – например, ИКТ – расширят возможности китайских спецслужб осуществлять мониторинг деятельности центральных и местных элит стран-участниц инициативы «Пояс и Путь»¹⁶¹. И хотя такая практика самому Вашингтону отнюдь не чужда,¹⁶² ее применение Пекином на систематической и расширяющейся основе едва ли соответствует американским интересам.

Примеров отсутствия у США ресурсов для сохранения прежнего международного порядка на пространстве двух океанов – множество. Выдвижение США концепции Индо-Тихоокеанского региона произошло на фоне неспособности администрации Д. Трампа наполнить новым содержанием курс предыдущей американской администрации на «перебалансировку» в АТР. Новыми нюансами стали не прорывные идеи, способные перехватить инициативу у Китая и сплотить регион вокруг США, а выход США из Транстихоокеанского партнерства, торговые войны с Китаем, антисеверокорейская «твиттерная дипломатия» и фактическое признание неэффективности прежней политики США и НАТО в Афганистане.

В этом свете едва ли удивительно, что участники четырехстороннего формата не выработали единого понимания его миссии. По итогам первой встречи «четверки» в заявлении Индии не было упоминания о свободе судоходства, уважении международного права и укреплении безопасности на морях¹⁶³. Причина в

¹⁶¹ Basu Das S. (2017) OBOR's Digital Connectivity Offers Both Benefits and Risks // ISEAS Perspective. N. 60. // URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2017_60.pdf (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁶² Примеров таких действий настолько много, что приводить какие-то конкретные представляется излишним.

¹⁶³ India-Australia-Japan-U.S. Consultations on Indo-Pacific // Government of India. Ministry of External Affairs. 12 November 2017. // URL: <http://mea.gov.in/press->

том, что Индия тяготеет к китайской, а не к американской трактовке возможности прохода иностранных военных судов через исключительные экономические зоны. Озвучить термин «Четырехсторонний диалоговый формат по вопросам безопасности» сочли возможным лишь США и Австралия,¹⁶⁴ а Япония, которая заключила два упомянутых выше экономических соглашения в рамках сотрудничества «четверки», воздержалась от использования термина «наращивание взаимосвязей»¹⁶⁵.

В 2018–2019 гг. участники ЧФ не достигли заметного прогресса по части согласования своих интересов и выработки единой позиции по ключевым вопросам и перспективам сотрудничества¹⁶⁶.

Факторы уязвимости проекта

Приходится констатировать: идея формирования институтов для Индо-Тихоокеанского региона недостаточно проработана участниками ЧФ, а нынешние тенденции развития международной обстановки могут окончательно подорвать эффективность всего проекта. Выделим ряд моментов.

У стран-участниц ЧФ недостаточно проработана консолидирующая повестка сотрудничества. Фактически единственным объединяющим «четверку» мотивом была и остается антикитайская компонента – тезис о том, что по мере реализации стратегии «Пояс и Путь» возрастет активность ВМФ НОАК в водах Тихого и Индийского океанов, а руководство Поднебесной будет склонно решать вопросы безопасности на морях в духе своей реакции на решение Постоянной палаты третейского суда 2016 года. Соответственно, привычный для стран «четверки» либеральный мировой порядок будет подвергнут ревизии. Чтобы этого не допустить, необходимо принять превентивные меры, и кто же лучше справится с этой задачей, как не США и их союзники на Тихом океане, а также крупнейшая держава Индийского океана? Даже если допустить, что эта позиция имеет свою логику, такой консолидирующий мотив сотрудничества требует постоянного «накачивания» антикитайских настроений как в странах, уже участвующих в четырехстороннем формате, так и в тех, которые к нему впоследствии присоединятся.

Вторая причина – отсутствие основательного экономического фундамента. Реальность такова, что у проекта фактически нет экономической логики.

releases.htm?dtl/29110/IndiaAustraliaJapanUS+Consultations+on+IndoPacific+November+12+2017 (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁶⁴ Australia-India-Japan-U.S. Consultations on the Indo-Pacific. US Department of State. 12 November 2017. // URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/11/275464.html> (дата обращения: 27.03.2020); Australia-India-Japan-United States consultations on the Indo-Pacific. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. 12 November 2017. // URL: <http://dfat.gov.au/news/media/Pages/aus-india-japan-us-consultations-on-the-indo-pacific.aspx> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁶⁵ Australia-India-Japan-U.S. Consultations on the Indo-Pacific. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 12 November 2017. // URL: http://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_001789.html (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁶⁶ Quad Leaders Stress ASEAN's Centrality in Their Indo-Pacific Visions // The Straits Times. 17 November 2018. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/quad-leaders-stress-aseans-centrality-in-their-indo-pacific-visions> (дата обращения: 27.03.2020); Byrne C. Can the Quad Navigate the Complexities of a Dynamic Indo-Pacific? Raisina Debates. 1 November 2019. // URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/can-the-quad-navigate-the-complexities-of-a-dynamic-indo-pacific-55716/> (дата обращения: 27.03.2020).

Единственным элементом экономической повестки были и остаются морские грузоперевозки через пространства Тихого и Индийского океанов. В то же время торговые, инвестиционные, технологические и иные связи между Восточной Азией, Южной Азией и южной частью Тихого океана ограничены.

Ни АТЭС, ни Транстихоокеанское партнерство, тем более в его новом формате Всеобъемлющего и прогрессивного транстихоокеанского партнерства, ни Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство не охватывали всех государств ИТР. Нет и крупных институциональных проектов с участием членов ЧФ. Нет работающих связей между их предприятиями по образцу «модели гусиного клина» между Японией и восточноазиатскими «новыми индустриальными экономиками» (НИЭ) «первой» и «второй» волн. Не возникла и критическая масса для появления таких связей в будущем. Но главное – на сегодняшний день между странами ЧФ нет такого направления сотрудничества, как наращивание взаимосвязей (*connectivity*).

К настоящему времени подписано несколько документов, которые могут послужить экономической основой формирования институтов Индо-Тихоокеанского региона – например, «Меморандум о взаимопонимании между Японским банком по международному сотрудничеству (JBIC) и Корпорацией зарубежных частных инвестиций (США)»¹⁶⁷ и «Концептуальное видение Азиатско-африканского коридора роста».¹⁶⁸ Развитию инфраструктуры уделено большое внимание, однако нет ясности с главным вопросом: какая страна, на каких условиях и в каких объемах будет финансировать проекты. По имеющимся оценкам, к 2030 г. и 2040 г. необходимые затраты составят соответственно 26 трлн и 50 трлн долларов¹⁶⁹. «Морская» специфика Индо-Тихоокеанского региона делает развитие его инфраструктуры крайне затратным с финансовой точки зрения.

Реальная, а не декларативная готовность стран «четверки» финансировать необходимые мероприятия невысока. И дело не в заявленных суммах, хотя они в любом случае ниже тех, которые необходимы. Главное – в какой мере партнеры готовы действовать сообща на пространстве всего индо-тихоокеанского пространства, что отсутствует, во всяком случае пока. Австралия вкладывается в инфраструктуру преимущественно в южной части Тихого океана и, насколько можно судить, не рассматривает перспективу расширения географического охвата своих инвестиций. Япония, объявившая такие инициативы, как «Партнерство в целях качественного инфраструктурного строительства» (*Partnership for Quality Infrastructure*) и «Расширение экспорта для целей качественного инфраструктурного строительства» (*High-Quality Infrastructure Export Expansion Initiative*), столкнулась с недостаточной готовностью партнеров распространить ее на пространство ИТР. Показательный пример дает проект «Азиатско-африканский коридор роста», который продвигают Япония и Индия и частью которого является «качественное

¹⁶⁷ Memorandum of Understanding on Cooperation between Japan Bank for International Cooperation and Overseas Private Investment Corporation. November 2017. // URL: https://www.opic.gov/sites/default/files/files/JBIC_MOU.PDF (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁶⁸ Asia Africa Growth Corridor. Partnership for Sustainable and Innovative Development. A Vision Document. African Development Bank Meeting. Ahmedabad, India. 22-26 May 2017. // URL: <http://www.eria.org/Asia-Africa-Growth-Corridor-Documents.pdf> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁶⁹ 5 Key Takeaways from the Indo-Pacific Infrastructure Forum. US Chamber of Commerce. // URL: <https://www.usibc.com/blog/5-key-takeaways-from-the-indo-pacific-infrastructure-forum/> (дата обращения: 27.03.2020); Goodman M. Delivering Prosperity in the Indo-Pacific: An Agenda for Australia and the United States. CSIS Brief. 18 April 2019. URL: // <https://www.csis.org/analysis/delivering-prosperity-indo-pacific-agenda-australia-and-united-states> (дата обращения: 27.03.2020).

инфраструктурное строительство»¹⁷⁰. По состоянию на март 2020 г., нет ни конкретных проектов, ни источников их финансирования¹⁷¹.

Что же касается США, то дефицит американского бюджета, превысивший в 2019 ф.г. 1 трлн долл.,¹⁷² вкупе с установкой администрации Д. Трампа «Америка прежде всего», не оставляет Вашингтону другого выбора, кроме как переложить любые траты на своих партнеров по ЧФ.

Третья причина состоит в том, что для оформления Индо-Тихоокеанского региона (при условии, что к имеющемуся четырехстороннему формату подключатся другие страны Тихого и Индийского океанов) нет институтов, адекватных масштабу и сложности поставленной задачи. Асеаноцентричные структуры для этого не подходят, бесполезна и диалоговая площадка Ассоциации стран бассейна Индийского океана (АСБИО)¹⁷³. Если создавать новую переговорную структуру с индо-тихоокеанским охватом, то возникает ряд вопросов.

Основные из них состоят в следующем. Какие страны в нее войдут, на каких принципах будет осуществляться сотрудничество, а главное – какова ее миссия (если, пригласив к участию Китай, не делать таковой изначальную цель ЧФ – сдерживать Поднебесную на морях)? Если предпочтительнее обойтись без институционализации концепции Индо-Тихоокеанского региона и ограничиться двусторонними или трехсторонними мероприятиями, нацеленными на решение узких проблем, то какой смысл в столь масштабном проекте? И не являются ли более предпочтительными существующие форматы – например, четырехстороннее патрулирование Малаккского пролива, опыт которого могут использовать другие страны Тихого и Индийского океанов?

Даже если предположить, что такой институт будет создан в обозримые сроки, его эффективное функционирование будет проблематичным. Причина – в несовпадении приоритетов многих государств, граничащих с Тихим и Индийским океанами. Развитие обстановки на Корейском полуострове, в Восточно-Китайском море или в Тайваньском проливе едва ли жизненно важно для Индии, в то время как Япония сравнительно равнодушно наблюдает за индийско-пакистанскими или индийско-китайскими противоречиями по погранично-территориальным вопросам. Квинтэссенцией проекта ИТР – по крайней мере, в его нынешнем виде – является сотрудничество на морских пространствах, в то время как для Индии эволюция отношений Китая с Пакистаном, государствами Центральной Азии и Россией на сухопутных пространствах Евразии представляет как минимум не меньшую важность.

Вопросы на будущее

Учитывая, что нарратив Индо-Тихоокеанского региона еще претерпит неоднократную модификацию, все же представляется уместным поставить вопросы, ответы на которые будут определять его эволюцию.

¹⁷⁰ Asia Africa Growth Corridor. Partnership for Sustainable and Innovative Development. A Vision Document. African Development Bank Meeting. Ahmedabad, India. 22-26 March 2017. // URL: <https://www.eria.org/Asia-Africa-Growth-Corridor-Documents.pdf> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁷¹ Le Mierre C. China's Economic Rivals Failing to Compete. Asia Times. 4 March 2020. // URL: <https://asiatimes.com/2020/03/chinas-economic-rivals-failing-to-compete/> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁷² Невельский А. Бюджетный дефицит США превысил \$1 трлн. // Ведомости. 13 сентября 2019. // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/09/13/811233-defitsit-ssha-1-trln> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁷³ Подробно этот вопрос рассмотрен в главе «АСЕАН в контексте расширенной концепции тихоокеанского регионализма».

Первый. Рискую повториться, уместно еще раз задаться вопросом: что будет представлять собой идея ИТР с содержательной, институциональной и нормативной точек зрения? Эксплуатировать тезис китайской угрозы – неважно, реально существующей или надуманной – как единственный консолидирующий мотив долго не получится. Участникам ЧФ необходима предельно нюансированная, глубокая и практически-ориентированная работающая экономическая повестка сотрудничества, которая бы не вступала в конкуренцию с уже работающими или обсуждаемыми форматами и инициативами экономического регионализма, а дополняла бы их. Необходимо ясное понимание, какие институты должны быть созданы, какие принципы сотрудничества должны быть выработаны. А главное – что из уже существующего в практике многостороннего диалога на Тихом и Индийском океанах может и должно стать подспорьем для проекта ИТР, а от чего можно отказаться (если, разумеется, к ИТР относиться не как к очередному политическому слогану, а именно как к долгосрочному проекту).

Второй. Каким образом будет выстраиваться коммуникация проекта ИТР с Китаем? Вопрос не праздный, если учесть, что Китай с самого начала «перезагрузки» этой инициативы в ноябре 2017 года охарактеризовал ее как «политизированную и разобщающую»¹⁷⁴.

Третий. Какова оптимальная степень институционализации ЧФ и ИТР? Каким образом примирить приоритеты участников будущей Индо-Пасифики с точки зрения, с одной стороны, их готовности к сотрудничеству, что предполагает, помимо прочего, добровольное выполнение принимаемых решений (а те страны АСЕАН, которые гипотетически могут присоединиться к ЧФ, априори ожидают именно этого), а с другой – его эффективности, в основе которой – обязательность их выполнения.

Четвертый. Необходимо ли жестко придерживаться установки на сотрудничество исключительно между государствами, разделяющими демократические ценности? Такая позиция, подкрепленная риторикой на высшем уровне, может отпугнуть многих потенциальных участников институтов на базе концепции ИТР.

Пятый. Кто будет осуществлять лидерские функции в будущей Индо-Пасифике? Если это американоцентричный проект, возьмет ли Вашингтон на себя эту миссию, и в чем она будет заключаться? Если при администрации Б. Обамы США не смогли провести «апгрейд» своих отношений с азиатско-тихоокеанскими партнерами, то в сотрудничестве на более широком географическом пространстве проблем у Вашингтона заметно прибавится. Или можно ожидать разделения, в том числе институционального, военно-политического и экономического лидерств, и за что возьмет на себя ответственность каждый из участников ЧФ? Как бы там ни было, возможности американской политики начала 2020 г. несопоставимы с теми, которые были у США в начале президентства Д. Трампа (при всей критике шагов «раннего Трампа», в том числе связанных с проектом ИТР). По словам национального президента Австралийского института международных отношений (*National President of the Australian Institute of International Affairs*) А. Гинджелла, «за последние пятьдесят лет сложно представить себе глобальный кризис, для урегулирования которого Вашингтон сделал бы настолько мало»¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on November 13. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 14 November 2017. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1510216.shtml ((дата обращения: 27.03.2020)).

¹⁷⁵ Gyngell A. Australia in a Post-COVID-19 World // East Asia Summit. 19 March 2020. URL: // <https://www.eastasiaforum.org/2020/03/29/australia-in-a-post-covid-19-world/> (дата обращения: 29.03.2020).

Учитывая, что фигура такого уровня из австралийского экспертного сообщества не может не соизмерять свои заявления с официальной позицией, а лояльность Канберры Вашингтону всегда была исключительно высокой, дела у США в АТР обстоят плачевно. А без американского лидерства и поддержки крайне сомнительно, что остальные участники ЧФ, у каждого из которых своя повестка в и без того непростых отношениях с Поднебесной, будут продвигать этот проект.

Безотносительно к вопросу об американском лидерстве, события начала 2020 г. могут принципиально иначе поставить вопрос о перспективах ЧФ, равно как проекта ИТР в целом. Во время доработки настоящей главы (а это конец марта 2020 г.) контуры «пост-коронавирусного мира» просматриваются очень смутно. Тем не менее, с уверенностью можно утверждать одно: либеральной повестке нанесен удар, оправиться от которого ей будет крайне непросто. Как отметил уже упоминавшийся А. Гинджелл: «Для закрытия границ, поворота глобализации вспять, разрыва сбытовых цепочек и маргинализации многосторонних институтов COVID-19 сделал больше, чем могли сделать самые популистски настроенные националисты»¹⁷⁶.

Соответственно, нарратив «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона», «либерального мирового порядка» и прочих ставших привычными клише «свободного мира», может сойти на нет сам собой.

* * *

Анализ эволюции идеи институционализации Индо-Тихоокеанского региона за почти полтора прошедших десятилетия подталкивает к выводу о том, что страны, развивающие этот проект, не провели его интеллектуального апгрейда, адекватного масштабу поставленной задачи.

Экономическая повестка этой инициативы как была, так и остается крайне слаба. Регионализм, т.е. создание институтов сотрудничества, получает оформление без регионализации, т.е. установления и последующего уплотнения связей между предприятиями и компаниями. О том, в какой мере такой подход может оказаться эффективным, свидетельствует судьба Транстихоокеанского партнерства.

Нет надлежащей интеллектуальной проработки и нового контекста реализации проекта ИТР. Это и выстраивание системы коммуникаций с крупными государствами, которые по тем или иным причинам не вошли и, по всей видимости, не войдут в число его участников, и переосмысление перспективной роли малых государств, расположенных на стратегически важных участках Индо-Пасифики – архипелагов Океании, Сейшельских островов, Мальдивских островов, Маврикия и иных.

Проект «Индо-Тихоокеанский регион» мог бы быть успешен, да и то при выполнении множества условий и с массой оговорок, после окончания «холодной войны», когда интерес к либеральной повестке развития был на подъеме, а глобализация, а следовательно и расширительный характер сотрудничества, воспринималась исключительно как благо. В современных условиях востребовано иное – повышение собственной конкурентоспособности посредством «функционального сотрудничества» в практически ориентированных областях. Сомнительно, что проект ИТР может предложить, как в плане идей, так и на уровне практических действий по их реализации, что-либо адекватное своим участникам – как нынешним, так и потенциальным.

¹⁷⁶ Ibid.

6.2 Индо-Тихоокеанский регион в интеллектуальном инжиниринге Австралии

Австралия представляет собой любопытный парадокс: страна обладает незаурядным интеллектуальным потенциалом, востребованным при реализации таких значимых проектов многостороннего сотрудничества в АТР, как форум АТЭС или Региональный форум АСЕАН (АРФ), однако довольствуется периферийным местом в региональной политике. Складывается ощущение, что опция «второго номера» стала характерной чертой внешней политики Канберры.

Проект институционализации Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) объективно подталкивает Австралию к пересмотру такого подхода. Страна смещается от периферии международной жизни в эпицентр одного из процессов, которые будут определять параметры не только регионального, но и глобального миропорядка.

Опыт и наработки австралийских экспертов позволяют им не только осуществлять сопровождение внешнеполитических инициатив своей страны, но и формировать дальнейшую эволюцию этого проекта, предложив партнерам содержательные и нетривиальные идеи.

Современные дискуссии

Австралийская школа международных отношений – одна из самых сильных в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а участие австралийских экспертов в интеллектуальном сопровождении проектов и инициатив многостороннего сотрудничества, центральным примером чего служит создание форума АТЭС, является многолетней традицией. Пытаясь осмыслить процесс формирования ИТР, австралийские эксперты концентрируются на пяти взаимосвязанных нарративах.

Во-первых, каким образом развитие проекта ИТР скажется на интересах Австралии с точки зрения ее сотрудничества с США и участия в работе асеаноцентричных диалоговых форматов? Применительно к первому аспекту этого вопроса преобладающие оценки таковы: делать ставку исключительно на сотрудничество с США имело бы смысл лишь в случае гипотетической военной угрозы, что в современных условиях маловероятно. Заслуживает внимания точка зрения профессора Сиднейского университета Дж. Куррана о нецелесообразности участия Австралии в антииракской кампании США 2003 года. По его мнению, повысить уровень оперативно-технического взаимодействия с Вашингтоном Канберра могла без отправки своих контингентов на Ближний Восток¹⁷⁷.

В индо-тихоокеанском контексте политики США примечательна точка зрения, высказанная старшим научным сотрудником Института стратегической политики Австралии Р. Лайоном. Согласно его позиции, если в АТР присутствует система американских альянсов, составляющая основу региональной стабильности и остающаяся залогом ее сохранения, то на пространстве Индийского океана ничего подобного нет. В таких условиях нет оснований ожидать синергии от взаимовлияния азиатского экономического роста и американской военной мощи как базового условия его сохранения и продолжения. Равно как не имеет смысла и рассчитывать

¹⁷⁷ Curran J. The Choice between Sentiment and Reality in US–Australia Ties // East Asia Forum. 11 June 2017. // URL: <http://www.eastasiaforum.org/2017/06/11/the-choice-between-sentiment-and-reality-in-us-australia-ties/> (дата обращения: 27.03.2020).

на американскую поддержку – концепция ИТР, бесспорно, придала новую жизнь ЧФ, но он не является военно-политическим альянсом¹⁷⁸.

Политика администрации Д. Трампа, в общем и целом, вызывает у австралийских интеллектуалов сдержанно-негативную оценку. Эксперты отмечали дисбаланс между нацеленностью Вашингтона на поддержание американоцентричного миропорядка и неготовностью команды Д. Трампа выполнять обязательства перед союзниками в прежнем объеме; между протекционистскими настроениями американской администрации и отвечающей австралийским интересам открытостью глобальной экономики, а также недостаточную компетентность Д. Трампа и его советников в международных делах. Звучали нарекания к такой составляющей американской политики, как ее принципы. В контексте формирования ИТР эти дискуссии увязываются с вопросом о возможности и целесообразности смены Канберрой своего внешнеполитического курса¹⁷⁹.

По вопросу о концепции ИТР и инициативах АСЕАН точка зрения, разделяемая многими австралийскими экспертами, такова: ИТР может «размыть» инклюзивную и нейтральную повестку сотрудничества, на которой строятся заседания «асеаноцентричных» диалоговых механизмов. Деятельность последних пока позволяет удерживать американо-китайские противоречия по вопросам безопасности и сотрудничества на морях в относительно контролируемых рамках.

О важности этого фактора для интересов Канберры свидетельствует мнение сотрудника одного из наиболее влиятельных австралийских аналитических центров Института Лоуи (*Lowy Institute*) М. Кука, согласно которому участие Австралии в Восточноазиатском саммите имеет более высокую ценность, чем членство в АТЭС (несмотря на высший уровень представительства в обеих диалоговых площадках). Причина состоит в том, что ВАС имеет возможность формировать несущие конструкции именно региональной безопасности, значимость которой в приоритетах азиатско-тихоокеанских игроков имеет тенденцию к усилению¹⁸⁰.

Австралийские интеллектуалы ставят вопрос таким образом, что проект ИТР должен отказаться от «разобщающих» (*exclusionary*) практик. В их числе – философия «общих ценностей» как основа деятельности ЧФ и Трехстороннего стратегического диалога¹⁸¹.

Второе направление дискуссий – воздействие китайской мега-стратегии (инициативы) «Пояс и путь» на интересы Австралии. Через публикации австралийских ученых рефреном проходит мысль о том, что данная инициатива предполагает не только реализацию инфраструктурных проектов, открытых для всех участников, но и формирование Китаем *закрытой* (выделено нами – Е.К.) системы безопасности. Первоначально такие усилия Поднебесной будут нацелены на превращение Евразии в сферу повышенной проницаемости ее интересов. Евразийское сотрудничество будет иметь собственные таможенные правила,

¹⁷⁸ Lyon R. There's No 'I' in 'Team', but Is There a 'US' in 'Indo-Pacific'? // The Strategist. 19 December 2019. // URL: <https://www.aspistrategist.org.au/theres-no-i-in-team-but-is-there-a-us-in-indo-pacific/> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁷⁹ McCarthy J. What Australia Needs to Do after Trump // East Asia Forum. 1 January 2017. // URL: <http://www.eastasiaforum.org/2017/01/01/what-australia-needs-to-do-after-trump/> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁸⁰ См., например: Cook M. ASEAN-Australia Relations: the Suitable Status Quo // Lowy Institute Analysis. August 2018. // URL: https://www.lowyinstitute.org/sites/default/files/Malcolm%20Cook_ASEAN-Australia%20relations.pdf (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁸¹ Wirth C. Anchoring Australia in Asia. Can the Maritime 'Indo-Pacific' Alleviate Insular Imaginations? // APPS Policy Forum. 28 June 2018. // URL: <https://www.policyforum.net/anchoring-australia-asia/> (дата обращения: 27.03.2020).

требования к качеству продукции, электронные торговые площадки и даже суды для урегулирования коммерческих и прочих споров.

За экономикой естественным и неизбежным образом последует политика. Австралийские эксперты отмечают, что выстраиваемая Китаем транспортная и ИКТ-инфраструктура может быть использована для военных целей, а «долговая ловушка» его партнеров – для покупки Поднебесной стратегически важных объектов. Обеспокоенность австралийских ученых вызывает активизация политики КНР в южной части Тихого океана, где инфраструктурное строительство Китая в островных странах увязывается с возможностью последующего размещения там баз ВМФ НОАК¹⁸². Три из пяти морских торговых путей Австралии проходят через Тихий океан. Поэтому даже если Китай не будет угрожать этим коммуникациям, сам факт присутствия ВМФ НОАК в южной части Тихого океана изменит международный контекст в неблагоприятную для Австралии сторону¹⁸³.

Одна из важных для австралийского экспертного сообщества тем – развитие обстановки в Южно-Китайском море. Главный вопрос: в чем состоят «законные интересы» Китая в этой акватории? Включают ли они создание сферы влияния КНР и ревизию существующих региональных и глобальных норм, а также планы Пекина прибегнуть к односторонним действиям для защиты своих интересов? Не менее важный вопрос – как Австралии реагировать на крепнущую убежденность Китая, что для великой державы (которой Поднебесная безоговорочно себя считает) такое поведение естественно. В оценках австралийских экспертов просматривается мысль: оптимальная стратегия Канберры должна быть направлена не столько на сдерживание КНР, сколько на «убеждение» Поднебесной в недопустимости применения практик, вызывающих обеспокоенность ее соседей. Хотя перспектива успеха невысока, бездействие может привести к худшему результату¹⁸⁴.

В экспертном сообществе Австралии раздаются призывы провести переосмысление сотрудничества с Китаем, развивать отношения с другими партнерами. Примечательна не консолидирующая, а негативная мотивация такого шага: согласно профессору Австралийского национального университета П. Диббу, ценность других партнеров определяется тем, что они имеют собственные проблемы в отношениях с Поднебесной¹⁸⁵.

Третьим направлением дискуссий является роль Индии на пространстве Индийского и Тихого океанов. Примечательна точка зрения П. Варгиза, известной фигуры в австралийском дипломатическом сообществе, ныне ректора Квинслендского университета, согласно которой в будущей мировой политике повысится значимость морских пространств и вклад Индии в укрепление безопасности и сотрудничества на морях. Соответственно, сложившееся взаимодействие азиатско-тихоокеанских стран придется адаптировать к тому, что

¹⁸² Lee S. China's Rise in the South Pacific // Upstart. 19 April 2018. // URL: <http://www.upstart.net.au/chinas-rise-in-the-south-pacific/> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁸³ Hollingsworth J. Why China Is Challenging Australia for Influence over the Pacific Islands // CNN. 22 July 2019. URL: // <https://edition.cnn.com/2019/07/22/asia/china-australia-pacific-investment-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁸⁴ Hill C. Australia and the South China Sea: debates and dilemmas. Parliament of Australia. Parliamentary Library Briefing Book. Key Issues for the 45th Parliament. P. 146–147. // URL: http://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/library/prspub/4787355/upload_binary/4787355.pdf;fileType=application/pdf (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁸⁵ Dibb P. New Security Reality Demands New Australian Policy // The Strategist. 23 July 2018. // URL: <https://www.aspistrategist.org.au/new-security-reality-demands-new-australian-policy/> (дата обращения: 27.03.2020).

будет происходить на пространстве уже не только Тихого, но в возрастающей степени и Индийского океана.

Этот процесс не будет носить линейный и одномерный характер. Хотя бы по той причине, что в Индийском океане нет ни американских альянсов, ни форматов и инициатив экономического регионализма, хотя бы частично сопоставимых с азиатско-тихоокеанскими. Поэтому, согласно позиции П. Варгиза, Австралии необходимо думать не столько о том, как расширить свое присутствие в Индийском океане, сколько о направлениях, мерах и механизмах вовлечения Индии в азиатско-тихоокеанские процессы безопасности и сотрудничества. Учитывая отход нынешней внешней политики Индии от традиций Движения неприсоединения, необходимо содействовать тому, чтобы это вовлечение проходило на выгодных для США, а следовательно и Австралии, условиях¹⁸⁶.

Четвертое направление – степень соответствия проекта институционализации ИТР традициям австралийской внешней политики. Все «истории успеха» австралийской политики, будь то создание АТЭС или присоединение к ВАС, были основаны на ясном и нюансированном понимании Канберрой существа реализуемых проектов. Соответственно, недостаточно ясное понимание конечной цели этого нового проекта (видимо, австралийские специалисты исходят из того, что навязываемая Канберре Вашингтоном антикитайская повестка, по крайней мере, в перспективе, отойдет на второй план), а также инструментов их достижения и круга потенциальных партнеров может сказаться на австралийских интересах самым негативным образом. Подчеркивается: состоявшиеся международные проекты Австралии традиционно обусловлены работой ее дипломатов, а не военных. В формировании институтов ИТР этого не просматривается¹⁸⁷.

Пятым направлением являются дискуссии о содержании и характере глобальных перемен. Общие настроения выразил Президент Австралийского института международных отношений А. Гинджелл: «... хотя прежний мировой порядок не был идеальным, его основные “несущие конструкции” оставались понятными: нормативные ценности на основе Хартии ООН и Универсальной декларации прав человека предполагали экономическую открытость и политический либерализм. Эффективно работавшие многосторонние институты взаимно дополняли и поддерживали друг друга. Основой международной безопасности выступали американоцентричные альянсы. Этого мира больше не существует»¹⁸⁸. Примечательно, что австралийские специалисты не столько дают рекомендации, практически ориентированные для повышения эффективности внешней политики своей страны, сколько ограничиваются сетованиями на несовершенство современного этапа мировой истории. Примерами служат рост конкуренции Китая и США, что негативно отражается на австралийских торговых интересах, а также разрыв производственно-сбытовых цепочек, сыгравших важную роль в экономическом развитии партнеров Австралии. Высказывается точка зрения, что даже в том случае, если Китай и США смогут урегулировать свои торговые

¹⁸⁶ The Indo-Pacific and its strategic challenges: An Australian Perspective. Speech by Mr Peter Varghese AO, Chancellor of The University of Queensland, to the Institute of South East Asian Studies, Singapore, 8 January 2019. // URL: <https://www.uq.edu.au/about/?page=252733> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁸⁷ Fisher D. Australia Needs Indo-Pacific Clarity // APPS Policy Forum. 3 July 2018. // URL: <https://www.policyforum.net/australia-needs-indo-pacific-clarity/> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁸⁸ Gyngell A. Australia's Place in the New World Order // East Asia Forum. 18 January 2018. // URL: <http://www.eastasiaforum.org/2018/01/18/australias-place-in-the-new-world-order/> (дата обращения: 27.03.2020).

противоречия, доверию между ними, с соответствующими последствиями для мировой и региональной экономики и политики, уже нанесен ущерб¹⁸⁹.

Когда австралийские эксперты все же дают рекомендации по повышению качества политики своей страны, эти оценки касаются, главным образом, содействия формированию «благоприятного баланса сил» на основе военного, логистического и технологического преимущества США над конкурентами, для чего необходимо сохранение, а в идеале и наращивание американских военных расходов¹⁹⁰.

На официальном уровне употребление термина «Индо-Тихоокеанский регион» давно стало привычным для руководства Австралии. Начало этому было положено в Белой книге «Австралия в азиатском веке» и в Белой книге по вопросам обороны, вышедших в 2012 и 2013 гг. соответственно¹⁹¹. Однако содержание, от которого можно отталкиваться для целей настоящей главы, представлено в Белой книге по вопросам обороны 2016 г.¹⁹² и Белой книге по вопросам внешней политики 2017 г.¹⁹³.

Прочтение этих документов позволяет выделить ряд дисбалансов, способных подорвать успех австралийской политики в отношении проекта ИТР.

Первый дисбаланс – различная интерпретация географического охвата Индо-Тихоокеанского региона. Австралийские военные трактуют ИТР как «пространство, включающее Северную Азию, Южно-Китайское море и протяженные линии морских коммуникаций в Индийском и Тихом океанах, используя которые Австралия осуществляет свою внешнюю торговлю», в то время, как дипломаты – как регион, простирающийся от *восточной* (выделено нами – Е.К.) части Индийского океана до Тихого океана, соединяемый Юго-Восточной Азией и включающий Индию, Северную Азию и США.

Такое разночтение ставит вопрос: если – гипотетически – на Ближнем Востоке возникнет кризис, связанный или ассоциируемый с концепцией ИТР, останутся ли австралийские дипломаты в стороне от его урегулирования, поручив его своим коллегам из военного ведомства? Разночтения в понимании дипломатами и военными того, какие страны входят в Индо-Тихоокеанский регион, может самым пагубным образом сказаться на выработке Канберрой эффективного подхода к этому проекту.

Этот вопрос тем более правомерен, если учесть, что операционный охват ИТР в трактовке военных ведомств партнеров Австралии по ЧФ распространяется на западную часть Индийского океана. Наиболее яркий пример представляют США. В Законе США об ассигнованиях на национальную оборону 2020 (*US National Defense Authorization Act 2020*) ставится вопрос о деятельности американского ВМФ под контролем Индо-Тихоокеанского командования Вооруженных сил США (*United States*

¹⁸⁹ Parkinson M. Opening Remarks to Asia Briefing Live Economy and Business Session. Australian Government. Department of the Prime Minister and Cabinet. 8 August 2019. URL: // <https://www.pmc.gov.au/news-centre/pmc/secretary-opening-remarks-asia-briefing> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁹⁰ Seymour H. Australia, the United States and a Free and Open Indo-Pacific. Perth USAsia Center. 22 March 2018. // URL: <http://perthusasia.edu.au/australia-us-free-and-open-indo-pacific> (дата обращения: 27.03.2020).

¹⁹¹ Australia in the Asian Century. White Paper. October 2012. // URL: http://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/australia_in_the_asian_century_white_paper.pdf (дата обращения: 28.03.2020); 2013 Defence White Paper. Commonwealth of Australia. // URL: http://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf (дата обращения: 28.03.2020).

¹⁹² 2016 Defence White Paper. Commonwealth of Australia. // URL: <http://www.defence.gov.au/whitepaper/docs/2016-defence-white-paper.pdf> (дата обращения: 28.03.2020).

¹⁹³ 2017 Foreign Policy White Paper. Australian Government. // URL: <https://www.fpwhitepaper.gov.au/> (дата обращения: 28.03.2020).

Indo-Pacific Command), Центрального командования США (*United States Central Command*) и Командования вооруженными силами США в Африке (*United States Africa Command*)¹⁹⁴.

Вместе с тем интересам Канберры отвечает не столько солидарность с партнерами по ЧФ, сколько иной фактор: та политика, или ее отдельные элементы, которую Китай проводит в отношении малых островных государств Индийского океана, вполне может повториться в южной части Тихого океана, представляя угрозу австралийским интересам. Соответственно, желательно купировать такие действия Поднебесной еще на их «индоокеанской» стадии¹⁹⁵.

Второй дисбаланс касается интерпретации Австралией роли крупных держав в выстраивании сотрудничества на индо-тихоокеанском пространстве. С одной стороны, делается акцент на том, что США являются ключевым фактором международной стабильности. С другой – фактически признается, что США представляют угрозу австралийским интересам в силу поворота Вашингтона к протекционизму и неспособности осуществлять лидерские функции. Белая книга по вопросам обороны приводит прогнозные данные о том, что в 2035 году китайские военные расходы превысят американские, в то время как Белая книга по вопросам внешней политики не предлагает содержательного и институционального «апгрейда» сотрудничества с Поднебесной. Рассматривая состояние и перспективы австралийской внешней и оборонной политики, ни военные, ни дипломаты не дают ответа на вопрос: каким образом Австралия может формировать международную среду индоокеанского пространства, если у нее нет ни соответствующей этой задаче ресурсов, ни практических навыков? Ведь до сих пор усилия Австралии по развитию сотрудничества с США их азиатско-тихоокеанскими союзниками, главным образом Японией, были направлены на АТР.

Третий дисбаланс – между нацеленностью Канберры на поддержание стабильности в ИТР и приоритетностью сотрудничества с государствами, разделяющими демократические ценности. В Юго-Восточной Азии, которую Белая книга по вопросам обороны определяет как «стержень стратегического соперничества в ИТР», расположено немало государств, во внутренней политике которых нарастают элементы авторитаризма. Акцент на либерально-демократических ценностях сужает пространство Канберры для дипломатического маневра.

В целом, несмотря на использование термина «Индо-Тихоокеанский регион» в документах, задающих параметры внешней и оборонной политики Австралии с начала 2010-х годов, и в дискуссиях австралийских экспертов, концептуализация Австралией этого понятия находится на начальном этапе. Его дальнейшее содержание будет определяться современным и перспективным развитием международных процессов, влияющих на австралийские интересы и политику.

Вызовы международной среды

При рассмотрении современной и формирующейся будущей международной обстановки как контекста внешней политики Австралии можно выделить три взаимосвязанных процесса.

¹⁹⁴ 16 Congress. 1st Session. H.R. 2500. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020. P. 1327. // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-116hr2500eh/pdf/BILLS-116hr2500eh.pdf> (дата обращения: 28.03.2020).

¹⁹⁵ Brewster D. Australia Can't Continue to Divide the Indian Ocean in Two // *The Interpreter*. 19 February 2020. // URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/australia-can-t-continue-divide-indian-ocean-two> (дата обращения: 28.03.2020).

Первый из них – китайская стратегия «Пояс и Путь». Не вдаваясь в подробности индо-тихоокеанского контекста ее реализации, подчеркнем главное: Китай укрепляет свое влияние в зоне традиционных интересов Австралии.

К таковой относится южная часть Тихого океана. Схема, по которой действует Поднебесная, незамысловата: сначала малым странам Тихого океана оказывается финансовая помощь (потребность в которой у этих государств носит перманентный характер), за чем следуют инвестиции и рабочая сила из Поднебесной.

Показательным примером является китайская политика в отношении Вануату. На острове Эспириту Санто Китай построил новую гавань, превратив ее в крупнейший порт в южной части Тихого океана; аэропорт; отремонтировал здания Министерства иностранных дел и резиденции премьер-министра. Обозреватели отмечают наличие у Поднебесной планов создать на территории Вануату два китайских города с населением десять и двадцать тысяч человек¹⁹⁶ (население города Порт-Вила, столицы Вануату, – чуть больше сорока пяти тысяч человек).

Прогнозировать дальнейшее развитие событий можно без особых усилий. Дистанция между китайской «дипломатией чековой книжки» и «долговой ловушкой» партнеров Поднебесной, как свидетельствует опыт Шри-Ланки, чаще всего короткая: «входя в положение» своих партнеров, Китай выкупает стратегически важные объекты, затем там появляются уже не инвесторы, а военные. Перспективу создания базы ВМФ НОАК обозреватели оценивают как высокую¹⁹⁷.

Для Поднебесной южная часть Тихого океана имеет значение с точки зрения контроля обширной акватории исключительных экономических зон островов Микронезии, Меланезии и Полинезии, примерно равной площади Австралии¹⁹⁸. Развитие военно-морских программ КНР и создание пунктов стратегического назначения в Южно-Китайском море и южной части Тихого океана может привести к тому, что Австралия окажется «зоне охвата» НОАК. Это кардинально изменит международный контекст развития Австралии после Второй мировой войны.

В этих условиях Австралия вынуждена решать двойную задачу. С одной стороны, она объективными обстоятельствами подталкивается к выстраиванию противовеса политике Поднебесной на морских рубежах, формируя условия для сбалансированных отношений между Пекином и Вашингтоном в южной части Тихого океана и позиционируя себя в качестве посредника между ними. С другой стороны, актуальной задачей для Австралии становится «перезагрузка» сотрудничества с Новой Зеландией и малыми государствами Тихого океана, чтобы усилить стимулы этих стран оказать своей «посреднической» позиции как минимум политическую поддержку.

Второй процесс состоит в выстраивании Поднебесной собственной системы евразийской безопасности. КНР позиционирует "Пояс и Путь" как единственное средство укрепления безопасности своих партнеров – в отличие от американских альянсов и асеаноцентричных диалоговых форматов. Первые Китай позиционирует как фактор подрыва условий для развития стран АТР: США и их союзники создали

¹⁹⁶ Gershaneck K. China's Plan for Conquest of the South Pacific // Asia Times. 7 September 2018. // URL: <http://www.atimes.com/article/chinas-plan-for-conquest-of-the-south-pacific/> (дата обращения: 28.03.2020).

¹⁹⁷ См., например: Wroe D. China Eyes Vanuatu Military Base in Plan with Global Ramifications // The Sydney Morning Herald. 9 April 2018. // URL: <https://www.smh.com.au/politics/federal/china-eyes-vanuatu-military-base-in-plan-with-global-ramifications-20180409-p4z8j9.html> (дата обращения: 28.03.2020).

¹⁹⁸ Gershaneck K. China's Plan for Conquest of the South Pacific // Asia Times. 7 September 2018. // URL: <http://www.atimes.com/article/chinas-plan-for-conquest-of-the-south-pacific/> (дата обращения: 28.03.2020).

вокруг КНР недружественную международную среду, это отвлекает ресурсы Китая от развития своей экономики, негативно сказываясь на благосостоянии соседних стран. Вторые, по мнению Пекина, неэффективны по той причине, что обсуждение их участниками в течение двух с половиной десятилетий назревших и перезревших проблем азиатско-тихоокеанской безопасности не приводит к снижению их остроты. Китай подчеркивает, что только он обладает ресурсами реально, а не декларативно принести соседним странам процветание посредством реализации своей инициативы "Пояс и Путь". Для Австралии, которая не присоединилась к этой инициативе, неясен ключевой вопрос: какое место она будет занимать в системе «общей безопасности», параметры формирования которой будут определять Поднебесная, активизирующая свою политику в южной части Тихого океана.

Австралия не может не осознавать: выстраивание Китаем такой системы не будет происходить гладко, и американоцентричная глобализация не уступит китаеццентричной свои позиции без боя. Отсюда – высокая вероятность того, что Австралия, до сих пор бывшая на периферии баталий мировой политики, окажется в их эпицентре.

Важным фактором является нелинейность сотрудничества Австралии с Китаем. С одной стороны, политика Поднебесной объективно ведет к маргинализации австралийских позиций в южной части Тихого океана: инициатива «Пояс и путь» может снизить мотивацию Новой Зеландии и стран, входящих в Форум островных государств Тихого океана (*Pacific Islands Forum, PIF*), к сотрудничеству с Австралией. С другой – Китай является основным торговым партнером Австралии, масштабы, темпы и степень диверсификации экономического взаимодействия с которым будут нарастать. При этом у Канберры отнюдь нет гарантий, что Вашингтон и впредь будет соблюдать свои союзнические обязательства в прежнем объеме.

Австралия будет стремиться сохранить наработанные активы в диалоге с Китаем, особенно на фоне неопределенности перспектив мировой экономики и инициатив азиатско-тихоокеанского многостороннего сотрудничества. Эти активы весьма весомы: достаточно упомянуть, что после начала функционирования ЗСТ Австралия – Китай наблюдался рост австралийского экспорта вина и молочной продукции (последняя выросла на 34% в 2018 финансовом году). Рост австралийского экспорта услуг в Китай в 2017–2018 годах составил 17,2%, более чем вдвое превысив средние показатели такого экспорта¹⁹⁹. Отсюда – естественное желание Австралии избежать проецирования трений по политическим вопросам на экономическое взаимодействие с Пекином.

Третьим значимым для Австралии процессом является выстраивание институтов сотрудничества без его развития «снизу» в виде самоподдерживающихся и самовоспроизводящихся экономических связей. Для Австралии, сыгравшей одну из ключевых ролей в формировании АТЭС и нацеленной на либерализацию экономического сотрудничества с партнерами, это обстоятельство носит принципиальный характер.

При сохранении нынешних тенденций прочная и долгосрочная основа для торгово-инвестиционных обменов, которая могла бы устроить Австралию, выстроена не будет. Как свидетельствует почти тридцатилетний опыт форума АТЭС, и более чем двадцатилетний – асеаноцентричных диалоговых площадок по экономическим вопросам, взаимодействие проходит далеко не гладко даже на уровне АТР. На индо-

¹⁹⁹ Drysdale P. Getting the Australia–China Relationship Right. East Asia Forum. 23 May 2019. // URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/05/23/getting-the-australia-china-relationship-right/> (дата обращения: 28.03.2020).

тихоокеанском – более широком в географическом отношении – пространстве количество проблем многократно возрастет.

Еще одним ключевым фактором неготовности стран ИТР к выстраиванию институтов многостороннего сотрудничества является отставание Южной Азии от СВА и ЮВА: результаты функционирования Зоны свободной торговли стран Южной Азии даже отдаленно нельзя сравнивать с проектами экономического регионализма АСЕАН или с динамикой сотрудничества государств азиатского северо-востока. Но главное – китайская инициатива "Пояс и Путь" снижает мотивацию стран Южной Азии развивать даже те скромные успехи, которые уже достигнуты. Попытки Поднебесной создать Форум сотрудничества Китая и стран Южной Азии (*China–South Asia Cooperation Forum – CSACF*)²⁰⁰ вкупе с активизацией вышеназванной инициативы во всех странах Южной Азии, за исключением Индии, свидетельствуют: если рассматривать перспективу выстраивания институтов сотрудничества ИТР посредством интеграции того, что создали государства Тихого и Индийского океанов, со стороны последних предложить нечего.

Четвертый момент, который не могут не учитывать австралийские политики и эксперты – активизация политики Индии в отношении малых стран южной части Тихого океана. Хотя Индия (во всяком случае, пока) не вынашивает планов качественно повысить уровень присутствия своего флота в южной части Тихого океана, она подписала соглашение с Францией о доступе к французским базам в Индийском океане, и эксперты не исключают, что оно может быть расширено и на Тихий океан. С 2002 года Индия на постоянной основе присутствует на заседаниях Форума стран Тихого океана, а в 2014 году в рамках стратегии «Действовать на Востоке» был создан Форум сотрудничества Индии и государств Тихого океана (*Forum for India – Pacific Islands Cooperation*). Ожидается, что Индия расширит диалог с Меланезийской инициативной группой (*Melanesian Spearhead Group*)²⁰¹.

Один из инструментов индийской политики – ее диаспора в Австралии, Новой Каледонии, Новой Зеландии и на Фиджи. В отличие от китайских этнических диаспор, индийцы в этих странах не ассоциируются с действиями, которые власти стран пребывания могут расценивать как недружественные.

Однако если в краткосрочной перспективе расширение присутствия Индии в южной части Тихого океана не несет непосредственной угрозы австралийским интересам, это может произойти на более далеком горизонте. По мере превращения этой территории в зону повышенной конфронтации влиятельных внешних игроков, конфликтность их интересов так или иначе затронет и Австралию.

Наконец, пятым фактором, влияющим на австралийскую политику, будут оставаться нетрадиционные угрозы безопасности. В их числе и изменение климата, что уже привело к распространению пожаров на австралийской территории, ливням и сильным наводнениям. Но главное состоит в том, что пандемии наподобие распространения коронавируса COVID-19 почти наверняка подтолкнут Австралию к пересмотру ряда аспектов своей политики, прежде всего внешнеэкономической.

²⁰⁰ China-South Asia Cooperation Forum held in Yunnan // The State Council Information Office. The People's Republic of China. 19 June 2018. // URL: http://english.scio.gov.cn/international/exchanges/2018-06/19/content_52671270.htm (дата обращения: 28.03.2020); (2019) Vision of China-South Asia Sub-National Cooperation in Economic and Social Development. The Second China-South Asia Cooperation Forum. 10–11 June 2019. // URL: http://yfao.yn.gov.cn/zl/zgnyhzt/201906/t20190627_874200.html (дата обращения: 28.03.2020).

²⁰¹ Chandramohan B. India's Strategic Expansion in the Pacific Islands // The Diplomat. 22 April 2019. // URL: <https://thediplomat.com/2018/06/indias-strategic-expansion-in-the-pacific-islands/> (дата обращения: 28.03.2020).

Хотя оценки могут носить исключительно предварительный характер, ограничение авиасообщения, рост цен на топливо, закрытие китайских предприятий обрабатывающей промышленности и другие события начала 2020 г. самым негативным образом отразятся на объемах и темпах роста австралийского экспорта. Равно как и на участии Австралии в форматах и инициативах экономического регионализма в АТР и за его пределами.

Учитывая рассмотренные выше факторы, объективные обстоятельства подталкивают Австралию к следующим действиям.

Во-первых, диверсифицировать сотрудничество между участниками ЧФ, преодолев его антикитайскую нацеленность.

Во-вторых, активизировать политику в отношении малых государств Тихого океана, расширив предоставление им экономической помощи и строительство объектов инфраструктуры. В активе Австралии есть то, чего нет у Китая: географическое и технологическое преимущество. Создание инфраструктуры, связывающей Австралию, Новую Зеландию и островные государства Тихого океана, должно восприниматься Канберрой как ее исключительная прерогатива. Тем более что малые страны Тихого океана увидят альтернативу китайским практикам финансирования инфраструктуры с перспективой «долговой ловушки».

В-третьих, поставить перед своими экспертами задачу сформулировать идеи, привлекательные для нынешних и перспективных участников проекта ИТР. В активе Канберры – сильная аналитическая школа и опыт экспертного сопровождения таких многосторонних проектов, как АТЭС, АТССБ и АРФ. Интеллектуальным «заделом» можно считать и обнародованные в 2008–2009 гг. К. Раддом предложения о формировании «Азиатско-Тихоокеанского сообщества». Сбрасывать со счетов наработки своих экспертов и государственных деятелей, не делая попыток адаптировать их к формированию будущего Индо-Тихоокеанского региона, стало бы для Австралии верхом политического неразумия.

В своей совокупности эти идеи будут нацелены на решение ключевого вызова, перед которым находится австралийская внешняя политика: как сохранить благоприятную внешнюю среду для развития, если таковая становится ареной ожесточенной конкуренции мировых держав. При этом периферийное положение Австралии, давно уже являющееся для австралийской элиты и простых граждан привычным и комфортным, может стать центральным в будущей глобальной политике.

Новые идеи

Принимая во внимание характер современных дискуссий австралийских интеллектуалов в контексте развития современной международной обстановки, в ближайшие десять-пятнадцать лет можно прогнозировать появление в кругах, причастных к выработке австралийской внешней политики, ряда новых идей. Их совокупность можно разделить на *содержательное, институциональное и ценностное* направления.

В *содержательном* плане можно ожидать возврата австралийских экспертов и политиков к идее К. Радда (разумеется, модифицированной с учетом складывающихся реалий) о формировании «Азиатско-Тихоокеанского сообщества». Акценты будут сделаны на инклюзивности и всеобъемлющем характере сотрудничества. То, от чего партнеры Австралии отказались в конце 2000-х годов, будет вновь предложено Канберрой через два десятилетия.

Отстаивая и развивая повестку безопасности на морях, Австралия будет склоняться к проведению практически ориентированных мероприятий в водах

Индийского, а не Тихого океана. Хотя Китай войдет в австралийскую картину Индо-Пасифики, учитывая территориальные споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, Канберра будет стремиться избегать действий, которые Пекин может воспринять как недружественные.

С институциональной точки зрения австралийские эксперты подвергнут осмыслению вопрос о выстраивании эффективно работающей системы коммуникаций между институтами ИТР и Китаем. Вполне вероятно, австралийские интеллектуалы пойдут дальше, проанализировав направления, меры и институциональные возможности сопряжения Индо-Тихоокеанского региона и инициативы «Пояс и Путь». Отдельным направлением экспертного нарратива Австралии будет вопрос о роли малых островных государств Тихого и Индийского океанов в выстраивании такого сопряжения.

Параллельно австралийские специалисты будут искать варианты адаптации повестки ИТР к уже работающим многосторонним диалоговым форматам и инициативам. В сфере безопасности таковыми станут АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, а в сфере экономики – АТЭС.

Наконец, *в ценностном измерении* австралийские интеллектуалы будут искать возможности совместить либеральную повестку проекта ИТР с не вполне либеральными ценностями тех участников, которые имеют шансы присоединиться к нему впоследствии. Это будет касаться, прежде всего, Вьетнама, Таиланда и Филиппин. Отход от либерального нарратива будет обусловлен и растущей необходимостью выстраивать каналы коммуникации между проектом ИТР и Поднебесной, политика которой в южной части Тихого океана имеет предпосылки к активизации.

Эти направления будут задавать параметры интеллектуальных усилий политиков и экспертов Австралии в следующие десять-пятнадцать лет. Проведя ревизию своего интеллектуального багажа, Австралия сможет его адаптировать к осмыслению мира будущего, частью которого станет формирующаяся Индо-Пасифика.

* * *

Анализ дискуссий австралийских экспертов и изменений международного контекста, определяющего развитие Австралии, позволяет вынести ряд обобщающих оценок.

Основная из них – Австралия готова взять на себя ответственность, прежде всего интеллектуальную, по сопровождению формирования институтов ИТР. Учитывая неопределенные перспективы американских альянсов в АТР и нарастание скептицизма в австралийском интеллектуальном нарративе по отношению к политике США и будущему либерального мирового порядка, Австралия будет «вкладываться» в проект институтов ИТР, стремясь выработать и институционально оформить отвечающие своим интересам условия сотрудничества. Это особенно актуально сейчас, принимая во внимание рост элементов неопределенности мировой и региональной экономики, политики и инфраструктуры сотрудничества на фоне пандемии коронавируса COVID-19.

Отход Австралии от периферийного положения в мировой политике будет происходить параллельно со стремлением Канберры сформировать среду, позволяющую избежать деструктивных последствий в отношениях между ключевыми игроками ИТР.

При всех издержках проекта институционализации Индо-Тихоокеанского региона для Австралии сам факт его запуска и развития – явление, безусловно, положительное. Если еще недавно, задумываясь о наступающем «азиатском веке», Австралия отводила себе в нем в лучшем случае периферийное место, то

сегодняшняя ситуация с проектом ИТР принципиально иная. Австралия будет его участником, как бы ни развивались события, и наработанные в течение десятилетий связи с США, Японией, странами АСЕАН и другими региональными игроками окажутся очень кстати.

Осознавая свой статус «зачинателя» нарратива ИТР, Австралия обладает достаточным интеллектуальным потенциалом, чтобы предложить нынешним и потенциальным партнерам содержательные направления сотрудничества в дальнейшей разработке этого проекта.

6.3 Индия в новых региональных форматах международных отношений

Внешнеполитическая концепция Индии – и в этом изначально, т.е. с момента завоевания суверенитета, была ее сильная сторона, – неизменно выстраивалась с учетом *общемировых* тенденций и всегда была ориентирована на реализацию не только текущих, но и перспективных задач и целей национального государства. В этом отношении качественно возросший интерес Дели к процессам, протекающим в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имеет свою довольно продолжительную предысторию.

Правящие круги Индии в духе традиций первого премьер-министра страны Джавахарлала Неру²⁰² рассматривают *цикличность* мирополитических процессов как одну из главных движущих сил общей динамики международных отношений: если век девятнадцатый по преимуществу принадлежал Британии, а в прошедшем столетии доминировали США, то нынешний век, судя по всему, станет «эрой Азии», что само по себе потребует «подстройки» внешнеполитической стратегии страны под меняющиеся алгоритмы мирового развития.

Подобная «подстройка», ставшая органическим продолжением экономической реформы 1991 г., началась во второй половине 90-х годов прошлого века, тогда как ее концентрированным политическим выражением стала «доктрина Гуджрала», или «восточная политика» Индии (*«look east policy»*), активно проводимая и в наши дни»²⁰³.

Стоит признать: правящие круги Индии раньше других национальных «стратегических элит» уловили ветер перемен в мировой экономике и международной политике и постарались извлечь максимальные выгоды из смещения оси мирового развития на восток, в зону АТР. При этом в Дели хорошо понимают: центральной особенностью формирующихся структур и форматов «азиатского столетия» станет поступательное возрастание экономического влияния, военной мощи и геополитических возможностей Китая. Индийская правящая элита сознает: формирующийся геополитический сценарий в Азии будет в той или иной степени развиваться вокруг Поднебесной, ее интересов, внутри- и внешнеполитической стратегии и долгосрочной «повестки» отношений Пекина с ведущими силами региона АТР, включая государства, расположенные за пределами Азии.

Таким образом, внешнеполитическое поведение Индии в регионе АТР определяется, в конечном счете, отношением «крупнейшей демократии мира» с: 1) Китаем; 2) Соединенными Штатами Америки; 3) наиболее влиятельными

²⁰² Неру Дж. Взгляд на всемирную историю.

²⁰³ Индер Кумар Гуджрал в 1996 – 1998 гг. последовательно занимал посты министра иностранных дел и премьер-министра Индии.

государствами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

Как же индийская политическая элита воспринимает движущие силы/мотивы политики Китая в регионе АТР? Руководители КНР, согласно представлениям индийских экспертов и политологов, сознают: для достижения равного с США геоэкономического и геополитического статуса Поднебесной потребуется как минимум десятилетие; именно поэтому китайские лидеры активно работают над созданием реальной многополярности, тогда как главной целью Пекина в АТР остается утверждение унитаризма (моноцентричности) в Азии – естественно, под своим «руководством». В складывающейся в АТР конфигурации сил Индии, как утверждается, отведено место во «втором эшелоне» государств региона.

На наш взгляд, подобные оценки роли и перспектив Индии в АТР исходят из анализа положения этой страны после распада Советского Союза. В них не учтены: успешный опыт экономических реформ в стране, определенно расширивших геоэкономические и геополитические возможности Индии; результативные поиски правящим классом новой действенной внешнеполитической парадигмы (*«восточная политика»*); фактическое признание мировым сообществом ядерного статуса Индии; положительные изменения в отношениях Индии с двумя другими «гравитационными центрами» мировой политики – США и Японией.

Видимо, поэтому руководители Индии ставят логическое ударение на факторах сотрудничества между «Слоном» и «Драконом», подчеркивая: для двух крупнейших государств мира вполне достаточно пространства, чтобы реализовать национальные стратегии развития не в условиях соперничества, но «здоровой конкуренции».

Впрочем, как отмечают эксперты-аналитики, границы между соперничеством и «здоровой конкуренцией» гибки и подвижны, тем более что, в отличие от других ведущих стран мира, Индия граничит с государствами, которые объективно создают проблемы для национальной безопасности страны (Пакистан, Бангладеш, не говоря уже о самой Поднебесной). Не стоит забывать и о давнишнем «территориальном споре» двух азиатских гигантов по поводу индийского штата Аруначал Прадеш, который в Пекине по-прежнему именуют «Восточным Тибетом».

Далее, индийские политологи обращают внимание на *форсированное* экономическое развитие Тибета, называя политику центральных властей Китая «стратегией двойного назначения». Например, Ранджит Гупта из Института оборонных исследований в Дели пишет: «Учитывая сохраняющиеся между Индией и Китаем серьезные территориальные проблемы, развитие суперсовременной железнодорожной, шоссейной и гражданско-авиационной инфраструктуры на исключительно сложной для строительства местности в малозаселенном Тибете, а равно и сознательная политика центральных властей по ускоренному увеличению здесь *ханьского* населения, дополняемая весьма значительным наращиванием на территории провинции военных активов конвенционального и стратегического назначения, - все это не может не быть источником серьезного беспокойства. Это беспокойство усиливается тем обстоятельством, что Китай уже соткал паутину весьма крепких экономических, военных и политических отношений с соседями Индии, особенно с Бангладеш, Мьянмой и Пакистаном»²⁰⁴.

Действительно, в настоящее время Индия не в состоянии добиться благоприятных для себя изменений во внешней политике Бангладеш, которая попадает во все большую экономическую зависимость от Пекина.

«Путь» Индии в Юго-Восточную Азию начинается с Мьянмы/Бирмы. Важность этой страны для «крупнейшей демократии мира» в конечном счете определяется

²⁰⁴ IDSA Asian Strategic Review, 2008. New Delhi: 2008. С. 315.

четырьмя центральными обстоятельствами. Во-первых, зависимостью Индии от Мьянмы в плане обеспечения безопасности, политической стабильности, экономического развития и повышения уровня жизни в штатах северо-востока – стратегически важных, но глубоко проблемных и для внутренней, и для внешней политики Индии. Во-вторых, отношения с Мьянмой исключительно значимы для Дели в смысле поддержания устойчивого стратегического равновесия в Бенгальском заливе, да и во всей восточной акватории Индийского океана. В-третьих, Мьянма является естественным географическим мостом между Индией и экономической группировкой АСЕАН, выступающей основной несущей конструкцией «восточной политики» Дели. Наконец, в-четвертых, в свете естественной необходимости диверсифицировать источники энергетической безопасности Мьянма превращается в потенциально существенный для Индии резервуар получения столь необходимых – при сохранении энергичного экономического роста – углеводородов (газа и нефти).

Хорошо известно, что восемь северо-восточных штатов Индии своеобразным образом отделены от основной территории страны Бутаном, Бангладеш, Тибетским автономным районом КНР и Мьянмой. В этой сложной территориальной конфигурации ключевое для Индии место занимает Мьянма, что в конечном счете и объясняет политический курс Дели в отношении этой страны. Так, экономическое развитие северо-восточных штатов Индии, а также их внутривнутриполитическая стабильность и безопасность зависят от постоянной связи с индийской «большой землей», которая препятствует развитию среди жителей Северо-Востока ощущения территориальной изоляции, отъединенности от остальной страны. Поэтому не выглядит преувеличением заявление, сделанное несколько лет назад министром центрального правительства по вопросам развития Северо-Востока М.Ш. Айяром о том, что «Юго-Восточная Азия начинается в северо-восточной Индии». Эти слова имели и серьезную *историческую* подоплеку: Вторая мировая война и раздел Индии в 1947 г., по сути дела, разорвали традиционные культурные, этнические и экономические связи между Индией и Юго-Восточной Азией, которые Дели пытается реанимировать с помощью «новой восточной политики».

Одной из важных задач последней является прекращение «повстанческой» деятельности в штатах Северо-Востока: «инсургенты», как отмечают специалисты, осуществляют свои операции с территории Бангладеш (из районов, фактически не контролируемых центральной властью этой страны), что значительно повышает значимость Мьянмы в системе внешнеполитических приоритетов Индии в ЮВА. Помимо этого, отношения с Мьянмой стратегически важны для Индии в контексте обеспечения безопасности и жизнедеятельности находящихся в восточной части акватории Бенгальского залива Андаманских и Никобарских островов. Наконец, «новая восточная политика» Дели исходит из того, что Мьянма для Индии – это «ворота» в Таиланд и Лаос, наиболее короткий путь в ЮВА.

В отношении «политической турбулентности» в Мьянме у Индии имеется значительное совпадение стратегических интересов с экономическим «ядром» ЮВА – группировкой АСЕАН. Эти интересы сводятся к следующим стратегическим установкам.

Во-первых, уменьшение зависимости Мьянмы от Китая, которая, по мнению политических элит ЮВА, начинает приобретать опасные формы. Во-вторых, принцип невмешательства во внутренние дела других стран остается «священным» началом межгосударственных отношений в ЮВА. В-третьих, при определении общей линии поведения стран АСЕАН в отношении Мьянмы не последнее значение имеет ее чрезвычайно выгодное *геостратегическое* положение и наличие значительных природных ресурсов, включая углеводородное сырье. Индию и АСЕАН объединяет и стремление к необходимым политическим реформам в Мьянме, осуществляемым по

эволюционной траектории, а здесь индийский опыт перехода к демократии оказывается поистине уникальным.

Перемещение центров экономического роста из североатлантического пространства в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) имело следствием повышенное внимание политологов к складывающейся в АТР расстановке геополитических сил, прежде всего в виртуальном «треугольнике» Индии, Китая и США. Интересно выглядят и *оценки* западными экспертами происходящих на этом пространстве процессов.

Как же осуществляется американская геополитическая стратегия в отношении двух крупнейших государств мира? С одной стороны, американо-индийский «стратегический диалог» видится некоторым западным экспертам идеальным средством геополитического воздействия на Пекин, ибо последний, согласно подобным прогнозам, негласно примет и новую геополитическую роль Индии, и заодно роль Америки как верховного арбитра китайско-индийских отношений. С другой стороны, Вашингтон словно позволяет Китаю – одному из главных кредиторов американской экономики – играть в мировых делах важную *дополнительную* роль, вспомогательную по отношению к американской.

Развивая внешнеполитическое наступление в АТР как ключевом регионе мира, американский военно-политический истеблишмент явно вдохновлен успешным ходом военно-технического сотрудничества с Индией. Геополитическая цель поставок американской военной техники очевидна: крепко и надолго связать индийские вооруженные силы с оборонно-промышленным комплексом США. Американцы действуют целеустремленно и напористо и на других направлениях ВТС с Индией, учитывая, в частности, стремление ВМС этой страны не только добиться в тандеме с США «неоспоримого регионального превосходства» в Индийском океане, но и обеспечить «эффективную проекцию военной мощи» на пространстве от Персидского залива до Сингапура, что, как известно, является квинтэссенцией американской военной доктрины.

Однако индийско-американские отношения развиваются по довольно сложной траектории, определяемой как динамикой взаимодействия социально-политических сил в стране, так и непростыми отношениями Индии с ее «великим северным соседом» Китаем.

В индийском внутривнутриполитическом дискурсе непременно присутствует «геополитическая фигура» Китая, причем частота упоминания КНР и ее политики в последнее время значительно возросла, и это не в последнюю очередь связано с событиями в Тибете. С лета 2017 г. в индийском информационном пространстве появилась новая фигура речи – «докламское противостояние».

«Пограничная проблема» – вот, пожалуй, камень преткновения в отношениях между Дели и Пекином. Если индийцы продолжают помнить трагические события 1962 года – так называемую «пограничную войну» двух государств, – то китайцы имеют к Индии свои *исторические* претензии. В неофициальном порядке китайские ученые ссылаются, в частности, на «извечно» двойственную позицию Индии: с одной стороны, индийцы считают Тибет частью Китая; с другой стороны, эта территория еще со времен первого премьер-министра Джавахарлала Неру (1947-1964 гг.) якобы продолжает рассматриваться Дели как «буферная зона» между Индией и Китаем. (К слову сказать, индийские политологи консервативного толка считают подобные рассуждения пропагандистским приемом «имперской политики» Пекина.)

Правда, в последние годы в Китае утверждается более взвешенный взгляд на исторические отношения двух стран по поводу и в отношении Тибета. Так, в 2003 году в Пекине увидела свет публикация, скорее всего санкционированная властями,

в которой, в частности, утверждалось, что в 1914 году был заключен «незаконный» с точки зрения международного права договор между Британской Индией и Китаем, согласно которому к Дели отходило 90 тыс. кв. км. «исконно китайской» территории, постепенно аннексированной англичанами у Тибета. Таким образом, делают вывод китайские ученые, «пограничные трения» между Дели и Пекином стали прямым следствием британской имперской политики в Индии.

Эксперты отмечают: набор средств, альтернативных переговорному процессу, у обеих сторон весьма ограничен.

Так, Китай, помимо Тибета, испытывает проблемы в Синьцзяне, однако Индия никогда и ни при каких обстоятельствах не будет пытаться их эксплуатировать хотя бы потому, что в настоящее время между двумя странами наметилось негласное «стратегическое» взаимопонимание в отношении стабилизации внутривнутриполитического положения в беспокойном штате Джамму и Кашмир.

Сложные межгосударственные отношения в АТР уже получили характеристику «азиатской головоломки». Смысл подобного определения – в прогрессирующем усложнении формулы геополитических сил в важнейшем регионе мира. Так, В. В. Путин в одном из интервью американским журналистам в качестве президента России высказал предположение, что Индия «излишне плотно обнимает Соединенные Штаты». Примечательно, что многие индийцы вполне согласны с подобной оценкой. Более того, не только внешнеполитический истеблишмент, но и рядовые граждане страны обратили внимание на то, что Россия почти текстуально повторила китайскую критику идеи «демократического квартета», включающего Индию, Австралию, Японию и США, и его возможные совместные действия в АТР.

Не меньше проблем остается и в индийско-китайских отношениях. Их исторический фон влияет и на современное состояние двусторонних связей. В Пекине не забыли, что испытания Индией ядерного оружия в 1998 году были ответом на гипотетическую «ядерную угрозу» со стороны Китая. Помимо этого, как пишет американский автор Уолтер Андерсен (Walter K.Andersen), с обеих сторон сохраняются «значительные подозрения» в отношении намерений друг друга. Для Индии – это тесные союзнические отношения КНР с Пакистаном, угрожающей частью которых стала модернизация стратегического порта Гвадар, становящегося, наряду с бирманским Ситве (Sittwe) и бангладешским Читтагонгом, потенциальным средством эффективного контроля над доставкой энергоносителей из зоны Персидского залива. Для Китая же Индия превращается в часть американского стратегического замысла по «окружению» КНР. Более того, принятое в декабре 2006 г. решение конгресса США, интерпретируемое в Пекине как вывод Индии из сферы действия Договора о нераспространении ядерного оружия, рассматривается Китаем как стремление Америки превратить Индию в стратегический противовес КНР в АТР.

Политологи отмечают прагматический подход и Дели, и Пекина к развитию двусторонних отношений, мощным подспорьем которого выступает лавинообразный рост объема внешнеэкономических связей между двумя странами.

Некоторые эксперты в энергичном росте внешнеэкономических связей видят сознательную политику Пекина, преследующего, в частности, цель покрепче привязать слаборазвитые и географически изолированные от остальной Индии штаты северо-востока страны к рынкам Тибета и других южных районов Китая. Далее, Пекин добивается улучшения условий для своих инвестиций в объекты индийской инфраструктуры: уже 25 тыс. китайцев прошли подготовку в индийских фирмах информационных технологий. На очереди – совместные предприятия, соединяющие китайские производственные возможности и индийский опыт работы с информационными технологиями.

Тем не менее образ Китая в сознании индийцев по-прежнему сохраняет

противоречивость. С одной стороны, длительный экономический рост и его политические последствия побуждают индийцев спокойнее, чем в былые времена, взирать на действия Китая в Азии. С другой стороны, многие в Индии задаются вопросом: как Китай распорядится своим экономическим ростом, и как эти действия отразятся на интересах Индии? На Западе, похоже, надеются на то, что две *энергодефицитные экономики* включатся в агрессивную борьбу за ресурсы и тем самым облегчат «североатлантической цивилизации» задачу сохранения своего геополитического доминирования в мире и, в конечном счете, выживания. Однако, отмечают некоторые западные политологи, и те, и другие явно предпочитают инструменты «мягкой силы» (soft power) для решения своих внутренних и внешнеполитических задач.

Политический класс Америки неожиданно для себя почувствовал, что Индия стала быстроразвивающейся мегаэкономикой; что страна зарекомендовала себя надежным участником режима ядерного нераспространения (хотя и не числится среди подписантов ДНЯО), что Индия – желанный для США партнер в атомной энергетике и что, наконец, у этой страны широкий вектор возможностей поддерживать и укреплять собственную национальную безопасность. Мощным фактором расширения внешнеэкономических связей с Индией стало американское «корпоративное сообщество», не желающее вникать в тонкости аргументации, применяемой «ортодоксами от ядерного нераспространения». Важным связующим механизмом двусторонних отношений выступает преуспевающая индийская община в США, насчитывающая в настоящее время более 3 млн человек.

Нынешние американо-индийские отношения имеют, по сравнению с прошлым, два новых «фундаментальных» элемента.

Первое: Соединенные Штаты более не рассматривают свои отношения с Индией в рамках треугольника, образуемого США, Индией и Пакистаном. Иными словами, американцы предпочитают двусторонние отношения с обеими странами, полагая, очевидно, что дистанцирование от «проблемы Кашмира», например, поможет им свободно чувствовать себя на южноазиатском «театре» дипломатических действий. (Однако Пакистан не готов, в том числе и по внутриполитическим соображениям, согласиться с тем, что Кашмир – это проблема двусторонних отношений с Индией.)

Второе: теперь и Индия, и Пакистан рассматриваются Вашингтоном как «ценные стратегические акторы» в Евразии: Индия – как государство, влияющее на общий баланс сил в Азии; Пакистан – как территория на пересечении путей, связывающих Южную и Центральную Азию и Ближний Восток. Перспективной целью американской стратегии является переориентация нефтегазовых потоков из Центральной Азии в южном направлении, т.е. в сторону от Китая. Впрочем, остается нерешенным вопрос: а готовы ли Индия и Пакистан (особенно последний) к подобному геополитическому самопожертвованию?

«Новый» подход США к Индии зиждется на трех долгосрочных основаниях.

Во-первых, де-факто США признают Индию «ответственным обладателем ядерного оружия», а ядерные боезаряды, находящиеся в распоряжении этой страны, – не угрожающими безопасности Соединенных Штатов. (Авторитетный специалист в данной области, бывший директор Института оборонных исследований (Institute for Defence Studies and Analysis) в Дели К. Сантанам считает достаточным для ядерных арсеналов Индии наличия 120–165 подобных «изделий».)

Во-вторых, укрепление обороноспособности Индии отвечает долгосрочным интересам США по следующим основаниям: 1) уравнивание Китая, не предполагающее обязательного (точнее, обязывающего) военно-политического партнерства США и Индии; 2) укрепление режима безопасности в странах Юго-

Восточной Азии, включая защиту морских путей доставки энергоносителей на Дальний Восток (эффективность данной функции апробируется на совместных американо-индийских военных маневрах).

В-третьих, укрепление индийско-пакистанских отношений отвечает долгосрочным геополитическим интересам США в Азии, прежде всего созданию системы отношений, договоров и союзов если и не под эгидой Америки, то под ее «чутким и мудрым руководством». Однако на этом направлении своей азиатской политики Соединенные Штаты уже столкнулись с определенными трудностями. Так, Пакистан всячески ограничивает для Индии доступ (через свою территорию) в Афганистан и Центральную Азию. В настоящее время Индия вынуждена транспортировать свои грузы по обходному маршруту, т.е. через Иран.

В настоящее время, в том числе под воздействием сохраняющейся неустойчивости мирового хозяйства, начинает преобладать трезвый взгляд и на развитие индийско-американских отношений в атомной энергетике. В Индии существует устойчивая точка зрения, согласно которой «стратегические элиты» этой страны рассматривают ядерное оружие не только (а может быть, и не столько) как средство сдерживания гипотетической агрессии, но также как символ «современности» и технологического совершенства, как фактор глобального самоутверждения в качестве «шестого полюса силы» (остальные центры – США, Западная Европа, Япония, Россия, Китай) в полицентрическом мировом порядке. Наконец, «ядерный выбор» Индии способен, как считают и левые, и правые, и центристы, видоизменить настойчиво навязываемую США «повестку нераспространения». Стоит также вспомнить: нынешняя политика Индии в области развития ядерного оружия пользуется в стране поддержкой более 90% населения на протяжении довольно длительного времени. Именно с этих позиций политический класс Индии рассматривает свои отношения с Америкой.

Индийский политический класс также понимает: перспективы оживления американской экономики в немалой степени зависят от углубления двусторонних отношений США и Индии, от создания модели взаимодействия двух стран, отличной от «подверженной конфликтам» модели китайско-американских отношений.

Индийские политологи, не стесняясь, пишут об изменении общего «геополитического контекста», в котором вынуждена действовать Америка, о быстром замещении в системе внешнеполитических приоритетов США «трансатлантической доминанты доминантой транстихоокеанской». И в этом новом контексте Индии отводится важная роль.

В мире, вновь вернувшемся к парадигме «баланса сил», полагал известный политолог К. Субраманиам, Индия является наиболее естественным союзником Соединенных Штатов. Главное логическое обоснование данному тезису Субраманиам усматривает в своеобразном риторическом вопросе, будящем воображение части индийских стратегических элит: какая международная система предпочтительнее для Индии – та, где лидирующие позиции (прежде всего в области высоких технологий) принадлежат США, или модель с четко выраженным преобладанием Китая? Именно такой подход, по мысли некоторых авторов, поможет склонить США к сотрудничеству с Индией на условиях последней. В то же время даже представители «прозападной» части индийского политического класса подчеркивают: индийско-американские отношения должны строиться не на «союзнической», а на «партнерской» основе. («союзничество» в представлении американцев – это система отношений, строящихся на началах *субординации*.)

Важной контекстной частью геополитического «треугольника» Пекин – Дели – Вашингтон остаются индийско-китайские отношения. В этих отношениях имеется ряд существенных проблем, перспективы решения которых представляются не вполне

ясными. Некоторые китайские специалисты-международники полагают, что нерешенность территориальной проблемы выгодна КНР, поскольку время работает на Китай. Спор о границе позволяет китайской стороне при необходимости оказывать давление на Индию. Китаю сейчас важно развивать экономические и транспортно-коммуникационные связи со спорными территориями, что обеспечивает более выгодную позицию КНР на продолжающихся переговорах по решению «территориального спора».

Однако в последнее время (примерно с 2008 года) реально на первое место в китайско-индийских отношениях выходит проблема возрастающего соперничества, растущей конкуренции, прежде всего в политической и экономической сферах, между странами-гигантами на региональном и, частично, глобальном уровнях. Определенное беспокойство китайских экспертов вызывает растущая активность Индии в странах Индокитая, которые КНР рассматривает как свою историческую сферу влияния. В качестве ответа на «вызов» Индии предлагается дальнейшее укрепление связей с Пакистаном и более интенсивное развитие контактов с такими странами, как Бангладеш и Непал, с которыми у Индии складываются непростые отношения.

У китайских экспертов вызывает тревогу и наращивание Индией военной мощи (которая сейчас значительно уступает китайской), в частности совершенствование комплексов баллистических и крылатых ракет, увеличение военного присутствия в районах, граничащих с Тибетским автономным районом Китая, а также интенсификация связей с США в военной сфере на фоне общего улучшения индийско-американских отношений.

В долгосрочной (а, возможно, и в среднесрочной) перспективе Китай может рассматривать Индию как своего стратегического соперника, прежде всего на региональном уровне. Однако на данном этапе Пекин заинтересован в поддержании нормальных и стабильных отношений с Дели, исходя из сложных задач, связанных с внутренним развитием страны, и из своих внешнеполитических приоритетов.

Сохраняющиеся сложности в индийско-китайских отношениях активно эксплуатируются Вашингтоном. В сложившихся обстоятельствах администрации Б. Обамы и Д. Трампа оказались вынужденными вернуться к реализации концепции «особых отношений» с Индией для действенного сдерживания Китая. Такого рода установки встретили активную положительную реакцию у трех влиятельных социально-политических сил Индии: 1) частно-корпоративного сектора, особенно его верхнего слоя, связывающего со «стратегическим союзничеством» с Америкой свои давно лелеемые планы по превращению Индии в «великую экономическую державу»; 2) растущего среднего класса, прежде всего его наиболее состоятельных слоев, уповающего на Америку как на «внешнего гаранта» его образа жизни перед лицом растущей мощи «непознаваемого» Китая; 3) генералитета и офицерского корпуса, подавляющая часть которых уже сориентирована на Соединенные Штаты как на производителя передовых военных технологий и надежного поставщика наиболее совершенных боевых систем: представители данной прослойки имеют регулярный доступ к руководству министерства обороны и постоянно отстаивают необходимость замены России на США как главного поставщика военно-технической продукции в Индию.

Помимо активной работы с руководящим составом вооруженных сил, американцы настойчиво внедряют свои идеи и представления в систему высшего образования, рассчитывая на создание благоприятной для них культурной среды, в которой будет формироваться новое поколение индийцев.

Прогрессирующее усложнение международных отношений («уравнения» геополитических сил) в Азиатско-Тихоокеанском регионе политологи нередко

называют «азиатской головоломкой», имея при этом в виду отсутствие здесь доминирующей силы, подвижную и склонную к «реактивным» переменам расстановку геополитических сил и наличие мощных потенциальных факторов возможного резкого нарушения хрупкого геополитического равновесия в регионе (объединение Кореи, отношения КНР и Тайваня, гипотетическое проникновение сил и тенденций *политического ислама* в ЮВА и проч.).

В последние годы в зарубежной печати и научных изданиях все чаще встречается непривычное словосочетание «восточное НАТО». В эту виртуальную военно-политическую группировку политологи включают США, Японию, Австралию и Индию. По представлению некоторых экспертов, этот воображаемый «союз» должен стать контрбалансом «геополитической экспансии» Китая в АТР, особенно в Юго-Восточной Азии. Однако возможен и иной взгляд на эту проблему. С помощью «союза четырех демократий» Индия активно стремится войти в формирующуюся на более широкой территориально-пространственной основе систему отношений в АТР, что становится неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии страны, начало диверсификации которой было положено «новой восточной политикой», или «доктриной Гуджрала».

7. АСЕАН В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Юго-Восточную Азию омывают воды Тихого и Индийского океанов, а Южно-Китайское море является их связующим компонентом. Возобновление нарратива о формировании Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) совпало с пятидесятилетним юбилеем АСЕАН, когда актуализировалась выработка новой повестки развития Ассоциации.

Осознавая, что игнорировать развитие проекта ИТР у нее не получится, АСЕАН не может не задумываться о выработке эффективного подхода к нему, а в идеале – повторении своей «истории успеха» по формированию многосторонних диалоговых механизмов по вопросам безопасности на пространстве двух океанов. Поскольку реализация любых планов начинается с целеполагания, осмысление проекта ИТР интеллектуалами этой группы стран будет проанализировано в контексте именно этой задачи.

7.1 Дискуссии и их акценты

Подготовка АСЕАН к пятидесятилетнему юбилею предопределила характер дискуссий ее экспертов о ее будущем позиционировании организации на транстихоокеанском пространстве. Этот интеллектуальный нарратив и сейчас продолжается вызывать живой интерес, попутно задавая параметры осмысления концепции ИТР. Основные точки зрения и акценты можно суммировать следующим образом.

Во-первых, интеллектуалов стран «десятки» самым активным образом занимает вопрос о том, каким образом целесообразно выстраивать отношения с партнерами по диалогу, главным образом, с Соединенными Штатами и КНР. Курс администрации Д. Трампа на неучастие США в Транстихоокеанском партнерстве, приоритетность сотрудничества с государствами Северо-Восточной Азии (СВА) и Индией, а также кризис идей относительно инструментария американского лидерства в АТР, вызвали в АСЕАН объяснимую обеспокоенность. Не меньшая тревога связана с перспективами ситуации в ЮВА, в частности решения проблемы Южно-Китайского моря, по мере реализации Китаем мега-стратегии (инициативы) «Пояс и Путь». Однако рекомендаций, способных реально, а не декларативно примирить американские и китайские интересы с интересами АСЕАН, пока не представлено.

Второе направление экспертных дискуссий касается инфраструктуры сотрудничества в рамках АСЕАН. Акцентируется необходимость расширить полномочия генерального секретаря организации; обновить Хартию, в частности, прописав процесс выхода из Ассоциации и ведомых ее усилиями многосторонних диалоговых форматов, если ее участники примут такое решение; интегрировать во Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) основные компоненты ТТП²⁰⁵. Это можно интерпретировать как поиск возможностей обновить инструментарий политики АСЕАН, повысив ее конкурентоспособность.

Наконец, третьим направлением мысли интеллектуалов стран ЮВА, контуры которого только начинают проявляться, стало осмысление последствий пандемии

²⁰⁵ Pambagyo I. RCEP is the Only Game in Town // ISEAS Focus. 2017. Issue 2. P. 26-27. // URL: <https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ASEANFocusMarApr17.pdf> (дата обращения: 28.03.2020).

коронавируса COVID-19 для АСЕАН и ее стран-участниц. Подчеркивается, что эпидемия проявилась в то время, когда накопившиеся в мировой экономике дисбалансы наложились на сложности адаптации к ним государств Юго-Восточной Азии (замедление темпов роста экономики КНР, китайско-американские торговые противоречия, последствия «четвертой промышленной революции» и пр.). Основной вопрос, вокруг которого строится этот нарратив (очевидно, что по мере дальнейшего развития обстановки в мире и в ЮВА его содержание будет меняться), состоит в следующем. Во-первых, в какой мере вспышка COVID-19 отразится на перемещениях людей, в том числе рабочей силы из КНР. А во-вторых, как это скажется на производственно-сбытовых цепочках, выстраиваемых Китаем в ЮВА в условиях, когда доля Поднебесной в мировой торговле промежуточными товарами составляет 12%.

На фоне опасений о неизбежном падении спроса в государствах ЮВА, что отразится на АСЕАН и ее международной политике, эксперты не исключают, что крупный бизнес будет переносить производства в их страны. Вместе с тем оговаривается: несовершенство условий ведения бизнеса в ряде государств субрегиона вкупе с последствиями «четвертой промышленной революции» может нивелировать эти пока еще гипотетические выгоды²⁰⁶.

Дискуссии об Индо-Тихоокеанском регионе в странах АСЕАН увязаны с рассмотренными выше дискурсами. Их основные направления таковы.

Пристальное внимание уделяется влиянию ИТР и четырехстороннего диалогового формата по вопросам безопасности Quad (ЧФ) на позиции АСЕАН как координатора площадок азиатско-тихоокеанского многостороннего сотрудничества. Эксперты АСЕАН подчеркивают: институциональное оформление ИТР может маргинализировать такие институты, как Региональный форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит (ВАС), лишив Ассоциацию ее основного «козыря» – нейтральной повестки сотрудничества во взаимодействии с партнерами. Высказывалось даже мнение, что ИТР – это первый признак «пост-асеановской» реальности²⁰⁷.

Интеллектуалы стран ЮВА ставят вопрос таким образом, что участники ЧФ должны предоставить убедительные аргументы, что ИТР не будет носить антикитайской нацеленности и не отразится на статусе АСЕАН как координатора многосторонних переговоров. Поставлен вопрос и о возможности присоединения государств Индийского океана к асеаноцентричным площадкам многосторонней дипломатии²⁰⁸.

Эксперты организации полагают, что ИТР может обострить проблему Южно-Китайского моря, географически расположенного в эпицентре будущей Индо-Пасифики, а геополитически представляет собой арену столкновения Китая и США. Чтобы не допустить такого развития событий, АСЕАН должна действовать «на опережение»²⁰⁹.

²⁰⁶ Menon J. Assessing the Economic Impacts of COVID-19 on ASEAN Countries // East Asia Forum. 27 March 2020. // URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/03/27/assessing-the-economic-impacts-of-covid-19-on-asean-countries/> (дата обращения: 28.03.2020); Kausikan B. Speculations on Southeast Asia after COVID-19. ASEAN Focus. 2020. Issue 1. P. 2–4. // URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/02/ASEANFocus-March-2020.pdf> (дата обращения: 28.03.2020).

²⁰⁷ Lee J. The “Free and Open Indo-Pacific” and Implications for ASEAN // Trends in Southeast Asia. 2018. N. 13. P. 28. // URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/TRS13_18.pdf (дата обращения: 28.03.2020).

²⁰⁸ Tang Siew Mun. ASEAN’s Hard Look at Indo-Pacific // ASEAN Focus. 2018. Issue 3. P. 6–7. // URL: <https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ASEANFocusMayJun.pdf> (дата обращения: 28.03.2020).

²⁰⁹ Эти оценки суммированы в: Diving into the Indo-Pacific // ASEAN Focus. 2018. Issue 7. P. 8–11. // URL: <https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ASEANFocusDec17.pdf> (дата обращения: 28.03.2020).

Инициативу по разработке позиции АСЕАН по Индо-Тихоокеанскому региону взяла на себя Индонезия. Это обусловлено рядом факторов.

Основной из них – географическое положение Индонезии. Страна омывается Тихим и Индийским океанами. Через архипелаги Индонезии проходят стратегически важные для морской торговли проливы. Администрация Д. Видодо взяла курс на превращение страны в «глобальную морскую ось». Этот курс предполагает развитие следующих пяти направлений: трансформацию морской культуры Индонезии, освоение морских ресурсов, строительство морской инфраструктуры и укрепление взаимосвязанности, укрепление морских вооруженных сил и продвижение морской дипломатии²¹⁰. Все это так или иначе коррелирует с дискурсом о формировании ИТР.

Индонезия имеет интеллектуальный задел в концептуализации ИТР. В 2013 году М. Наталегава, занимавший в то время пост министра иностранных дел страны, предлагал расширить сферу деятельности асеаноцентричных структур многосторонней дипломатии до ареалов Тихого и Индийского океанов, создав т.н. «систему динамического равновесия»²¹¹.

Сыграла роль и значимость ИТР как интеллектуального проекта в приоритетах крупных держав, влияющих на развитие Индонезии. Нарратив Индо-Тихоокеанского региона развивает Австралия, с которой у Индонезии традиционно были конкурентные отношения (достаточно вспомнить реакцию Джакарты на присутствие австралийских миротворческих контингентов в Восточном Тиморе в 1999–2002 гг.). Важен для Индонезии и фактор Китая: в планах Джакарты – координация стратегии «Глобальной морской оси» и «Морского Шелкового пути 21 века». Растет интерес к ЮВА, прежде всего к Южно-Китайскому морю, еще одного влиятельного международного игрока – Индии.

Наконец, индонезийские эксперты и политики неоднократно поднимали вопрос о том, что будущее страны лежит далеко за пределами взаимодействия с партнерами по АСЕАН. Это – не явление последнего времени, а устойчивая тенденция. Достаточно вспомнить, что в процессе формирования Восточноазиатского саммита Джакарта выступала за включение в состав ВАС Индии, Австралии и Новой Зеландии, что можно рассматривать в качестве попытки индонезийского руководства расширить институциональное пространство своей внешней политики. По его мнению, растущая экономика Индонезии делает ее одним из центров влияния в современном мире. Отсюда – нацеленность Джакарты на налаживание отношений с состоявшимися мировыми игроками, что предполагает ее участие в проектах с отчетливой глобальной составляющей²¹².

Взяв на себя инициативу в формировании позиции АСЕАН относительно идеи институционализации ИТР, Индонезия провела ее основательный «брейнсторминг» и последующую презентацию. На протяжении 2018–2019 гг. с заявлениями на эту тему выступали главы МИД и Минобороны, а также высшее руководство страны, освещая различные аспекты идеи и лоббируя ее поддержку со стороны остальных

²¹⁰ Doktrin Jokowi: Indonesia Poros Maritim Dunia. Pidato oleh Presiden RI Joko Widodo pada Konferensi Tingkat Tinggi Asia Timur ke 9, Sesi Paripurna, Naypyidaw, Myanmar, 13 November 2014. // URL: <https://www.rappler.com/world/regions/asia-pacific/indonesia/74928-pidato-jokowi-indonesia-poros-maritim-dunia> (дата обращения: 28.03.2020).

²¹¹ Natalegawa M. An Indonesian Perspective on the Indo-Pacific // The Jakarta Post. 20 May 2013. // URL: <http://www.thejakartapost.com/news/2013/05/20/an-indonesian-perspective-indo-pacific.html> (дата обращения: 28.03.2020).

²¹² См.: Milner A. Repositioning Indonesia: Thoughts on the Indo-Pacific // Journal of ASEAN Studies. 2019. Vol. 7. N. 1. P. 58-72. // URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/64005/ssoar-jas-2019-1-milner-Repositioning_Indonesia_thoughts_on_the.pdf (дата обращения: 28.03.2020).

стран «десятки»²¹³. Отдельного упоминания заслуживает проведение Индонезией в марте 2019 г. «Диалога высокого уровня по сотрудничеству в ИТР» с участием представителей восемнадцати государств-членов ВАС²¹⁴.

Суммируя озвученные положения индонезийского видения того, как должен развиваться проект институционализации ИТР, остановимся на системообразующих моментах.

Рефреном проходит мысль об укреплении центральной роли АСЕАН в этом проекте, равно как и то, что он должен развиваться на основе принципов, отраженных в Договоре АСЕАН о дружбе и сотрудничестве. В этом просматривалось стремление Индонезии, с одной стороны, не допустить маргинализации многосторонних площадок, инициированных АСЕАН, по мере дальнейшей эволюции проекта ИТР, а с другой – укрепить собственное лидерство по мере превращения АСЕАН в четвертую экономику мира.

Явственно просматривалось нежелание Индонезии входить в конфликт с уже озвученными идеями, например об «открытом и свободном Индо-Тихоокеанском регионе». Равно как и противодействовать уже стартовавшим инициативам, например четырехстороннему диалоговому формату по вопросам безопасности. Отсутствовала в индонезийском предложении и антикитайская составляющая: речь шла, скорее, о кооптации уже существующих идей в индонезийскую (и, в перспективе, общую для всех стран АСЕАН) концепцию развития ИТР с учетом интересов всех его крупных участников. Примечательно, что в выступлении индонезийского министра обороны Р. Рьякуду проект ИТР был увязан с активизацией боевиков ИГИЛ (запрещено в РФ) в Афганистане, Ираке и Сирии с перспективой их инфильтрации в Индонезию, а не с противоречиями между крупными странами ИТР²¹⁵.

В выработке общей позиции АСЕАН по ИТР обращало на себя внимание стремление Индонезии задействовать существующие многосторонние институты, в частности наладить сотрудничество между АСЕАН и Ассоциацией стран бассейна Индийского океана (АСБИО). Наряду с Малайзией, Таиландом и Сингапуром Индонезия также входит в АСБИО, являясь крупнейшей страной, представляющей там АСЕАН. Одновременно Индонезия осознавала как ограниченность собственных

²¹³ Introducing the Indo-Pacific Concept, Indonesia Set the Tone at the East Asia Summit. 6 August 2018. Ministry of Foreign Affairs. Republic of Indonesia. // URL: <https://www.kemlu.go.id/en/berita/Pages/Introducing-the-Indo-Pacific-Concept,-Indonesia-Set-the-Tone-at-the-East-Asia-Summit.aspx> (дата обращения: 28.11.2018); President Jokowi: Indo-Pacific Cooperation Should be Inclusive and Promote ASEAN Centrality. Sekretariat Kabinet Republik Indonesia. 28 April 2018. // URL: <http://setkab.go.id/en/president-jokowi-indo-pacific-cooperation-should-be-inclusive-and-promote-asean-centrality-3/> (дата обращения: 28.11.2018); Marsudi R. Indonesia: Partner for Peace, Security, Prosperity // The Jakarta Post. 11 January 2018. // URL: <http://www.thejakartapost.com/academia/2018/01/10/full-text-indonesia-partner-for-peace-security-prosperity.html> (дата обращения: 28.03.2020); Marsudi R. Insight: Time to Deepen Indo-Pacific Cooperation // The Jakarta Post. 20 March 2019. // URL: <https://www.thejakartapost.com/academia/2019/03/20/insight-time-to-deepen-indo-pacific-cooperation.html> (дата обращения: 28.03.2020).

²¹⁴ Yasmin N. Indonesia Hosts Indo-Pacific Forum to Boost Cooperation Between Regional Stakeholders // The Jakarta Globe. 20 March 2019. // URL: <https://jakartaglobe.id/context/indonesia-hosts-indopacific-forum-to-boost-cooperation-between-regional-stakeholders/> (дата обращения: 28.03.2020).

²¹⁵ Terrorism is 'Every Country's Enemy,' Indonesian Defense Chief Says // Benar News. 31 August 2018. // URL: <https://www.benarnews.org/english/news/indonesian/indonesia-militants-08312018163151.html> (дата обращения: 28.03.2020).

ресурсов, так и растущую потребность в решении задач внутреннего развития. Отсюда – предпочтение многосторонних диалоговых форматов двустороннему треку.

Своеобразной квинтэссенцией индонезийских усилий по выработке позиции АСЕАН по Южно-Китайскому морю можно считать подготовку МИД Республики Индонезия документа «Индонезия и позиция АСЕАН по ИТР: навстречу мирному, процветающему и инклюзивному региону». Основная особенность этого документа – стремление адаптировать механизмы сотрудничества АСЕАН, в частности ВАС, к индо-тихоокеанскому пространству. Из конкретных направлений диалога акцент делался на сотрудничестве на морских рубежах, инфраструктурном строительстве и наращивании взаимосвязей, а также на реализации «целей устойчивого развития»²¹⁶.

Готовность Индонезии взять на себя лидерство в решении актуальных для АСЕАН вопросов имело не только сугубо прагматическое, но и эмоционально-ценностное измерение. Именно в Бали прошел исторический саммит 1976 г., заложивший параметры сотрудничества организации. Впоследствии Джакарта также сыграла одну из ключевых ролей в урегулировании проблемы Камбоджи. Это продолжилось и после окончания «холодной войны», когда Индонезия взяла на себя проведение рабочих встреч по Южно-Китайскому морю и выработку «Соглашения из шести пунктов» по Южно-Китайскому морю после камбоджийского фиаско АСЕАН летом 2012 г.

Официально Ассоциация озвучила свою точку зрения по проекту ИТР в июне 2019 г. Основная черта документа под названием «Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион» (*ASEAN Outlook on the Indo-Pacific*) – попытка увязать процесс формирования ИТР с перспективными планами АСЕАН (о степени реализации такой возможности будет сказано ниже).

В документе подчеркнуто, что Тихий и Индийский океаны являются не просто двумя сообщающимися морскими пространствами, а интегрированным и взаимосвязанным регионом, в центре которого расположена АСЕАН. Оговаривается стремление «десятки» добиться синергии между формированием ИТР и Сообщества АСЕАН, с одной стороны, и укреплением ведомых ассоциацией институтов многостороннего сотрудничества – с другой. Акцентируется важность Договора АСЕАН о дружбе и сотрудничестве как нормативной основы позиции в отношении проекта ИТР. Основные направления индонезийской позиции по ИТР – сотрудничество на морях, наращивание взаимосвязанности и достижение целей устойчивого развития ООН до 2030 года – дополнены развитием диалога в экономической сфере (связи между микро-, малыми и средними предприятиями, активизация сотрудничества в цифровой сфере и т.д.). В институциональном отношении приоритет отдан асеаноцентричным диалоговым форматам – АРФ, СМО АСЕАН+8, треки АСЕАН+1 и ВАС с акцентом на возможностях последнего²¹⁷.

Реализация этих планов предполагает решение целого ряда вопросов. Какова конкретная содержательная повестка сотрудничества для достижения мира, стабильности и процветания? Предполагает ли она целенаправленные действия, нацеленные на сдерживание Китая в Южно-Китайском море, если именно эта цель обусловила появление нарратива об ИТР? Каким образом будет выстроено институциональное и нормативное сотрудничество между АСЕАН и АСБИО?

²¹⁶ Anwar D.F. Indonesia and the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // International Affairs. 2020. Vol. 96. Issue 1. Pp. 111–129. // URL: <https://academic.oup.com/ia/article/96/1/111/5697504> (дата обращения: 28.03.2020).

²¹⁷ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. 2019. // URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 28.03.2020).

Модифицируется ли принцип консенсуса – движения со скоростью «последнего готового» участника и добровольности выполнения взятых на себя обязательств? Как реально, а не декларативно проводить мероприятия по наращиванию взаимосвязанности, если нет ясности с источниками и объемами финансирования трансграничной инфраструктуры? Как увязать политику АСЕАН в отношении ИТР с сотрудничеством ее стран-участниц с Китаем в реализации инициативы "Пояс и Путь"?

Ответы на эти вопросы будут задавать параметры дальнейшей эволюции на платформе АСЕАН интеллектуальных нарративов, связанных с ИТР. Можно обоснованно ожидать, что современные представления ассоциированных государств о проекте институционализации ИТР, места в нем АСЕАН и ее роли в его формировании претерпят неоднократную трансформацию. Тем более что для АСЕАН увязка собственных перспективных планов с индо-тихоокеанским нарративом будет крайне непростой задачей.

7.2 Индо-Тихоокеанский регион в контексте перспективных задач АСЕАН

Рассмотренные выше дискуссии экспертов АСЕАН и перспектива выработки ею единой позиции по отношению к институтам Индо-Тихоокеанского региона происходят в контексте процессов, задающих параметры развития этой организации.

Анализ исторического багажа АСЕАН подталкивает к выводу: только в условиях многополярного мира эта организация имеет шансы на успешное «балансирование» между крупными державами. Идеальный многополярный мир «многослоен» (в терминологии А. Ачарьи – *the multiplex world*), т.е. взаимосвязан «по горизонтали» (в экономическом, политическом, гуманитарно-культурном и иных отношениях) и «по вертикали» (на глобальном, региональном, национальном и местном уровнях). «Многослойный мир» включает разнообразные, но не конкурирующие между собой многочисленные «модернизационные парадигмы» (*multiple modernities*), «сшиваемые» в единое целое системой формальных и неформальных взаимосвязей и взаимодействий²¹⁸.

Исходя из этого, ассоциация считает, что ее прерогатива – сформировать такой мир на уровне ЮВА (с оговорками – АТР), рассчитывая делегировать своим партнерам решение этой задачи на глобальном уровне. Свой вклад в «многослойное глобальное мироустройство» АСЕАН видит подчиненным политике глобальных игроков.

Для этого АСЕАН нужно решить три взаимосвязанные задачи:

- развивать проект «Сообщество АСЕАН», интегрировав его в глобальные процессы сотрудничества;
- интегрироваться в китайский проект "Пояс и Путь";
- адаптировать наработанные в АТР активы к более широкому геополитическому и геоэкономическому пространству.

Проект «Сообщество АСЕАН» изначально был направлен на повышение роли этой организации в глобальной экономике, и продолжает оставаться нацеленным на это. Задача состоит в превращении ЮВА в унифицированное пространство ведения

²¹⁸ Acharya A. Can ASEAN Cope with the Changing World Order? // East Asia Forum. 1 August 2017. // URL: <http://www.eastasiaforum.org/2017/08/01/can-asean-cope-with-the-changing-world-order/> (дата обращения: 28.03.2020).

коммерческой деятельности (в 2016 году по совокупному ВВП своих стран АСЕАН была шестой экономикой мира²¹⁹, а к 2050 году, согласно ряду оценок, может стать четвертой²²⁰), взаимосвязанное в инфраструктурном, институциональном и «человеческом» отношении и представляющее собой единый производственно-рыночный анклав.

«Сообщество АСЕАН» призвано обеспечить благоприятные международные условия решения этой задачи в сфере политики и безопасности. Это предполагает оптимизацию отношений АСЕАН с партнерами по диалогу и повышение эффективности асеаноцентричных структур многосторонней дипломатии. В социокультурном отношении проект нацелен на консолидацию элит и, в значительно меньшей степени, народов стран ЮВА, чтобы государства азиатского юго-востока выполняли поставленные задачи, проводя единую политику.

Основной задачей Ассоциации остается строительство трансграничной инфраструктуры в ЮВА, т.к. это способно вызвать эффект мультипликатора, стимулировав развитие смежных экономических секторов, а следовательно – поддерживать высокие темпы экономического роста государств субрегиона.

Сквозь призму увязки этой потребности с формированием Индо-Тихоокеанского региона подчеркнем: интересам АСЕАН соответствует сотрудничество на сухопутном – евразийском – пространстве в большей степени, чем на морских рубежах²²¹. Тем более что применительно к ИТР речь идет об обширных пространствах. Строительство инфраструктуры, прежде всего энергетической, проще с технической и менее обременительно с финансовой точки зрения. По мере развития ИТР он будет все больше входить в противоречие с проектом КНР «Морской шелковый путь», ставя АСЕАН в положение заложника китайско-американских разногласий по проблеме Южно-Китайского моря.

Китайская мега-стратегия «Пояс и Путь» развивается на переломном этапе глобализации, когда усиление взаимозависимости, набирая темп и размах, не сопровождается консенсусными настроениями по вопросам политики и безопасности. Разработка ядерного оружия вне режимов его нераспространения, торговые войны, международный терроризм и пандемия COVID–19 на фоне недостаточной эффективности институтов глобального управления и регулирования подрывают возможности формирования устойчивого международного порядка.

Для АСЕАН эта «инициатива» сопровождается как выгодами, так и издержками. Первые связаны, прежде всего, с перспективой притока китайских инвестиций в строительство трансграничной инфраструктуры стран ЮВА, прежде всего портовой (притом что через Юго-Восточную Азию проходят два сухопутных экономических коридора и участок «Морского шелкового пути»). Политика Поднебесной стимулирует активность на азиатском юго-востоке других государств –

²¹⁹ Последнее сопоставление, представленное Секретариатом АСЕАН. ASEAN in the Global Economy. ASEAN Economic Community Chartbook 2017. Jakarta: the ASEAN Secretariat. // URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2018/01/AEC_Chartbook_2017.pdf (дата обращения: 28.03.2020).

²²⁰ См., например: Growth Projections. US-ASEAN Business Council. 16 May 2017. // URL: <https://www.usasean.org/why-asean/growth>; Breene K. What Is ASEAN? // World Economic Forum. 9 May 2017. // URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/05/what-is-asean-explainer/> (дата обращения: 28.03.2020).

²²¹ О мотивах участия Ассоциации в проекте Большая Евразия см.: Канаев Е. А. (2018) Формирующееся евразийское измерение отношений России с АСЕАН. // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под общ. ред. А. В. Лукина. М.: Международные отношения. С. 471–494.

Японии, Южной Кореи, Индии и иных, предоставляя АСЕАН альтернативные возможности сотрудничества и создавая эффект его мультипликатора.

Однако АСЕАН осознает и иное: мотивация Пекина далека от соображений благотворительности и альтруизма. Посредством реализации инфраструктурных проектов в странах-партнерах Китай намерен сформировать «пояс дружественного окружения» Поднебесной, что на практике означает выстраивание китаецентричной системы «общей безопасности». Продолжение финансирования инфраструктурного строительства (а это по определению длительный и затратный процесс) будет увязано с готовностью партнеров Китая, в том числе и входящих в АСЕАН, с уступками этих стран Поднебесной по политическим вопросам²²².

Отдельного упоминания заслуживает такое направление "Пояса и Пути", как «Цифровой Шелковый путь». Развивая его, в том числе в отношениях с государствами ЮВА, Поднебесная рассчитывает достичь далеко идущих целей. В том числе укрепить свои позиции в международном промышленном сотрудничестве (если строится производственный комбинат китайскими подрядчиками, по умолчанию предполагается, что его ИКТ-сопровождение предоставит китайская сторона), перевести его на китайские операционные системы и интернет пятого поколения. Можно отметить и облегчение для китайских компаний, причем не обязательно занятых в ИКТ-секторе, выхода на рынки стран-партнеров, содействие китайским B2B и B2C платформам в расширении их клиентских баз. Информационным сопровождением такой политики стал дискурс об «инклюзивной глобализации» с акцентом на инклюзивную торговлю и инвестиции, рациональное использование больших данных, создание так называемых «умных городов» и т.п.²²³

Для стран Юго-Восточной Азии продолжение такой политики означает перспективу если не утраты собственного цифрового суверенитета, то уж точно – рост собственной уязвимости и снижение порога своих возможностей купировать эти процессы. Основные риски для государств ЮВА включают в себя формирование, а впоследствии и расширение на их территории производств и рынков цифровых услуг, основанных на китайских стандартах и технологиях. Деятельность китайских компаний Huawei и ZTE по прокладке оптоволоконных кабелей в Индонезии и на Филиппинах, а также по установке оборудования для интернета пятого поколения²²⁴, делают государства ЮВА уязвимыми в случае возможного (в какой мере – другой вопрос) намеренного вывода из строя инфраструктуры как инструмента политической манипуляции. В своей совокупности эти факторы отразятся и на АСЕАН, в частности на ее роли «движущей силы» форматов и инициатив многостороннего сотрудничества АТР в сферах экономики, политики и безопасности.

Перспектива активизации проектов "Пояс и Путь" и ИТР и проецирования противоречий глобальных партнеров АСЕАН на ЮВА подталкивает ее к поиску путей повышения своей конкурентоспособности. К ней важно адаптировать уже наработанные политические, организационные и интеллектуальные активы. Можно ли это увязать эту задачу с проектами институционализации Индо-Пасифики?

Шансов на успех немного. И дело даже не в том, что нет связки между АСЕАН и АСБИО; что участники ЧФ развивают проект ИТР на антикитайской основе, а ИГИЛ

²²² Подробнее см.: Lukonin S., Kanaev E., Efremova A. Southeast Asia as a Prospective Area of China-Russia Cooperation: the Belt and Road Initiative Opportunity. // Россия и АТР/Russia and the Pacific. 2019 № 3. P. 125–137.

²²³ Hong Shen. Building a Digital Silk Road? Situating the Internet in China's Belt and Road Initiative // International Journal of Communication. 2018. N. 12. P. 2683–2701.

²²⁴ Harding B. China's Digital Silk Road and Southeast Asia // Reconnecting Asia. 19 February 2019. // URL: <https://reconnectingasia.csis.org/analysis/entries/chinas-digital-silk-road-and-southeast-asia/> (дата обращения: 28.03.2020).

(запрещено в РФ) угрожает Ассоциации с суши, а не с океанических пространств. Главная причина заключается в том, что отход от «экономизации» международных отношений как квинтэссенция проекта ИТР идет вразрез со стратегической культурой АСЕАН. Если в 1990-е годы реальный вклад государств в укрепление международной безопасности определялся степенью их участия в торгово-экономических обменах (а в идеале – в их наращивании), то сейчас происходит противоположное: участники будущего ИТР первым делом создали четырехсторонний формат для взаимодействия в сфере безопасности, антикитайская повестка которого видна невооруженным глазом, оставив экономику «на потом». Слабая проработка экономической повестки будущих институтов ИТР усиливает настроения элит стран ЮВА в пользу того, что экономическое сотрудничество не может выступать средством смягчения и удержания под контролем противоречий по политическим вопросам.

Рассматривая проблему наличия у АСЕАН ресурсов для того, чтобы повторить свою историю успеха применительно к Индо-Тихоокеанскому региону, уместно напомнить: квинтэссенцией успеха «десятки» в реализации форматов и инициатив многостороннего сотрудничества является наличие трех составляющих. Это: 1) готовность партнеров Ассоциации рассматривать ее как единое целое и делегировать ей функции координатора многосторонних переговоров, 2) высокая степень единства АСЕАН в реализации поставленной задачи, 3) конкурентоспособность идей и институтов АСЕАН²²⁵.

Применительно к первому пункту, уместно напомнить: Индо-Тихоокеанский регион изначально не предполагал участия Китая, т.е. создавался как разобщающая, а не консолидирующая инициатива. Однако реальность такова, что без Китая – и уж тем более на антикитайской основе – ни один содержательный многосторонний проект состояться не может. То обстоятельство, что развитие индо-тихоокеанского нарратива происходит на фоне эскалации китайско-американских противоречий по торговым вопросам, подрывает жизнеспособность проектов институтов ИТР еще больше. В этом случае нарушается принцип инклюзивности сотрудничества, который был и остается конкурентным преимуществом АСЕАН.

С точки зрения второго момента, важно подчеркнуть: страны АСЕАН далеко не едины в вопросе об Индо-Тихоокеанском регионе и своем участии в ЧФ. Сингапур принимал участие в военно-морских маневрах совместно с государствами ЧФ в сентябре 2007 г. Есть основания ожидать интереса к ЧФ со стороны Вьетнама, который едва ли упустит возможность создать дополнительный противовес Китаю в Южно-Китайском море. Однако то обстоятельство, что в ЧФ нет Филиппин и Таиланда – американских союзников в АТР – говорит о сдержанно-скептических настроениях элит стран ЮВА, особенно не имеющих территориальных притязаний в Южно-Китайском море, относительно будущего ЧФ и формирования институтов ИТР.

Наконец, по вопросу об институтах и идеях необходимо ясное понимание: к Индо-Тихоокеанскому региону не может быть применим основной принцип АСЕАН – подчеркнуто нейтральный характер сотрудничества и укрепление доверия между его участниками. В асеаноцентричной системе безопасности на основе сотрудничества функционируют три института – Региональный Форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит (ВАС). Даже учитывая размытость границ ИТР, очевидно, что вопрос о присоединении к этим институтам новых участников встанет довольно скоро, т.к. из нынешних участников

²²⁵Подробнее см.: Канаев Е.А. Пятидесятилетний юбилей АСЕАН: «истории успеха» и их ресурсы. Научный доклад. М.: ИМЭМО РАН, 2017.

АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, помимо четырех стран собственно АСЕАН, индоокеанскими государствами являются только Австралия и Индия. Сложности, как представляется, не заставят себя ждать.

Критериями присоединения к Восточноазиатскому саммиту являются наличие у кандидата статуса полномасштабного диалогового партнера АСЕАН, присоединение кандидата к Договору АСЕАН о дружбе и сотрудничестве и так называемые «субстантивные» (т.е. более или менее развитые) экономические связи с АСЕАН. Если первый и второй критерии носят достаточно формальный характер, то с третьим иначе. Например, присоединение к ВАС Ирана, которого по географическим параметрам можно отнести к Индо-Тихоокеанскому региону, и у которого торговля с АСЕАН в 2014–2018 годах оставалась в диапазоне 1.3 – 3.8 млрд долларов²²⁶, с точки зрения «субстантивности» связей довольно проблематично.

Еще один пример – Региональный форум АСЕАН. Его неоднократно критиковали за неспособность перейти от первой ко второй стадии своей деятельности – от мер по укреплению доверия к превентивной дипломатии. Однако в современных условиях эта особенность АРФ – которая, повторимся, до недавнего времени считалась его серьезным недостатком – превращается в его достоинство. Причина очевидна: едва ли современная мировая политика нуждается в чем-либо больше, чем в доверии, а площадка, которая его целенаправленно формирует в течение более двух с половиной десятилетий, становится ценнейшим дипломатическим активом. Думается, что попытка адаптировать АРФ к формированию ИТР не только не будет содействовать снижению остроты угроз безопасности на индо-тихоокеанском пространстве, но и негативно скажется на работе форума в его нынешнем виде. За два с половиной десятилетия острота существующих угроз не снизилась не только на пространстве АТР, но и – если вспомнить о периодическом обострении проблем между ассоциированными государствами – даже на уровне ЮВА. При этом укрепление доверия между участниками переговоров как основа их повестки может превратиться в формальность.

Отметим и тот немаловажный момент, что АСЕАНовской версии регионализма традиционно был присущ сильный элемент формирования идентичности. Для политического лексикона АСЕАН характерны термины с сильной составляющей этого понятия – достаточно вспомнить о «Сообществе АСЕАН». То обстоятельство, что название Индо-Тихоокеанского региона не включает слова «Азия», естественным образом входит в противоречие с целеполаганием АСЕАН, где наступление «азиатского века» увязывается с дальнейшим развитием диалоговых площадок, ведомых усилиями Ассоциации.

В общем и целом, интересам и перспективным планам ассоциации едва ли соответствует активное участие в формировании институтов Индо-Тихоокеанского региона. Тем более в предстоящие годы, когда международная турбулентность наложится на ожидаемое и естественное усиление тенденции к обособленности стран «десятки» как следствие пандемии COVID-19.

Будущие идеи

Современные направления мысли интеллектуалов ЮВА и международный контекст их эволюции позволяют ожидать как дальнейшей разработки уже существующих идей, так и появления новых.

²²⁶ Данные the Official Website of ASEANstats за соответствующие годы. // URL: <https://www.aseanstats.org> (дата обращения: 28.03.2020).

Применительно к первым, подчеркнем: в рамках АСЕАН сохранится установка, что нынешняя ситуация с ЧФ и формированием институтов ИТР – не худшее из того, что могло произойти. В ближайшей перспективе ЧФ может, пусть и с немалыми издержками, составить конкуренцию политике КНР в Южно-Китайском море. Причем в относительно нежесткой форме по сравнению с тем, что могло бы случиться, если бы США задействовали свои альянсы. У участников ЧФ налажено масштабное и диверсифицированное сотрудничество с Китаем, которое может снизиться если не градус конфронтации, то уж точно – темпы ее нарастания.

В этом контексте интеллектуальный нарратив АСЕАН будет концентрироваться вокруг ключевого вопроса: каким образом она может сохранить единство входящих в нее стран по мере формирования будущей «Индо-Пасифики», если участники ЧФ рассматривают перспективу его расширения, в том числе сотрудничество с государствами ЮВА. Пример уже есть: в сентябре 2007 г. Сингапур проводил маневры с участниками ЧФ в Бенгальском заливе. Учитывая систематическое обострение китайско-вьетнамских противоречий в Южно-Китайском море, удержится ли СРВ от соблазна использовать ЧФ как антикитайский инструмент, притом что переговоры о Кодексе поведения сторон в Южно-Китайском море между Китаем и АСЕАН еще не завершены?

Можно ожидать дальнейшего внимания экспертов и политиков стран АСЕАН к повышению эффективности заседаний АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС. Идеей, которая получит распространение, станет пересмотр принципа консенсуса в пользу формулы АСЕАН-Х и повышения уровня координации АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС. Будет поставлен вопрос о ревизии Хартии АСЕАН, в которой эти изменения найдут отражение.

Применительно к новым идеям наиболее вероятным выглядит появление и развитие следующих.

Первая. Определение места АСЕАН в сотрудничестве на евразийском пространстве – хотя бы по той причине, что через Евразию пойдут экономические коридоры "Пояса и Пути", а ЮВА в силу своего географического положения и невозможностью заменить морские перевозки сухопутными не останется вне рамок китайского проекта. С этой точки зрения вероятным выглядит интерес экспертов АСЕАН к сотрудничеству с евразийскими диалоговыми форматами и инициативами.

Направления, механизмы и институциональную связку такого сотрудничества еще предстоит определить. Но интеллектуальными «несущими конструкциями» этого направления станут ответы на следующие вопросы.

Безопасность. Как адаптировать АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС к китаецентричной системе безопасности, которая будет выстраиваться на основе инициативы "Пояс и Путь"? Можно предположить, что АСЕАН станет позиционировать эти диалоговые площадки как уже готовую инфраструктуру сотрудничества, которая может быть задействована для снижения остроты угрозы международного терроризма, особенно учитывая набирающую размах инфильтрацию боевиков ИГИЛ в СУАР КНР, Центральную Азию и Афганистан. Равно как и позиционировать АРФ как один из очень немногих каналов многостороннего взаимодействия с КНДР.

Наращивание взаимосвязей. Как убедить партнеров АСЕАН инвестировать в трансграничную инфраструктуру ЮВА? Как увязать эту задачу с повесткой форума АСЕМ, на заседаниях которого присутствуют главы государств и правительств АСЕАН и многих ее партнеров, и который активно разрабатывает повестку наращивания взаимосвязей? Как интегрировать «Пояс и Путь» и РВЭП в выгодном для АСЕАН направлении? В этом контексте можно прогнозировать появление в

лексиконе АСЕАН такого термина, как «формирование транс-евразийского пространства соразвития».

По мере нарастания процессов урбанизации в ЮВА и повышения эффективности транспортных технологий новым термином, продвигаемым в диалоге с евразийскими партнерами, может стать взаимосвязанность между городами (*urban connectivity*).

Повышение мотивации евразийских игроков развивать сотрудничество с АСЕАН. Как реагировать на противоречия между Китаем и Индией, неизбежные по мере реализации инициативы "Пояс и Путь"? Соответственно, одной из идей, которую будет разрабатывать АСЕАН, станет модификация инструментария АРФ: отход от формулы «меры по укреплению доверия – превентивная дипломатия – механизм урегулирования конфликтов» в сторону усиления его обязывающего компонента.

Вторая. Подъем уровня мирового океана будет объективно стимулировать рост интереса АСЕАН к Арктике и Антарктике. В интеллектуальном измерении это найдет отражение в позиционировании Сингапура как «моста» между Арктическим советом и АСЕАН. Можно ожидать возникновения и разработки идеи присоединения государств АСЕАН к Договору об Антарктике и формированию их правительствами необходимых для этого условий. (Какими темпами и под влиянием каких факторов эта идея будет развиваться – отдельный вопрос.)

Третья. АСЕАН будет развивать инструменты своего интеллектуального и культурного влияния – «мягкую» («умную») силу. Лейтмотивом станет позиционирование Ассоциации как международного игрока, чьи принципы сотрудничества идентичны или как минимум созвучны нормам международного права. Вероятно, АСЕАН будет представлять ЮВА как «мини-проекцию» глобального мироустройства, примера единства в многообразии, где международные вопросы решаются на основе принципов уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств.

АСЕАН будет нацелена на оптимизацию существующих форматов взаимодействия с партнерами по диалогу. Будут конкретизированы понятия «полномасштабное диалоговое партнерство» и «стратегическое партнерство». Акцент будет делаться на отношения не столько со странами, сколько с многосторонними диалоговыми форматами. Можно ожидать, что новыми партнерами АСЕАН по диалогу станут ШОС и ЕАЭС.

Интеллектуальный нарратив затронет вопрос о ребрендинге проектов АСЕАН, усилив их глобальную составляющую. Логичным представляется появление слогана «Глобальная АСЕАН во взаимосвязанном мире» в различных модификациях.

В общем и целом, в интеллектуальном измерении нарратив ИТР подтолкнет АСЕАН к сотрудничеству на пространстве Большой Евразии. Что касается самого проекта развития институтов ИТР, то в его отношении эта организация будет руководствоваться «негативной мотивацией», стремясь не столько обрести выгоды, сколько снизить, а идеале и устранить издержки, неизбежно возникающие по мере его дальнейшей эволюции.

* * *

Анализ интеллектуального нарратива АСЕАН в контексте концепции ИТР и особенностей этого геополитического проекта подталкивает к выводу о невысоких шансах ассоциации повторить свой успех по выстраиванию, пусть и не безупречно, но в целом эффективно работающих многосторонних диалоговых форматов, как это произошло в АТР после «холодной войны».

Причина заключается не в том, что эта задача АСЕАН не под силу – практика показала, что она может эффективно справляться с самыми сложными вызовами.

Проблема состоит в ином – участие в проекте ИТР идет вразрез как с перспективными планами ассоциации, так и с эволюцией ее ресурсов.

Не менее важную роль играет и растущее осознание элитами стран АСЕАН того факта, что либеральный мировой порядок, продвигаемый в том числе адептами проекта ИТР, все меньше напоминает модель сотрудничества, способную принести ЮВА мир, гармонию и процветание. Иначе говоря, либеральный мировой порядок и продвигаемая АСЕАН с первой половины 1990-х гг. нейтральная повестка сотрудничества с ее глобальными партнерами, а также между самими этими партнерами, перестали быть тождественными понятиями. Естественное усиление элементов национализма в мировой политике по мере борьбы с COVID-19 будет еще больше подрывать нарратив о либерализме в любой его форме.

В таких условиях можно обоснованно прогнозировать: сдержанно-скептический настрой АСЕАН к проекту ИТР продолжится и впредь. Одновременно будут разрабатываться идеи, способные реально, а не декларативно содействовать росту конкурентоспособности ЮВА как политико-экономической общности, расширяя инструментарий решения задач, количество и степень сложности которых будут расти.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: СУБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ГРЯДУЩИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Изначально авторы данного исследования предполагали на заключительной его стадии провести в режиме круглого стола коллективное обсуждение предложенных ответственными редакторами основных итоговых тезисов. Однако эпидемия коронавируса внесла свои коррективы, в результате чего замечания и соображения авторов были переданы в письменном виде. Итогом стал данный заключительный раздел, задача которого – подвести итоги исследования с точки зрения возможных будущих изменений, в том числе в свете событий 2020 года, а также ожидаемых последствий этих изменений для нашей страны.

* * *

Первый вопрос, который был вынесен для обсуждения – это последствия глобальной пандемии коронавирусной инфекции для интеллектуальных дискуссий и разработок концепций стратегического характера в странах исследуемого региона. По мнению большинства авторов, **пандемия не приведет к коренному изменению стратегического мышления в странах АТР, но дополнит долгосрочные стратегии** разработкой мер, которые позволят решить как минимум две сложные задачи. Во-первых, при наступлении в будущем новой возможной пандемии найти оптимальный баланс рисков и жертв – как для роста экономики, так и для защиты прав и свобод граждан. А во-вторых, эффективным образом сочетать национальные интересы, в том числе использование фактора первенства в производстве средств борьбы с угрозами, для усиления экономического и политического позиционирования своей страны в мире с потребностью единого глобального ответа на новые вызовы.

По мнению А. Ломанова, эпидемия также сильно обострила сложные противоречия, которые стали двигателями набравшего силу течения «антиглобализации». Ведущие экономики мира – США и лидеры ЕС – внезапно ощутили свою слабость и уязвимость. Их ответом на кризис стало стремление решить свои собственные проблемы за счет других стран, даже в том случае, если эти страны являются их союзниками.

Удар эпидемии по развивающимся странам пока не очень силен. Но когда он произойдет, эти страны окажутся в бедственном положении и не смогут рассчитывать на получение реальной помощи от развитых стран. Немыслимая прежде перспектива спасения слабых развивающихся стран силами более передовых развивающихся стран становится единственной надеждой на выживание слабых.

Уникальность сложившейся ситуации состоит в том, что у всех жителей планеты исчезло ощущение изобилия и многообразия глобального рынка. У жителей развитых западных стран внезапно исчезло ощущение защищенности и комфорта повседневной жизни.

В новых условиях опора на сравнительные преимущества может быть смертельно опасной в самом прямом смысле этого слова. Страна, которая сама не производит защитные средства и медицинское оборудование, сегодня не имеет возможности приобрести их по доступным ценам в нужном количестве. Это большой вызов для западной экономической теории, привыкшей оперировать понятиями невмешательства государства в экономику и максимизации рыночной прибыли. Государственное регулирование стало заметным во всем мире.

Психологический шок после нынешней эпидемии, считает А. Ломанов, будет долгосрочным и приведет к значительным изменениям в экономическом поведении стран. Возрастет тенденция к импортозамещению по жизненно важным товарам. Сейчас все страны лихорадочно наращивают производство защитных масок, страны

с развитой промышленностью увеличивают производство аппаратов искусственной вентиляции легких. Потом надобность в этих товарах неизбежно снизится. Но останется память о том, что в случае возникновения глобальной кризисной ситуации в области здравоохранения рассчитывать можно только на собственные производственные возможности.

В области связи 5G нападки на Китай были связаны с западной политикой сдерживания технологического роста набирающего силы соперника. Теперь стало ясно, что кризис в мировом производстве медицинских товаров может обернуться гибелью людей. На Западе все громче звучат призывы избавиться от «зависимости» от Китая по медицинским товарам и лекарствам. Это негативная тенденция, которая будет способствовать задуманному в США отрыву Китая от западной экономики.

«Медицинский национализм» всех стран мира станет намного более сильным, и эта тенденция сохранится на годы вперед. Защита жизни своих граждан будет и впредь оставаться приоритетом для всех национальных государств. Однако, полагает А. Ломанов, это позволяет использовать кризис как шанс, как возможность прямого диалога между национальными государствами о новых правилах и механизмах глобального управления, более приспособленных к новой реальности. Китай может сыграть в этом процессе важную конструктивную роль.

После высокопарных разговоров о ценностях и идеалах западные страны в период эпидемии начали «игру с нулевой суммой» не со своими соперниками, а между собой. Все это ускорит демонтаж прежней модели глобализации и создание ее нового варианта. В мире после коронавируса уже не будет прежней самоуверенности в превосходстве западной модели. Также не будет и доверия к мировым рынкам и к прежним союзникам. Роль национальных государств заметно возрастет, снизится их готовность делегировать часть суверенитета коллективным наднациональным структурам. Вместе с тем будет расти понимание того, что справиться с трудностями в одиночку невозможно. И это будет стимулировать формирование новых, более равноправных, справедливых и взаимовыгодных отношений международного сотрудничества.

Объединение знаний и компетенций ведущих стран в сфере здравоохранения помогло бы спасти много людских жизней. Возможно, что это произойдет на время борьбы с коронавирусом. Однако ждать чуда не стоит. Соперничество Запада с новыми растущими экономиками продолжится. И оно будет охватывать фармацевтику, биотехнологии, инновационные технологии здравоохранения.

Когда жители стран Запада станут задавать своим политикам все больше вопросов по поводу неготовности к борьбе с эпидемией, эти политики будут переадресовывать их гнев Китаю, возлагая на него фальшивые обвинения. Китаю хватит сил и мудрости для того, чтобы найти взвешенный ответ на эти нападки. Китай не отвернется и не замкнется в себе, а продолжит настойчивую работу по формированию новых международных отношений, основанных на доверии, равноправии и уважении друг к другу.

* * *

Столь же очевидно, что **мировую экономику ждет глубокий кризис**, который превзойдет кризис 2008 г. Впереди серьезная крупномасштабная безработица. Сопоставимым событием является разве что «великая депрессия» 1930-х, которая привела к глубоким сдвигам в мировой политике. Чтобы не повторять ошибки прошлого, человечеству нужно будет найти возможность объединить усилия для совместного поддержания глобального экономического роста. Помимо добрых намерений, тут потребуются способность прогнозировать будущее и разумным образом влиять на формирование экономических тенденций.

На место еще недавно процветавших отраслей международного туризма встанут новые игроки, о которых мы пока мало знаем – после эпидемии люди будут опасаться дальних путешествий, но потребность в отдыхе и смене обстановки у них не исчезнет. Можно предположить, что на некоторое время тема глобальных климатических изменений потеряет былую остроту. Ежедневные сообщения об улучшении экологических показателей на фоне повсеместной остановки производства не внушают людям оптимизма. Забота о собственной жизни на фоне эпидемии и о личном благосостоянии на фоне «великой депрессии XXI века» заставит людей больше думать о практических повседневных проблемах.

Культурные, поведенческие, социально-психологические последствия нынешнего эпидемического кризиса пока трудно себе представить. Однако понятно, что такие последствия обязательно будут. Китай готов к ним больше, чем западные страны, поскольку руководство страны четко понимает, что мир вошел в период огромных изменений, каких не было в течение столетия.

Никто не ожидал, что из-за политики Трампа США откажутся от лидерства в организации общемировой борьбы с эпидемией. Также мало кто мог предвидеть, что Китай первым победит эпидемию и первым из крупных стран протянет руку помощи тем, кто в ней нуждается.

Изменения происходят очень быстро, и мы не успеваем их осмысливать. Бесспорно лишь то, что эти перемены уже происходят, и они изменяют облик знакомого нам мира.

Тема экономического кризиса, по мнению В. Михеева, не будет доминировать в китайском стратегическом мышлении в среднесрочной перспективе. Однако сама задача преодоления последствий негативного влияния эпидемии 2020 г. на экономику будет какое-то время подталкивать руководство КНР к использованию апробированных и надежных механизмов выхода из кризиса через усиленную накачку экономики финансовыми ресурсами.

Реализация принятых накануне пандемии решений о повышении «качества» роста даже за счет замедления его темпов может быть отложена на какое-то время. Однако в среднесрочной перспективе более вероятным представляется возврат китайского стратегического мышления к темам большей либерализации, изменения всего спектра правил игры, пересмотра хозяйственных правил и процедур (например, в биржевом механизме), защите прав интеллектуальных собственников и т.п. в соответствии с теми требованиями, которые выдвигают США в ходе т.н. «торговой войны» с Китаем.

А. Ломанов отметил, что появление новых доктрин в дополнение к существующим может вращаться вокруг новых инновационных технологий – 6G.

Сохранится, хотя и подвергнется коррективам в зависимости от внутренних и внешних обстоятельств развития китайской экономики, стратегия превращения Китая к 2050 году в полноценную торгово-экономическую державу. Реализация данной стратегии распадается на три этапа:

- к 2020 году «предстоит упрочить статус Китай как крупной торгово-экономической страны» по показателям в таких сферах, как потребление, внешняя торговля, иностранные инвестиции и внешние инвестиции Китая. В принципе, этот план можно считать выполненным.

- к 2035 году – «предварительно выполнить задачу превращения Китая в могущественную торгово-экономическую державу», для чего Китай «должен продолжать инновации и идти по пути высококачественного развития».

- к 2050 году – полностью осуществить намеченную цель.

Стратегические «шесть задач и восемь планов», которые Китай определили в качестве ступенек к превращению страны в «полноценную торгово-экономическую

державу к 2050 году, могут подвергнуться стратегическим уточнениям, разъяснениям (чтобы сделать их понятными для мирового сообщества) и практическим корректировкам. В нынешней китайской трактовке, трудно воспринимаемой с позиций распространенного экономического мышления, эти «шесть задач» включают в себя:

- повышение фундаментальной роли потребления в экономическом развитии;
- «выявление новых преимуществ» для внешней конкурентоспособности страны;
- новый уровень привлечения иностранных инвестиций и внешнего финансирования;
- «оптимизацию региональной открытости»;
- формирование международных торгово-экономических отношений «нового типа»;
- «усиление роли коммерции в улучшении благосостояния народа».

«Восемь планов», также требующих уточнений (что создает поле для новых стратегических новаторств в китайском стратегическом мышлении) заключаются в следующем:

- оптимизация потребления,
- создание «могущественной торговой державы»,
- стимулирование привлечения зарубежных инвестиций,
- развитие инновационной и цифровой экономики,
- увеличение зарубежных инвестиций Китая,
- повышение «комплексной эффективности помощи иностранным странам»,
- расширение сотрудничества в рамках стратегии "Пояс и Путь" и многостороннего регионального торгово-экономического сотрудничества,
- борьба с бедностью за счет коммерциализации отсталых регионов и слоев населения.

По мнению А. Ломанова, эпидемия также приведет к *очередной модификации китайской мега-стратегии «Пояс и Путь»*. Новую мощную раскрутку получила идея «Пути здоровья». Это означает создание под началом Китая единой инфраструктуры здравоохранения, механизмов предотвращения распространения эпидемий.

Провала реализации данной стратегии в течение 10–15 лет не будет – пока будет продолжаться активное финансирование со стороны Китая. Сокращение этого финансирования по причине осложнения внутриэкономической ситуации в Китае или усиления негативного отношения стран-реципиентов, партнеров и мировых лидеров может вызвать торможение проекта.

И позитивный, и негативный сценарии могут обозначить появление идеи создания новых интеграционных форматов-кластеров в регионах, являющихся зоной реализации этой стратегии. Вызов со стороны такой идеи состоит в необходимости гармонизации развития мировой экономики с новыми правилами, нормами, стандартами, с новым мировым экономическим порядком – на базе стратегической экономической экспансии Трампа и его последователей.

Идея формирования зоны свободной торговли в рамках инициативы «Пояс и Путь» представляется не безальтернативной, но реализуемой.

* * *

Большое влияние на направления дальнейшего развития стратегической мысли в регионе окажут ожидаемые процессы и события **внутриполитической жизни КНР**.

По мнению А. Ломанова, можно предположить, что курс председателя КНР Си Цзиньпина на усиление роли партии и его личной роли в партии получит

политическую поддержку. Главное условие такой поддержки – устойчивый экономический рост.

По мнению В. Михеева, и в китайском обществе, и в КПК вполне возможно и усиление настроений несогласия с курсом руководства. Интеллектуальным ответом в плане стратегического мышления может стать продолжение разработки идей демократизации китайского общества и демократии «китайского образца» – как механизма сохранения баланса в обществе и партии в качестве средства сохранения стабильности, но не как ценностной основы развития общества.

А. Ломанов, однако, полагает, что сегодня подобный вариант не просматривается. Официально заявлено, что партия командует всеми сферами общества, в центре – лозунг «укрепления единого централизованного руководства». Балансирование и совершенствование механизмов власти происходит в рамках нормативной концепции улучшения государственного управления. Никакие серьезные альтернативные идеи в общественном сознании не продвигаются; либеральное крыло в КПК утратило свое влияние.

В любом случае, появление новых стратегических идей о КНР без КПК представляется невозможным. Даже экономический кризис в Китае или кризис в его отношениях с внешним миром не приведет к превращению такого рода идей в новую стратегию развития. Хотя аналитические рассуждения о том, что «может стать с Китаем без КПК, после КПК» могут с регулярностью актуализироваться в китайской политической мысли.

По мнению В. Михеева, социальное расслоение китайского общества в ближайшие 10–15 лет будет усиливаться, создавая риски социально-политической нестабильности и взлета популярности социалистических концепций равенства. Ответом на это может стать появление того или иного варианта теорий «недестабилизирующего неравенства», смысл которых будет состоять в том, что ни капитализм, ни советский социализм не дают людям равенства – ни по возможностям, ни по факту. Тогда как социализм с китайской спецификой в современную эпоху (эпоху социального расслоения) может обеспечивать не дестабилизирующий социально-политическую обстановку вариант деления общества на бедных, богатых, не очень бедных, не очень богатых и т.п. – по социально-иерархической лестнице.

Такие стратегические построения, скорее всего, не будут выливаться в теоретические постулаты, но будут приводить к реальным мерам социальной политики по предотвращению превращения имущественных разрывов в детонатор протестов.

Продолжение антипекинских выступлений в Гонконге, имеющих связь с недовольной авторитаризмом Си частью китайской элиты, со своей стороны, может повлиять на развитие стратегических размышлений в варианте «КНР после КПК». И хотя это не приведет к появлению идей реальной демократизации общества в стратегическом мышлении официального Пекина, это может стимулировать размышления о том, что без создания демократических работающих институтов и воспитания работающих в них людей КНР может столкнуться со стратегической неопределенностью, хаосом, возвратом к господству коррупции над законом и другому негативу.

А. Ломанов, с другой стороны, полагает, что события в Гонконге стали очередной мощной прививкой против демократии на материке. Гонконгская молодежь вооружила пекинских консерваторов всеми возможными пропагандистскими козырями для утверждений, что «демократия западного образца» ведет к хаосу, экономическому спаду (на который теперь еще накладывается ущерб от коронавируса и прекращения туристических потоков),

создает окна уязвимости для «американского вмешательства» и «иностранных манипуляций».

* * *

Что касается **отношений Китая с США**, А. Ломанов полагает, что нынешние руководители двух стран надолго похоронили идею «большой двойки» («Чимерики»). Она не умерла окончательно, но повторно всплывет на поверхность не ранее рубежа 2020-30-х годов.

А. Ломанов исходит из того, что Вашингтон перевел полемику на новый уровень ожесточенности, что сильно подрывает мотивацию Пекина идти на уступки. Для Китая настало время прощания с мечтами о барышах и новых технологиях из США; пробил судьбоносный час «декаплинга». Соединенным Штатам нужно удержать Китай от превращения в могущественного стратегического соперника, а Китай хочет быть мировым лидером. Никакие косметические уступки, в частности по интеллектуальной собственности, не помогут решить этот структурный конфликт. Новая стратегическая идея применительно к отношениям с США будет какой-то другой. Но какой именно – пока непонятно.

Вместе с тем, по мнению В. Михеева, возможна реанимация стратегических идей о том, что именно поступательное углубление экономического партнерства с США будет главным фактором достижения китайских стратегических целей в экономике. Однако в практическом плане здесь многое будет зависеть от встречных ходов США – наращивания давления на Китай или использования его готовности к сотрудничеству (и тем самым побуждения других стран к аналогичным действиям как отвечающим стратегическим интересам не только США, но и Китая). В последнем случае острота торгово-экономических противоречий будет смягчаться по мере расширения компромиссов по тарифам и объемам закупок американской продукции, изменения правил ведения бизнеса, инвестиционных процедур, либерализации китайского фондового рынка, защиты интеллектуальных прав и т.п.

Однако в обозримой перспективе инициатива сближения или отдаления двух стран будет оставаться в руках Вашингтона. Пекин пока будет вынужден больше реагировать на ситуацию, чем выступать с собственными стратегическими идеями в отношении США.

Параллельно по мере завоевания Китаем европейского и азиатского рынков 5G технологий будет ожесточаться конкуренция Китая и США в этой и других инновационных областях. Подобный вариант развития событий может стимулировать появление новых стратегических идей о международных инновационных форматах сотрудничества с привлечением к ним стран Европы, Южной Кореи, России. Это может также привести к появлению концепций создания (вокруг 5G) и укрепления инновационной основы региональных интеграционных форматов (СВА-3, АСЕАН – Китай, КНР – ЕАЭС), которые сейчас создаются на тарифной платформе.

БРИКС, ШОС, отношения с ЕАЭС и Россией, скорее, будут рассматриваться с точки зрения того, насколько их можно использовать в соперничестве с США, в реализации стратегии «Пояс и Путь», в решении текущих экономических задач и проблем безопасности. Вряд ли вероятны как выход Китая из этих форматов, так и видение им в этих форматах, объединяющих далеко не ведущие мировые страны, нового варианта мироустройства.

В ближайшие 5–10 лет Китай не выйдет на уровень США *в ракетно-ядерной сфере*. Однако наращивание этого потенциала и переход к созданию новых видов вооружений с использованием искусственного интеллекта и космических технологий может побудить пекинских стратегов развивать концепции диалога с США по новым видам оружия. Хотя в рассматриваемой перспективе, исходя из того, что отставание

Китай не будет преодолено, маловероятно, что такие по сути компаративистские идеи затронут ракетно-ядерную сферу.

А. Ломанов полагает, что вопрос о мотивации Пекина в данной сфере остается открытым. США не предлагают Китаю ничего стратегически привлекательного и соответствующего статусу экономической державы номер два, нужной атмосферы нет с обеих сторон.

* * *

Ситуация на Корейском полуострове, по мнению В. Михеева, будет оставаться источником проблем для региональных лидеров. В рассматриваемой перспективе задачу ядерного разоружения Пхеньяна решить не удастся. Все попытки вовлечения Северной Кореи в дипломатический процесс в качестве ответственной стороны не дадут результата и будут сопровождаться тем, что Пхеньян продолжит использовать политические паузы для наращивания и совершенствования своего ракетно-ядерного потенциала.

В Европе и некоторых странах АТР может и далее укрепляться идея об «индийском варианте» разрешения этого вопроса, стратегия «вовлечения» Северной Кореи в международное сотрудничество с последующей целью трансформации политического режима. Однако подобное направление развития стратегической мысли будет «непроходным» и будет упираться в неготовность и нежелание КНДР идти на изменение своей системы в направлении рынка и открытости.

В интеллектуальном пространстве Северо-Восточной Азии время от времени будут появляться, гаснуть и снова возрождаться идеи силового решения проблемы. Вместе с тем огромные риски такого варианта в плане возможных жертв, экологических последствий, разрушений и хаоса, подкрепляемые продолжением наращиванием ракетно-ядерного потенциала Северной Кореи, помешают трансформации подобных идей в реальную политику.

Наиболее вероятен очередной виток распространения старых идей о том, что «не надо трогать Пхеньян, требовать от него перемен». Однако очередные ракетно-ядерные испытания, которые сохраняют приоритетность в стратегии северокорейского руководства, будут показывать слабость подобного подхода, в очередной раз вызывая к жизни проекты более радикальных вариантов действий.

Подобное «вязкое» развитие стратегического мышления будет продолжаться до «момента Х», когда ракетно-ядерные испытания КНДР могут привести к человеческим жертвам в Китае и России, например в результате ядерного заражения или землетрясения.

Тогда стратегическая мысль может выйти на новый уровень, допускающий китайско-американское практическое военно-политическое взаимодействие для решения ядерной проблемы. Если таковое произойдет, то откроются шлюзы для появления идей о присоединении к акции Сеула и Токио. Позиция Москвы при этом будет зависеть от оценки российским руководством реального уровня сопутствующей такому кризису опасности.

По мнению О. Давыдова, в долгосрочной перспективе одной из главных может стать задача «кризисного управления» в отношении Северной Кореи в связи с возможностью «осыпания» или даже одномоментного обвала государственной власти под влиянием нарастающих экономических трудностей и внутренних противоречий. В этих условиях все будет зависеть от способности соседних стран преодолеть существующие между ними разногласия и создать работоспособный формат для решения северокорейских проблем. Это должно быть подчинено целям купирования хаотических и деструктивных тенденций в развитии ситуации, ее перевод в контролируемое русло в интересах решения таких вопросов, как изъятие

ядерного оружия и расщепляющегося материала, а также помощь в проведении первоочередных экономических реформ. Необходимость решения этих задач потребует выработки эффективных стратегий взаимодействия, которые в случае успеха впоследствии могут быть востребованы для формирования нового регионального порядка в Северо-Восточной Азии.

* * *

В отношении концепции **институционализации Индо-Тихоокеанского региона** появление каких-либо новых стратегических идей маловероятно. «Индо-тихоокеанская» стратегия сдерживания Китая силами США и их союзников останется главной составляющей соответствующих политико-теоретических разработок с их стороны.

В условиях волнообразного обострения китайско-американских отношений данная стратегия может наполняться новыми идеями и инициативами. Однако их практическая реализация будет тормозиться или нейтрализоваться заинтересованностью Индии и других участников возможных «индо-тихоокеанских» политических проектов в китайских деньгах и экономическом сотрудничестве с Китаем.

Индия в плане практического стратегического мышления не сможет выйти на траекторию расширения своего влияния за пределы зоны Индийского океана, прежде всего в Юго-Восточной Азии. Хотя на аналитическом уровне могут и далее распространяться идеи формирования и развития зоны свободной торговли со странами АСЕАН.

Индийско-пакистанские и индийско-китайские отношения, которые можно охарактеризовать как, соответственно, противостояние и соперничество, не претерпят изменений в плане стратегического целеполагания. Экономического «энтузиазма» Индии не хватит для компенсации военно-стратегических ограничителей формирования модели эффективного лидерства Индии в рамках SAARC.

Главными в плане стратегического мышления будут оставаться внутренние социально-экономические и этнополитические проблемы.

Вероятно появление новых вариантов стратегии использования России и США в целях укрепления позиций Нью-Дели в противостоянии Индии и Китая: в форматах РИК, БРИКС, ШОС в отношении России и QUAD – применительно к США.

По мнению А. Куприянова, Индия, возможно, попытается формализовать свои отношения со странами ЮВА, но перспектива успеха этих попыток отнюдь не очевидна.

* * *

Стратегия развития **Японии** в рассматриваемой перспективе будет по-прежнему определяться формулой: «без провалов – без прорывов». Такой вариант будет минимизировать вероятность появления каких-либо революционных стратегических идей и их практического применения.

Наиболее значимые аналитические и политические рассуждения будут вестись вокруг следующих тем:

- Изменение конституции и приобретение Японией права полноправного участия в международном военно-политическом позиционировании, включая перспективы полноценного участия в решении мировых и региональных конфликтов.

- Сдерживание влияния Китая в ЮВА, на индо-тихоокеанском пространстве в целом, а также в Африке. Однако здесь Токио скорее будет отдавать предпочтение использованию формата *Quad*, чем поиску чего-либо нового.

- Поддержание интереса к темам создания зон свободной торговли на северо-востоке Азии, сопряженных с транстихоокеанскими и индо-тихоокеанскими

институциональными платформами и форматами. Вместе с тем при отсутствии стратегической стыковки внешнего аспекта проблемы с готовностью Токио идти на необходимые внутренние изменения в экономике, правилах ведения бизнеса и т.д. сохранится приоритет осторожности в противовес психологии политических «прорывов».

– На этом фоне могут появляться стратегические концепции расширения ТПП-11 с перспективой подключения к этому формату Китая и Южной Кореи. Однако такого рода рассуждения будут ограничены сдержанной позицией Пекина, ориентированного на собственный вариант внешнеэкономической стратегии («Пояс и Путь»), и Сеула, «завязанного» на американский рынок и американскую позицию по транстихоокеанскому сотрудничеству. Подключение США к ТПП могло бы изменить стратегическую динамику, но такой шаг Вашингтона (даже с новым президентом) представляется пока маловероятным.

– Токио не перейдет к идее комплексного решения территориальных проблем в Восточной Азии, оставшихся со времен Второй мировой войны. Изменения в подходах к двусторонним территориальным спорам с позиций сегодняшнего дня кажутся совершенно невозможными. Вероятность стратегических новаторств крайне низка; ожидается сохранение практики волнообразного обострения и ослабления напряженности в отношениях с соседними странами по поводу территориальных споров.

– Не ожидается появления каких-либо новаторств и в осмыслении военно-политического союза Японии с США. США будут оставаться главным стратегическим партнером Японии, несмотря на формирующееся в Токио понимание того, что зависимость от США может создавать серьезные неудобства для японской внешней политики.

В Токио может нарастать понимание того, что Японии нужна новая стратегия своего глобального позиционирования. Однако появление и конкретизация новых амбиций будут сдерживаться конституционными ограничениями, волнообразным и противоречивым характером отношений экономического партнерства/конкуренции и политического соперничества с Китаем, а также ограничениями в отношении внешнеполитического маневрирования, накладываемые союзническими обязательствами перед США.

* * *

На пространстве **АСЕАН** дискуссии по поводу стратегий будут вестись вокруг следующих тем.

– Углубление внутриблоковой экономической интеграции и информационно-культурной коннективности.

– Придание большей, а в перспективе и строгой обязательности принимаемым коллективным решениям, а также создание адекватных механизмов их имплементации. Политическая интеграция останется вопросом более отдаленного будущего.

– Во внешнем аспекте на первый план выдвинутся или появятся новые концепции встраивания АСЕАН в китайскую стратегию «Морского Шелкового пути». Возможна разработка сценариев превращения зоны свободной торговли «АСЕАН – КНР» в коллективную основу китайской стратегии «Пояс и Путь» в ее «морской» составляющей. Подобное направление стратегической мысли будет побуждать появление идей «осторожного сближения», с тем чтобы избежать чрезмерной зависимости от Китая.

– Развитие стратегического мышления АСЕАН в направлении поиска противовесов неизбежному усилению зависимости от Китая может укреплять мнение, что для АСЕАН важно стать участником индо-тихоокеанской стратегии США

и Японии, в меньшей степени – Индии и Австралии. Однако на практике такой подход будет уравниваться пониманием важности Китая как экономического партнера.

В целом ожидания серьезных изменений в рассматриваемой перспективе практической политики АСЕАН вряд ли обоснованы.

Наиболее активными проводниками перемен могут стать Индонезия и Вьетнам, частично– Сингапур (при получении им «особых прав»). В меньшей степени ими будут менее развитые страны АСЕАН, заинтересованные скорее в получении внешней помощи своему экономическому развитию, нежели в обсуждении стратегических новаторств.

По мнению Е. Канаева, стратегические дискуссии в АСЕАН будут вестись вокруг следующих тем:

- каким образом продолжать наращивание взаимосвязанности в ЮВА в условиях сокращения контактов между людьми и почти неизбежной приостановки строительства трансграничных инфраструктурных объектов;

- каким образом повысить инвестиционную привлекательность ЮВА и отдельных входящих в нее стран в условиях рещоринга производств как следствия «четвертой промышленной революции», избежав при этом «ловушки среднего уровня развития»;

- каким образом создать и усилить консолидирующую повестку сотрудничества в подходах США и Китая к проблемам безопасности ЮВА, прежде всего к противоречиям из-за Южно-Китайского моря; как (с учетом географического положения стран ЮВА) оставаться в стороне от столкновения китайско-американских интересов по вопросу индо-тихоокеанских форматов;

- каким образом увязать свои перспективные планы с приоритетами глобальных партнеров АСЕАН, прежде всего Китая, в сфере экономики; как избежать при этом проецирования проблем безопасности в отношениях между АСЕАН и КНР на реализацию в ЮВА инициативы «Пояс и Путь»;

- каким образом повысить влияние АСЕАН на процессы глобального развития, в том числе посредством превращения ЮВА в геоэкономическое пространство с потенциалом «четвертой экономики мира» в условиях американо-китайских «торговых войн», нарастания тенденций к протекционизму и рестрикционизму в условиях пробуксовок институтов глобального управления и регулирования.

Хотя поиск ответов на эти и сопутствующие им вопросы будут с высокой долей вероятности занимать центральное место в дискуссиях экспертов и политиков государств ЮВА, кардинальное изменение позиции АСЕАН представляется маловероятным. Скорее всего, она будет придерживаться сравнительно пассивной позиции, стремясь не столько к драматическим прорывам, сколько к сохранению уже наработанных активов – например, статуса «движущей силы» многосторонних переговоров по вопросам экономики, политики и безопасности. Можно ожидать возобновления интереса к таким диалоговым площадкам, как АСЕАН+3 и Восточноазиатский саммит, а также снижения интереса к проекту Всеобъемлющего регионального стратегического партнерства (ВРЭП).

* * *

Иерархия угроз, вызовов и рисков для России

Если поставить перед собой исследовательскую задачу выстроить иерархию стратегических угроз, вызовов, рисков для России в рассматриваемой перспективе, можно построить приводимую ниже модель.

1. Угрозы.

Угроза дестабилизации на Корейском полуострове в связи с реализацией КНДР ее ядерной программы (вариантами такой дестабилизации могут стать последствия ядерных испытаний для окружающей среды; военная акция противников Пхеньяна; политическая дестабилизация на Севере Кореи с соответствующими политическими и гуманитарными последствиями, и т.п.).

Угроза военных конфликтов между КНР и США, КНР и Тайванем (и, как следствие, США), КНР и Японией либо странами АСЕАН (в связи с территориальным спором) представляется минимальной и требующей как максимум гипотетического учета в российской внешнеполитической стратегии. По мнению А. Ломанова, однако, ко второй половине 2020-х угроза регионального конфликта из-за Тайваня станет более реальной, чем конфликт на Корейском полуострове; при этом конфликт между Китаем и США из-за Тайваня может обернуться большой войной.

Угроза ограниченных военных столкновений Китая с соседними странами из-за территориальных споров в большей степени относится к категории стратегических вызовов (какую позицию выгоднее занять, чью сторону поддержать), нежели напрямую затрагивает безопасность России. Наиболее значимым и, одновременно, рискованным и деликатным здесь будет поиск адекватного ответа в случае военно-конфронтационных выплесков в треугольнике Индия – Пакистан – КНР.

Угроза образования военно-политического союза Китая и США (т.н. «Чимерики») в рассматриваемой перспективе полностью отсутствует – не только по причине нынешнего обостренного характера китайско-американских отношений, но и вследствие противоположности стратегических устремлений Китая, стремящегося к статусу второй мировой сверхдержавы, и США, стремящихся к сохранению за собой монополии лидерства.

За исключением угрозы опасного развития ситуации на Корейском полуострове в непосредственной близости от наших дальневосточных границ, для отражения которой потребуются политическая (и, не исключено, военная) инициатива, по остальным угрозам, в большей или меньшей степени гипотетическим, России, на наш взгляд, рационально занимать нейтрально-выжидательную позицию, работая не на поддержку того или иного оппонента, а на максимально скорое и минимально кровопролитное решение вопроса.

2. Вызовы.

Китайский «Пояс и Путь». России важно перефокусировать свое стратегическое видение ситуации и целеполагание с попыток сдержать рост международного влияния Китая в той его части, которая противоречит интересам России, на возможное активное, но осмотнительное сотрудничество с КНР в рамках ее стратегических инициатив.

Китайско-американское экономическое партнерство. Сценарий, предполагающий углубленное взаимодействие КНР и США – как вариант среднесрочного развития отношений между ними – может рассматриваться не только как вызов, но и как новые возможности для России. В частности, путем

использования китайского опыта рационального ответа на американские требования в отношении изменения деловой среды, правил и условий ведения бизнеса, защиты интеллектуальной собственности – ответа, позволяющего использовать уступки этим требованиям на благо и в интересах развития китайской национальной экономики.

В этой связи А. Ломанов считает необходимым заметить, что серьезными вызовами для России чревато не столько «углубление взаимодействия», сколько обострение противостояния КНР и США, когда России придется без всякого желания и энтузиазма присоединяться к одной из сторон (понятно, что не к США, которые упорно не готовы предложить России привлекательную программу конструктивного сотрудничества и отмену санкций).

Развитие новых экономических форматов в АТР без участия России. Учитывая более высокие стандарты и эффективные правила ведения бизнеса в странах «первого эшелона» экономик АТЭС, такого рода «выпадение» может быть чревато для России падением ее конкурентоспособности и привлекательности. Следовательно, оно является серьезным вызовом евразийской стратегии России. Сталкиваясь с меньшей геоэкономической заинтересованностью стран АТР в евразийском пространстве по сравнению с заинтересованностью в инициативах, подобных «Поясу и Пути», и не имея столько ресурсов, сколько имеет КНР для их финансирования, Россия вряд ли сможет предложить потенциальным партнерам привлекательную выгодную модель стратегического сотрудничества. Подобное рассуждение выводит на мысль о новой стратегии «дозированного» или, в более благозвучном варианте, «пропорционального» («рационального», «эффективного», наконец, «встроенного») евразийства, которое давало бы России шанс на встраивание в форматы сотрудничества на транстихоокеанском и индотихоокеанском пространствах с сохранением ее «евразийского» потенциала и без ущерба для ее стратегического авторитета серьезного партнера.

3. Возможности.

С учетом вышеназванных угроз и вызовов можно было бы сформулировать следующие возможности, перспективы использования которых могли бы стать предметом анализа российских научных и аналитических центров.

- Многостороннее сотрудничество по сохранению стабильности на Корейском полуострове с выходом на варианты денуклеаризации КНДР.

- Более глубокое, нацеленное на интеграционные задачи сотрудничество с Китаем для так называемого «сопряжения» стратегии развития ЕАЭС и инициативы «Пояс и Путь».

- Модернизация внутреннего экономического законодательства, процедур и правил ведения и защиты бизнеса, их гармонизация с практиками ведущих стран региона. Очевидно, что сегодня можно вести речь только о формировании готовности к такой работе. Для этого предстоит решить ряд концептуальных задач, таких как сопоставление условий, существующих в АТР и в Европе, оценка пригодности формирующихся правил и практик для тихоокеанской (дальневосточной) и европейской частей России и т.п.

На нынешнем этапе развития российской экономики интеграционные тенденции АТР и основные направления сотрудничества и соперничества региональных и мировых лидеров не затронут непосредственно интересов России.

Для следующего этапа развития России, который будет ознаменован преодолением нынешней экономической модели с ее опорой на экспорт энергоносителей (скорее всего, это произойдет в более отдаленной перспективе, чем ближайшие 15 лет), потребуется большая адаптация нашего хозяйства к тем

условиям ведения бизнеса и «правилам игры», которые постепенно (где быстрее, где медленнее) формируются по основным векторам развития исследуемого региона: китайско-американская «экономическая игра», «Морской Шелковый путь» как часть стратегической инициативы «Пояс и Путь», ТПП-11, форматы углубленного сотрудничества вокруг АСЕАН, СВА-3 и др.

Однако на текущем этапе развития российской экономики вопросы «самоизоляции» от АТР в прогнозируемой перспективе не являются критичными. В данном случае зависимость от экспорта энергоресурсов – не столько минус, сколько возможность. Она позволяет выживать, накапливать потенциал будущего роста, даже выпадая из азиатско-тихоокеанских процессов интеграции, цифровизации, обновления «правил игры» в экономике и т.д. У России есть время на паузу.

В сфере безопасности мы вступаем в своего рода «пост-биполярный» этап обеспечения глобальной и региональной стратегической стабильности. Проблема распадается на две части.

Первая – отсутствие перспективы у двусторонних российско-американских переговоров по СНВ, РСМД, новейшим видам вооружений, в т.ч. с использованием кибер-оружия, искусственного интеллекта и т.п. Уровень экономического развития и военного строительства Китая, его планы превращения в мировую военную державу побуждают двух других лидеров – США и Россию – рассматривать необходимость полноценного подключения Пекина к механизмам будущих моделей обеспечения стратегической стабильности. Китай, являющийся сегодня главным стратегическим партнером России, не готов обсуждать свое вовлечение в процесс контроля за вооружениями. Это создает стратегические сложности для Москвы, требуя разработки нового варианта маневрирования. С другой стороны, это открывает возможность – в случае положительной динамики российско-американских отношений – сыграть роль «полезного посредника» в выводе ситуации на трехсторонний уровень обсуждений и договоренностей.

По мнению А. Ломанова, маловероятно, что такая возможность откроется в обозримом будущем, особенно в свете перспективы окончательного уничтожения обеспечивавших стратегическую стабильность российско-американских договоров. К тому же США вряд ли всерьез заинтересованы в вовлечении КНР в переговоры о контроле над вооружениями и намерены использовать отказ Китая как предлог для окончательного прекращения переговорного процесса по этой тематике.

Вторая часть проблемы – это вопрос о новых странах с ядерным оружием. Применительно к АТР это Северная Корея, а также Индия и Пакистан. В среднесрочной перспективе региональные лидеры будут более остро ощущать риски, связанные с дальнейшим распространением ядерного оружия и вероятностью ядерных конфликтов в регионе. Однако параллельно может расти и понимание неизбежности, а не просто желательности сотрудничества тройки Россия – США – Китай для сдерживания процесса наращивания ядерных вооружений новыми странами как задачи-минимум, и их ядерному разоружению – как задачи-максимум. Или, практически, возможно, более реальному, но более опасному и неприемлемому, с точки зрения авторов работы, варианту де-факто признания их ядерного статуса с последующим вовлечением этих стран в диалог по ядерному сдерживанию.

На наш взгляд, в плане практической политики России еще предстоит определиться в среднесрочной перспективе с ответом на такую угрозу. Важно, чтобы российское стратегическое мышление не пошло здесь по пути отказа от нынешних позиций, категорически не допускающих варианта «де-факто»-признания новых обладателей ядерного оружия.

Для российской внешней политики в АТР на среднесрочную и стратегическую перспективы будут характерны неравномерность и несбалансированность при формулировании и реализации своих интересов в этом регионе. Меньшая динамика будет наблюдаться в отношениях со странами АСЕАН; российско-американские отношения будут носить волнообразный характер; отношения с Японией будут стабильными, хотя и малодинамичными. Отношения с корейскими государствами будут определяться развитием военно-политической обстановки на полуострове.

Одновременно с этим внешняя политика России будет концентрироваться на китайском направлении, учитывая заинтересованность Москвы в участии в китайском проекте «Пояс и Путь», а также в решении ракетно-ядерной проблемы КНДР при китайском лидерстве в этом вопросе.

В настоящее время и Россия, и другие страны транстихоокеанского пространства ищут пути ускорения собственного социально-экономического развития. В плане создания внешних условий для обеспечения внутреннего развития России необходима активная интеллектуальная работа по доктринальному сопровождению азиатской политики РФ по следующим направлениям:

Во-первых, для России было бы полезно изучить подходы таких стран с большой ролью государства, как КНР, Малайзия, Сингапур и Вьетнам, к вопросу о месте и роли государственного сектора в экономике.

Во-вторых, учитывая заинтересованность Москвы в защите прав интеллектуальной собственности, складывается стратегическая потребность в увязывании позиции России по данному вопросу с подходами США, Японии и Южной Кореи, обладающими в этих вопросах большим опытом и авторитетом в регионе.

В-третьих, для России было бы актуально донести до экспертных, деловых и политических элит региона свой подход к развитию государственно-частного партнерства как в концептуальном, так и в практическом плане, принимая во внимание высокую значимость данной темы для планирования внешнеполитических стратегий стран транстихоокеанского пространства.

Наконец, в-четвертых, представляется крайне важным, чтобы Россия постоянно продвигала в регионе четкое видение своей азиатской политики, своих целей в отношении роли и места России на транстихоокеанском и индо-тихоокеанском пространствах; наступательно, но в кооперативистском духе обозначила свои приоритеты и возможности вносить вклад в развитие региона.

Одним из главных преимуществ азиатской дипломатии России является ее участие практически во всех институтах и институциональных форматах, а также работа на всех диалоговых площадках региона. К России со стороны региональных игроков практически нет претензий по территориальным вопросам (за исключением спора по островам с Японией). Более того, Россия, в отличие от Китая, не рассматривается странами региона как военная угроза.

Несбалансированность экономического и политического измерений азиатской политики России имеет и свою позитивную сторону. Если в экономическом плане Россия отстает от стран региона, то в политическом может претендовать на видные роли в качестве интеллектуального и дипломатического лидера.

В практическом плане это видится в следующем варианте.

Прежде всего, в политической плоскости, учитывая схожесть позиций по поводу денуклеаризации КНДР, открываются возможности взаимодействия со странами, заинтересованными в решении данной проблемы

Далее, для успешной реализации российских интересов крайне необходимо создание атмосферы взаимного доверия между всеми странами индо-

тихоокеанского пространства с целью снятия военно-политической и стратегической напряженности в отношениях между ними.

Актуальным представляется формирование антитеррористического регионального формата с участием АСЕАН, главной задачей которого станет борьба с распространением влияния различных террористических группировок в Юго-Восточной Азии.

В экономике России важно гармонизировать внутреннее законодательство по вопросам защиты прав интеллектуальной собственности и правил ведения бизнеса с основными тенденциями в рамках АТЭС и стратегии «Пояс и Путь».

Законодательная и политическая поддержка мелкого и среднего российского бизнеса, а также разделение полномочий и ответственности между федеральным центром и дальневосточными регионами («Тихоокеанской Россией») могли бы, в свою очередь, способствовать большей степени открытости российской экономики в интересах развития интеграционных процессов в Тихоокеанской Азии.

В целом у России есть шансы вести свою игру на транстихоокеанском и индо-тихоокеанском пространствах. И здесь мы должны обратить внимание на концептуальное видение «умной силы» как составной части российской внешней политики. «Умной силы», основанной на трех составляющих элементах:

- понимании настоящего и будущего транстихоокеанского и индо-тихоокеанского пространств,
- понимании своих стратегических целей и возможностей,
- определении тех уступок, тех вариантов компромиссов, на которые Россия может пойти, и тех «красных линий», которые Россия при отстаивании своих интересов никому не может позволить перейти.

Однако ответы на эти вопросы – тема уже следующей нашей работы.

Научное издание

Национальные и международные стратегии
на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз

*Под редакцией
Михеева Василия Васильевича
Швыдко Виталия Григорьевича*

Монография

ISBN 978-5-9535-0582-6

Подписано в печать 20.11.2020.
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 23 п.л., 15,1 а.л. Тираж 300 экз. Заказ № 34/2020

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23